человек загадка

Алекс Бертран
ГРОМОВ

ЛЮБОВЬ
НА КРОВИ

КЛЕОПАТРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Великая египетская царица Клеопатра прожила всего 39 лет, но осталась самой известной и загадочной женщиной в истории. Она была далеко не красива. Но именно она виртуозно владела наукой любви, и у ее ног были самые влиятельные люди ее времени. Считается, что, став царицей, она назначила смерть ценой своей любви и нашлись обожатели, которых такое условие устроило. Сам непобедимый Цезарь, попав под ее обаяние, поверил, что за ночь любви с ней мужчина может пожертвовать жизнью! После падения Египта, чтобы не стать рабыней, гордая царица покончила с собой и умерла свободной.

Знак информационной продукции 12+

- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ПРЕДКИ КЛЕОПАТРЫ
- КЛЕОПАТРА — ВНЕБРАЧНАЯ ДОЧЬ ПТОЛЕМЕЯ XII?
- ОБРАЗОВАНИЕ И ОКРУЖЕНИЕ
- ЛЕГЕНДАРНАЯ КРАСАВИЦА: КАКОЙ ОНА БЫЛА НА САМОМ ДЕЛЕ
- МЯТЕЖ БЕРЕНИКИ, ВМЕШАТЕЛЬСТВО РИМА
- ЗАВЕЩАНИЕ ПТОЛЕМЕЯ
- ЗАГОВОР ПРОТИВ ЦАРИЦЫ. БЕГСТВО
- ЦЕЗАРЬ Б ЕГИПТЕ
- КЛЕОПАТРА НАХОДИТ ПОКРОВИТЕЛЯ
- БИТВА ЗА ЕГИПЕТСКИЙ ТРОН
- ЛЮБОВЬ НА ВОДАХ НИЛА
- РОЖДЕНИЕ ЦЕЗАРИОНА
- КЛЕОПАТРА В РИМЕ
- ОКТАВИАН И КЛЕОПАТРА. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА
- ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ
- МЯТЕЖ АРСИНОИ
- ВСТРЕЧА С МАРКОМ АНТОНИЕМ: ОШЕЛОМЛЯЮЩАЯ РОСКОШЬ
- РАСТОЧИТЕЛЬСТВО КЛЕОПАТРЫ
- "ОН СТАЛ РАБОМ ЕГИПЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ…"
- ПОХОД АНТОНИЯ ПРОТИВ ПАРТЯН. ССОРА С КЛЕОПАТРОЙ
- БРАК АНТОНИЯ С СЕСТРОЙ ОКТАВИАНА
- НОВАЯ ВСТРЕЧА В АНТИОХИИ
- ПРОИГРАННАЯ БОЙНА
- РИМ И ЕГИПЕТ: НОВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ
- КАТАСТРОФА ПРИ АКЦИИ

- КЛЕОПАТРА И ЦАРЬ ИРОД
- ПОПЫТКА К БЕГСТВУ
- ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА И СМЕРТЬ МАРКА АНТОНИЯ
- КЛЕОПАТРА И ОКТАВИАН: ПОСЛЕДНИЕ ПЕРЕГОВОРЫ
- СМЕРТЬ КЛЕОПАТРЫ
- УКУС ЗМЕИ ИЛИ ПРОСТО ЯД?
- ТРИУМФ ОКТАВИАНА И СУДЬБА ДЕТЕЙ КЛЕОПАТРЫ
- ПОХОРОНЫ КЛЕОПАТРЫ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ПОИСКИ ГРОБНИЦЫ
- ЕГИПЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ КЛЕОПАТРЫ
- ОБРАЗ КЛЕОПАТРЫ В КИНО
- ВАННЫ И АРОМАТЫ: СЕКРЕТ ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТИ КЛЕОПАТРЫ
- ОСОБЕННОСТИ ЕГИПТА ВРЕМЕН КЛЕОПАТРЫ
- И ДАЖЕ В МУЛЬТФИЛЬМАХ
- КЛЕОПАТРА Б ПРОЗЕ И СТИХАХ
- ЛЮБИТЬ И ВЛАСТВОВАТЬ
- КЛЕОПАТРА В БАЛЕТЕ И МУЗЫКЕ
- КЛЕОПАТРА: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ
- КЛЕОПАТРЫ НАД НАМИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В большинстве преданий, будь они античные или относительно современные, о царице Клеопатре говорится, что она соблазняла влиятельных мужчин и использовала их ради собственной власти. Но ведь в реальности она выступала на равных. Она правила сама, более того, именно ей приходилось разруливать последствия военных авантюр Марка Антония.

Но Клеопатре не повезло со временем, в которое она жила… Рим уже не довольствовался ни союзничеством, ни вассальными обязательствами со стороны Египта — он хотел заполучить все богатства этой страны. Миф о царице — развратной соблазнительнице, менявшей мужчин ради утоления своей неистовой чувственности и жгучего честолюбия, — был создан римскими историками, которым было поручено оправдать начало войны против нее и захват Египта. Но даже эти сочинители не смогли привести более убедительных аргументов, нежели просто слова «говорят, что она была развратна».

На самом деле это была умная и реалистически мыслящая правительница, руководившая набором армии и постройкой кораблей, обеспечением страны продовольствием, чеканкой монет. Правление Клеопатры было одним из самых долгих, 22 года, причем ее любил простой народ, а она понимала его. И в прямом смысле тоже — Клеопатра единственная из всей династии Лагидов дала себе труд выучить египетский язык.

ПРЕДКИ КЛЕОПАТРЫ

История Египта уходит в безмерную даль тысячелетий, но предки Клеопатры появились здесь всего лишь за два с половиной века до ее рождения. Она принадлежала к династии Лагидов, чьим родоначальником был Птолемей, сын Лага — один из диадохов, военачальников Александра Македонского, которые после смерти великого воителя спешно принялись делить между собой созданную им империю. Поговаривали, что Птолемей был не только другом и соратником, но и единокровным братом Александра, рожденным наложницей по имени Арсиноя от царя Филиппа II.

Впрочем, по поводу происхождения самого Александра, равно как и Птолемея, ходили разные слухи. И не только те, что возлагали ответственность на верховного бога тогдашнего пантеона Зевса. Была и весьма популярная версия, что на женской половине резиденции македонского царя тайно, но результативно гостил египетский фараон Нектенеб II, переносившийся туда с помощью магии. Благо упомянутый правитель окрестностей славной реки Нил не только престол сумел захватить, воспользовавшись народным мятежом против восседавшего на троне родственника, и впоследствии напавших персов отогнать, но и оккультные дисциплины изучал исправно. Из чего, кстати, возможно, и происходит легенда о философском камне, имевшемся в сокровищнице царицы Клеопатры.

Но чьим бы сыном ни был Птолемей, он с юных лет и до последнего дня оставался в числе лучших и ближайших друзей и соратников Александра. «Он был телохранителем царя, отважнейшим бойцом и еще более ценным помощником в мирное время, — свидетельствует Курций Руф, — он обладал умеренностью гражданского деятеля, был приятен в обращении, легкодоступен, в нем не было и следа царской спеси. Трудно было сказать, кому он был более дорог: царю или народу». Птолемей был отведывателем царских кушаний — должность, по словам историка Афинея, «высокая и почетная».

Античные историки часто пересказывали эпизод, когда Птолемей был ранен отравленной стрелой и лежал при смерти, а сам Александр не отходил от его постели. Когда усталый царь задремал, то увидел во сне змею с пучком травы в пасти и услышал голос, говоривший, что это растение послужит противоядием. Очнувшись, Александр позвал лекарей, те отыскали необходимую траву. Птолемей выжил.

Рассказывали также, что свое прозвище Сотер (спаситель)

Птолемей получил за то, что спас Александра, когда тот был тяжело ранен при штурме города в царстве Малла. Но другие историки ссылаются на записи самого Птолемея, которые гласят, что именно в этой битве он не участвовал. А прозвище получил позже за своевременно оказанную помощь жителям Родоса во время войн за наследство Александра.

Не раз отличился предок Клеопатры в сражениях: «Птолемей, сын Лага, увидел на холме предводителя тамошних индов: вокруг него стояли воины со щитами. У Птолемея людей было гораздо меньше, но он все-таки кинулся в погоню, сначала верхом. Лошади, однако, было трудно взбираться на холм: Птолемей спрыгнул с нее, отдал поводья кому-то из щитоносцев, а сам, как был, побежал за индом. Когда тот увидел, что Птолемей близко, он и его воины повернулись к нему лицом. Инд ударил Птолемея в грудь длинным копьем; панцирь задержал удар. Птолемей пробил инду бедро насквозь, свалил его на землю и снял с него доспехи. Воины при виде своего павшего князя дрогнули и побежали…»

Птолемей был в числе тех немногих, кто смог уговорить Александра прекратить военный поход и вернуться. Но вскоре жизнь великого полководца оборвалась, а его соратники принялись делить созданную им империю. Войны из-за этого не угасали еще несколько десятилетий.

Но сразу после смерти Александра Птолемей предлагал провозгласить его наследником кого-то из военачальников, кто бы пользовался авторитетом в армии. Возможно, намекая на себя… Но наследником объявили еще не родившегося ребенка Александра и царицы Роксаны, если таковой окажется мальчиком. А завоеванное царство поделили на несколько сатрапий. Птолемей, догадавшись, что добром это не кончится, выбрал себе ту, что была в стороне от центра событий. А именно — Египет.

Как известно, Александр занял Египет практически без боя и в системе здешнего государственного и местного управления ничего особо менять не стал, разве только разместил по стране свои гарнизоны, призванные существующую систему поддержать. Птолемей I Сотер придерживался той же политики, даже повелел восстановить древние египетские храмы, разрушенные во время персидского завоевания. Как свидетельствовали историки, его разумное правление пришлось по душе коренным египтянам, поэтому в последующих войнах с другими диадохами, прежде всего за господство на Средиземном море, подданные Птолемея ни разу не пытались ударить ему в спину. Плутарх приводил такое мнение о нем: «Птолемей, сын Лага, часто и ел, и спал у

друзей своих, а когда ему случалось угощать их, он у них же брал для этого столы, и покрывала, и посуду, потому что сам ничего не имел, кроме самого необходимого: царю, говорил он, более пристало обогащать не себя, а других».

Бюст Птолемея I Сотера в образе фараона

В 322 году до н. э. в Египте был торжественно погребен Александр Великий. Тело почившего завоевателя везли в Македонию, но Птолемей с большим отрядом воинов встретил погребальный кортеж в Сирии и убедил возглавлявшего его Арридея изменить маршрут. Сначала саркофаг был установлен в Мемфисе, а когда был достроен основанный самим Александром город его имени — Александрия, там была возведена и подобающая гробница. Александр был обожествлен и признан покровителем державы Птолемеев. При его мавзолее состояли особые жрецы.

В 311 году до н. э. Александр IV, сын Александра Великого, был убит в Македонии. Со смертью наследника держава окончательно распалась, сатрап Египта не только де-факто, но и де-юре стал государем независимой страны. Птолемей был

трижды женат, а планируя браки своих детей, постарался породниться с сопредельными правителями, обеспечивая их лояльность, и укрепить столь желанное господство на море. И ему это удалось. Птолемей I стал одним из немногих диадохов, кто сумел мирно умереть собственной смертью от старости.

Александрия росла и развивалась, местоположение города-порта было самым выгодным для связей с Сирией и землями, прилегающими к Эгейскому морю. Она считалась лучшей гаванью тогдашнего мира, соперничать с ней мог разве что Карфаген, правда, Александрия вскоре превзошла его по размерам.

Сын Птолемея унаследовал трон, а потом в соответствии с египетскими обычаями вступил в брак со своей родной сестрой Арсиноей. Причем произошло это, когда они были уже достаточно в зрелом возрасте и имели детей от предыдущих браков. Греки были шокированы таким браком, но для царей, носивших двойную корону Египта, женитьба на близких родственницах была обычным делом. Утверждают, что Арсиноя правила весьма самовластно, именно при ней стало обыденным делом истребление ближайших родственников. Брат Птолемея Аргей был предан смерти по обвинению в заговоре против царя.

«Кровосмесительные браки рассматривались Лагидами как искусство править без больших потрясений, и чисто семейные убийства лишь разнообразили существование, — констатирует писатель и историк Пьер Деке в своей книге „Клеопатра“. — Матримониальные отношения Лагидов станут понятнее, если мы уясним себе, что один из первых представителей династии, женившись на своей сестре, женился одновременно на свекрови своей предыдущей супруги… Одна из цариц ухитрилась выйти замуж за всех братьев по очереди, всех устранить, чтобы править в конце концов совместно с сыном. Но внезапно один из устраненных совершил государственный переворот, убил племянника и вновь женился на собственной сестре, захватив престол. Однако дочь царицы решила занять место матери в постели своего дяди, она убила родительницу и изгнала для верности собственных сыновей, что, между прочим, не помешало ей умереть от рук убийц, подосланных ее младшим отпрыском».

Лауреат Пулитцеровской премии, автор известных биографических трудов Стейси Шифф в книге, посвященной Клеопатре, пишет: «Птолемеи не балуют историков разнообразием женских имен: все их царевны звались Арсиноями, Берениками или Клеопатрами, которых куда проще различать не по именам, а по сотворенным ими злодеяниям, хотя и здесь существовали незыблемые традиции: ни одна Клеопатра, Береника или Арсиноя не колебалась, прежде чем отравить мужа,

убить сына или объявить вне закона собственную мать, и никогда не забывала поставить своей жертве величественный памятник».

Кстати, в правление первой Арсинои впервые возникает тема змеи и смерти, которая потом окажется важной частью легенды о Клеопатре. Деметрий Фалерский, доверенный советник Птолемея I, после его смерти впал в немилость и был заключен под стражу. И однажды во время сна его укусила в руку ядовитая змея, что и стало причиной его смерти, как пишет о том Диоген Лаэртский в книге «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».

КЛЕОПАТРА — ВНЕБРАЧНАЯ ДОЧЬ ПТОЛЕМЕЯ XII?

К моменту рождения самой прославленной Клеопатры к постоянным опасениям, не планируют ли родственники переворот, прибавилась необходимость добиваться признания со стороны Рима. Известно, что мать Клеопатры не была рождена в законном браке и являлась либо родной, либо сводной сестрой Авлета. При этом и сам Флейтист до того, как заработать это прозвище, был известен как Нотос, что значит «бастард». Была ли мать будущей царицы законной супругой ее отца или одной из многочисленных наложниц, историки установить не сумели.

Впрочем, моногамный брак еще не стал абсолютной нормой, дети наложниц исправно получали имена отцов и наследовали престолы. Одним из феноменов Древнего Египта являлись т. н. странные рабы, сведения о которых содержатся на папирусах, найденных в Тебтиносе. В тексте говорится о том, что человек объявлял себя и потомство на 99 лет рабами местного бога. При этом в течение этих лет он (и потомки) были обязаны выплачивать храму бога небольшую ежемесячную сумму. Но взамен бог должен был охранять своего «раба» от злых сил, демонов и прочих потусторонних опасностей, дурного глаза.

Как правило, такими «рабами» становились люди, родившиеся от неизвестных отцов и появившиеся на свет на территории храма, в том числе подкидыши.

Но понятно, что малышка Клеопатра еще ничего не знала о династических проблемах и политических сложностях.

ОБРАЗОВАНИЕ И ОКРУЖЕНИЕ

Клеопатра появилась на свет в Александрийском дворце и росла окруженная заботой множества нянюшек. Вместе с ней воспитывались многочисленные дети из знатных семейств, которым предстояло в будущем стать придворными вельможами. Наследники не были изолированы в детской — маленькая царевна присутствовала не только на официальных приемах, но и слушала беседы отца с видными царедворцами, учеными и иноземными послами.

Обычным местом детских игр были обширные дворцовые сады. Клеопатру всегда сопровождали пышная свита и слуги, носившие короба с игрушками: терракотовыми куклами, кукольными домиками, платьями и посудой тончайшей работы, а также клетки и коробки с маленькими зверюшками. А если ручные мыши наскучили, царевна могла полюбоваться в дворцовом зверинце куда более внушительными созданиями. Птолемеи по традиции держали там жирафов, медведей, носорогов и огромных змей.

Девочкой она часто отправлялась в Мемфис, где в древнем царском дворце на берегу Нила принимала участие в пышных и причудливых ритуалах, семейных празднествах и священных церемониях. Этот сакральный город находился в ста милях выше по течению Нила, нежели Александрия. Там находились гробницы, храмы и звериные катакомбы, куда паломники приходили ради поклонения священным животным.

Образование Клеопатра получила превосходное, можно сказать, эталонное для своего времени, ведь тогда знатные греки и римляне приглашали к своим детям именно александрийских наставников. В Александрии жили и работали виднейшие ученые того времени, лучшие ораторы обучали царевну искусству риторики, в ее распоряжении была уникальная Александрийская библиотека.

ЛЕГЕНДАРНАЯ КРАСАВИЦА: КАКОЙ ОНА БЫЛА НА САМОМ ДЕЛЕ

Великий историк древности Плутарх, видевший ее различные изображения, так описывает внешность Клеопатры: «Ибо красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад, — на любое наречие…».

До наших дней не дошло никаких достоверных изображений самой роковой красавицы древних времен, поэтому упоминаемая во множестве споров и письменных источников легендарная фраза великого мыслителя Блеза Паскаля — «Будь нос Клеопатры чуть покороче, облик Земли стал бы иным» — уже воспринимается как истина или, вернее сказать, гимн ее сказочной красоте, изменившей судьбу мира.

Неужели, действительно, будь нос Клеопатры чуть покороче, то черты ее лица потеряли бы чудесное изящество, которое на протяжении двух тысячелетий так успешно воспевали скульпторы и художники, писатели и поэты? И не менялся ли облик роковой красавицы Клеопатры в эпохах, следуя причудливой моде на женскую красоту в данном времени и месте? Для наглядности. К примеру, в XVII веке на многих картинах европейских художников Клеопатру изображали в образе пышной блондинки, одетой в платье с фижмами. В XX веке стали популярны изображения Клеопатры в образе женщины-вамп.

Хотя, строго говоря, светловолосой и голубоглазой она все-таки могла быть — ведь ее предки-македонцы являли собой как раз такой типаж, и с учетом близкородственных браков этот рецессивный тип внешности мог сохраниться. Впрочем, с таким же успехом он мог быть размыт доминирующей кровью какой-нибудь смуглой красавицы из чиста царских наложниц.

Какие же имеются варианты воплощенного (с натуры) облика красавицы Клеопатры? Во-первых, это поврежденный бюст из Шершелл в Алжире (ранее античный город Цезарея Мавританская). Этот бюст, по всей видимости, был создан уже после смерти Клеопатры — по случаю брака Клеопатры Селены, её дочери от Марка Антония, с царем Мавритании Юбой.

Согласно одной исторической версии, бюст передает внешность Клеопатры в ее последние годы. Но сторонники другой версии утверждают, что бюст передает только фамильные черты, поскольку скульптор ваял не Клеопатру VII, мать невесты, а ее дочь, Клеопатру Селену.

Бюст Клеопатры VII из Шершелл (Алжир)

Много ли современным ученым-историкам известно о ближайших родственниках Клеопатры? В древнем городе Эфесе, расположенном на западном побережье Малой Азии (территории нынешней Турции), в ходе раскопок была найдена гробница родной сестры Клеопатры — Арсинои. Проведенный при помощи передовых методов анализ останков выяснил, что мать Арсинои имела и африканские корни. По одной из версий, историки не исключают, что матерью Клеопатры и Арсинои была наложница Птолемея XII. Хотя нельзя спустя столько веков, не имея найденных останков самой Клеопатры, быть точно уверенным, что у них была одна и та же мать. Но при этом нельзя исключать

и возможности того, что в царице Клеопатре текла африканская кровь.

Но только ли африканская? По мнению Артура Вейгалла, автора книги «Клеопатра. Последняя царица Египта», известного знатока древностей Египта и члена экспедиции лорда Карнарвона, открывшего миру гробницу Тутанхамона, «в венах Клеопатры, вероятно, текла и толика сирийской крови, так как ее бабушка, любовница ее деда Птолемея Латира, была из этого народа. Клеопатра, несомненно, имела македонские, греческие и иранские гены».

Кроме того, в течение последних двух веков великой Клеопатре приписывали (в основном любители-коллекционеры) множество эллинистических бюстов, изображающих молодых привлекательных женщин с типично греческими лицами, но на самом деле персоны, с которых делали бюсты, точно не идентифицированы, и поэтому вероятность, что они изображают ту самую Клеопатру, ничтожна мала. Кроме того, существует версия, что «настоящие бюсты» Клеопатры все имеются, но хранятся не в частных коллекциях Америки и Азии, а в Берлинском музее и музее Ватикана. Но и в этих хранилищах бюсты с классическим обликом Клеопатры заставляют подозревать скульпторов не в передаче облика реальной женщины, а в идеализации изображения, отражающего уже сформировавшуюся легенду.

Во время недавних почти двадцатилетних раскопок у берегов древнего города Александрии археологами были обнаружены фрагменты статуи — голова римлянки и мраморный бюст женщины с широкой лентой на голове, как носили тысячелетия назад египетские царицы. Многие улицы и строения Александрии, построенные при Птолемеях и позже, в результате землетрясений и цунами, а также постепенного повышения уровня воды в море оказались на дне и поэтому труднодоступны. Существует версия, поддерживаемая рядом известных европейских историков, что этот мраморный бюст женщины с широкой лентой на голове — не что иное, как изображение той самой Клеопатры, причем сделанное во время ее пребывания в Риме с Цезарем. Доказательствами могут служить как соответствующая времени Клеопатры датировка бюста, так и детали внешности, например, нос с горбинкой соответствует официальным портретам на монетах.

В небольшом городе Дендера, расположенном на западном берегу Нила, напротив Кены, расположен храм богини Хатхора, богини Млечного Пути и неба, любви, женственности, красоты, веселья и танцев. В древности здесь находился и центр культа

этой богини. Храм Хатхор впервые исследован Франсуа Огюстом Мариетом, кузеном и другом прославленного ученого Шампольона. Мариет в 1858 году принял от египетских властей место смотрителя древностей и навсегда остался в Египте, и даже в соответствии со своим завещанием был похоронен в саркофаге во дворе основанного им музея. Кроме того, Мариет внушил великому композитору Джузеппе Верди мысль о создании оперы на древнеегипетскую тему — так родилась непревзойденная «Аида», заказанная правительством Египта Верди, дабы отметить открытие Суэцкого канала. Мариет оставил подробные описания возведенного из песчаника Дендере храма Хатхор, имеющего почти 80 метров и окруженного кирпичной стеной. Внутри находится огромный гипостильный зал с 24 колоннами, каждая из которых увенчана изображениями богини Хатхор. На потолке изображены астрономические сцены, на стенах храма — описание царского визита. На крыше храма помещалось несколько небольших святилищ Осириса, в одном из которых были обнаружены уникальный зодиак и солнечный диск. Кроме того, храм известен тем, что в нем находятся Лампа Дендеры, также называемая Светом Дендеры, — фрагменты барельефов, содержащих типичный набор символических изображений египетской мифологии, но имеющих внешнюю схожесть с газоразрядными светильниками, например электронной трубкой Крукса. На стене храма Хатхор, с левой стороны, находится барельеф Клеопатры, изображенной в виде египетской богини Хатхор (богини-матери), вместе с сыном Цезарионом (которого она сделала соправителем) в одеянии древнего фараона. Сама Клеопатра в этой сцене исполняет обязанности фараона, принося жертвы богам.

Другим источником информации об облике Клеопатры могут считаться монеты, но изображения на них тоже утрированы. Так, в память о знаменательном событии — женитьбе Антония и Клеопатры — в Египте были отчеканены монеты, на одной стороне которых была изображена голова Клеопатры, а на другой — Антония и написаны их имена. В честь этого события Клеопатра повелела начать и новое летосчисление своего правления, и на монетах, выпущенных шестью годами позже, рядом с головами Антония и царицы Клеопатры имеется надпись: «В правление царицы Клеопатры, в 21-й, который также есть 6-й год Богини».

Где же еще изображена Клеопатра? На некоторых древнеегипетских монетах изображена женщина-царица с волнистыми волосами, крупными глазами, выступающим подбородком и носом с горбинкой — это наследственная черта

рода Птолемеев. Но есть профиль Клеопатры, отчеканенный на серебряной монете, выставленной для обозрения в музее Ньюкаслского университета в 2007 году. Эта монета вызвала сенсацию — на ней Клеопатра, обычно называемая Афродитой Востока, выглядит отнюдь не красавицей — низкий мелкий лоб, резкий подбородок, тонкие губы и нос с горбинкой (как об этом написали многие мировые таблоиды, нос крючком). К тому же английский ученый-археолог Линдсей Джонс заявил представителям СМИ, что, если внимательно присмотреться к изображению, можно обнаружить, что у египетской царицы нет зубов. Не «повезло» и ее последнему избраннику — полководцу Марку Антонию, чье изображение оказалось на обратной стороне монеты. Линдсей Джонс охарактеризовал его (правда, с точки зрения современного человека) отнюдь не как писаного красавца. У Антония оказалась толстая шея и глаза навыкате, как у быка. Поскольку монета и комментарии к ней развенчивали одну из самых красивых сказок любви на планете (ну разве могут некрасивые и даже уродливые люди, беззубое страшилище вызывать такую бурю чувств, на зависть всем?), то оказалось, что никто не жаждал разоблачительных исторических истин.

Тем более — не бесспорных. И поэтому во многих популярных изданиях появились публикации, утверждающие, что на монете изображены вовсе не Клеопатра с Антонием. Кроме того, возникли версии как о неумелом резчике, так и специальном (естественно, более позднем) искажении красавицы-царицы со стороны завистников и недругов (в первую очередь Рима).

Но эта была не последняя мировая сенсация, связанная с Клеопатрой. Поскольку внешность Клеопатры вызывает горячие споры не только среди интересующихся секретами женской красоты и загадок истории (а таких людей на Земле — миллионы), но и серьезных ученых, то именно ученые и предприняли попытку воссоздать реальный облик царицы. В 2008 году сотрудникам Кембриджского университета удалось создать (что важно подчеркнуть — опять же по их мнению) наиболее реалистичные изображения Клеопатры из всех существующих.

Для создания компьютерной модели легендарной царицы университетским ученым потребовался почти год. При этом для исследования и моделирования трехмерного изображения были использованы многие известные портреты Клеопатры (точнее, приписываемые ей), в том числе на дошедших до наших дней предметах, кольцах.

Полученная модель Клеопатры оказалась изящной и красивой молодой женщиной, причем смешанной этнической

принадлежности. К огорчению любителей «традиционной киноКлеопатры» (великой актрисы Элизабет Тэйлор, сыгравшей Клеопатру в 1963 году в одноименном фильме), «научная» Клеопатра оказалась на нее совсем непохожа. Выступившая с комментариями по моделированию ученая египтолог Кембриджского университета Селли Энн Эштон заявила представителям СМИ, что полученное трехмерное компьютерное изображение отображает как греческое наследие царицы, так и ее египетское воспитание, поскольку Клеопатра «„вероятно, была не целиком европейкой. Вы должны помнить, что это ее семейство фактически жило в Египте в течение 300 лет до того, как она пришла к власти“.

МЯТЕЖ БЕРЕНИКИ, ВМЕШАТЕЛЬСТВО РИМА

О старшей единокровной сестре Клеопатры современные авторы пишут под знаком ее внутрисемейного соперничества с будущей прекрасной царицей, соответственно, ради контраста чаще всего наделяют ее непривлекательной внешностью и полным отсутствием легендарного обаяния младшей сестрички: "Угрюмая царевна сидела рядом с Теа… Она мусолила длинный локон, будто маленькая. Правой рукой Береника поглаживала кинжал, который прятала под складками длинного платья. Обычно царевна ходила в коротком свободном хитоне — такой носили греческие подростки. Но Авлет и Теа, узнав о ценности Береники на рынке невест, больше не позволяли ей показываться в неподобающем наряде" (Карин Эссекс ""Клеопатра").

Иногда художественный образ Береники оказывается еще более несимпатичным: "…А Береника — та походила на быка: широкоплечая, с зычным голосом, с широкими плоскими ступнями и тяжелой поступью. Ничто в ней не напоминало нашу прародительницу Беренику Вторую, правившую двести лет назад вместе с Птолемеем Третьим: она вошла в историю в качестве сильной правительницы, а поэты воспевали ее красоту. Трудно представить себе поэта, способного вдохновиться нашей краснолицей, неуклюжей, вечно пыхтящей Береникой" (Маргарет Джордж "Дневники Клеопатры").

Взаимная неприязнь со старшей сестрой в детстве не слишком огорчала Клеопатру, поскольку она была любимицей отца. Но, когда Клеопатра стала подростком, а Береника — взрослой девушкой, начались проблемы. И связаны они были уже не только и не столько с внутрисемейным соперничеством порфирородных сестричек, а с вопросом, кто же будет восседать на египетском троне.

То есть на нем пока сидел еще папаша обеих барышень Птолемей Флейтист, но это обстоятельство устраивало далеко не всех.

Пьер Деке в своей книге "Клеопатра" так описывает случившееся в тот момент: "Клеопатре было одиннадцать, когда ее отца изгнали из Александрии. Вместе с матерью, братьями и сестрами она осталась в Египте, возможно в качестве заложницы, и вступление на трон ее старшей сестры Береники могло при этих обстоятельствах лишь увеличить грозившую ей опасность. Клеопатра была еще в том возрасте, когда девочки не выходят из

гинекея, но у нее была возможность понять, что творится на свете, до нее доходили вести и о политических убийствах, и о невероятных браках. Опасности и заботы способствовали зрелости ума".

Отец Клеопатры не имел возможности гарантированно пользоваться защитой могучего Рима. В свое время его возвели на престол не в последнюю очередь потому, что иначе египетскую корону превратили бы в римский трофей: его предшественник, правивший всего двадцать дней, по слухам, написал завещание, согласно которому власть над Египтом переходила римскому сенату, и держава на берегах Нила превращалась даже не в вассальную землю, а просто в одну из провинций. Поэтому так спешно был коронован Птолемей Авлет. И он всю жизнь опасался, что это то ли существующее, то ли нет завещание все-таки всплывет. Или просто Рим пожелает посадить на египетский трон более подходящего правителя. "В течение более чем двадцати лет правления Авлет мучился загадкой, отчего римский сенат реагирует на его существование упорным молчанием", — пишет Деке.

В 67 году до н. э., когда Клеопатра была двухлетней крошкой, Авлет попытался разрешить невнятно подвешенную ситуацию в свою пользу. Как раз тогда прославленный полководец Помпей Великий получил задание очистить Средиземное море от бесчинствовавших там пиратов. Вообще море было одной из основ жизни тогдашней цивилизации. "Когда мы говорим: "Средиземное море", мы вспоминаем о синем цвете, — пишет в своем знаменитом труде "Великий час океанов" французский исследователь Жорж Блон. — А Клеопатра, как и прочие жители Александрии, говорила: "Великое Зеленое море"… Глядя на это море, омывающее ступени дворца, Клеопатра мечтала о далеких странах, о которых рассказывали путешественники".

Упадок морской торговли был для Александрии равен катастрофе, ведь, как и всякий крупный приморский город, египетская столица процветала и богатела благодаря тому, что служила торговым портом. А когда из-за пиратов торговля пришла в упадок и купеческие суда почти перестали выходить в море, египтянам нечего было противопоставить морским разбойникам, ибо у них не было сколь-нибудь достойного военного флота. Обнаглевшие пираты устраивали свои базы прямо в дельте Нила.

Помпей быстро решил поставленную перед ним сенатом задачу, в считаные месяцы ликвидировав основные пиратские гнезда. А после этого полководец двинул армию против понтийского царя Митридата. После победы Помпей получил от

сената неограниченную власть над всей Азией, завоевал Сирию.

Авлет воспользовался моментом и, уверяя победоносного Помпея в своей дружбе, послал тому драгоценные дары, в том числе золотой венец с камнями, стоивший четыре тысячи талантов. Грандиозность подарка становится ясной, если вспомнить, что талант — мера веса драгоценных металлов, причем весьма внушительная: финикийский талант (серебряный) равнялся 43,59 кг, еврейский весил 44,8 кг. Даже если рассматривать аттический талант, ставший стандартной единицей со времен Александра Македонского, то он был равен 25,902 кг. Даже в серебре 4 тысячи таких более чем полуторапудовых единиц являли собой изрядное богатство.

Помпей подарки принял. А еще более римский военачальник обрадовался военной помощи египетского царя: когда Помпей осаждал Иерусалим, Авлет прислал ему в помощь свою конницу, что способствовало победе. Кстати, это совсем не обрадовало Авлетовых подданных, которые еще помнили, что не так уж и давно тамошние земли находились под властью Египта. Александрия в который раз была на грани мятежа, и избегнуть его удалось лишь благодаря тому, что потенциальные вожди бунта пока еще опасались спровоцировать Рим на немедленное вторжение. Диодор Сицилийский, посетивший Египет около 60 года до н. э., отмечал, что римлянам оказывалось подчеркнутое внимание, как говорится, лишь бы не разозлить. Диодор описывает лишь один эпизод, когда этот страх был забыт, — гневная толпа на месте растерзала римского посланника, который случайно убил кошку. Произошло это прямо под стенами дворца, и даже сам царь не смог остановить мстителей за священное животное.

И, к слову, среди прочих особенностей Египта того времени было неизбывное противоречие между александрийскими греками и собственно египтянами.

Наконец-то установленная дружба с Римом продолжала раздражать народ. И, конечно, были те, кто умело пользовался подобными настроениями. Стейси Шифф в книге "Клеопатра" так описывает ситуацию: "Для Авлета все осложнилось. Наблюдая за переменами в Риме, он сделал вывод, что пора подумать о благосклонности Цезаря. Не беремся восстанавливать в деталях всю проведенную им операцию, но только Цезарь, как нам известно, добился у сената официального признания Авлета; мало того, он был еще наделен титулом союзника и друга римского народа. Авлет, в свою очередь, за оказанные ему услуги послал Помпею и Цезарю шесть тысяч талантов, значительная часть этой суммы досталась третьему триумвиру Крассу, щедро

ссужавшему Цезаря. Сделка Авлета могла представиться шагом опытного политика, но в действительности, сменив молчание сената на поддержку, Цезарь не перестроил римской политики в отношении Египта… Вряд ли Цезарь знал, как отнесется Александрия к возникшей недавно дружбе Авлета с римлянами. Что же касается самого Авлета, то в скором времени он почувствовал, чем это завершится".

В декабре 59 года Цезарь вел войну в Галлии, И в это самое время народный трибун Клодий Пульхр подготовил решение сената, которое превращало Кипр в римскую провинцию. Прелесть ситуации заключалась в том, что Кипр вообще-то принадлежал Египту. Более того, остров имел важное экономическое значение — там были медные рудники, с Кипра поступала древесина для александрийских построек.

Клодий Пульхр был доверенным лицом Цезаря, и главной целью решения было не только переменить статус острова, но и спровадить из Рима подальше одного из лидеров оппозиции против Цезаря — Катона Младшего, ибо именно его предполагалось сделать правителем Кипра.

Как только новость докатилась до Александрии, в египетской столице вспыхнул бунт. История с Кипром стала последней каплей, переполнившей чашу терпения египтян, измотанных податями, которые Авлет повышал постоянно, чтобы иметь деньги для покупки римской дружбы. Немедленно нашлись осведомленные личности, уверявшие сограждан, что Птолемей тайно продал римлянам весь Египет и передача Кипра — только начало.

Замешкайся Авлет, и это могло стоить ему жизни, но царь решил искать помощи в Риме. Он оставил семью в Александрии, фактически как заложников, и отбыл на галере в Рим.

Вернее, сначала он отправился на остров Родос к Катону, теперь уже правителю Кипра. Современники утверждали, что Катон принял Авлета не то что без почестей, но с демонстративным презрением — римлянин во время этой встречи восседал на стульчаке в отхожем месте.

Незадолго перед тем покончил с собой родной младший брат Птолемея Авлета, бывший царем Кипра. Его никто не мог упрекнуть в распутном и расточительном образе жизни, скорее наоборот, — римляне утверждали, что кипрский правитель слишком скуп при своем огромном богатстве. В обмен на царство Катон предложил царю Кипра назначить его властью Рима верховным жрецом храма Афродиты в Пафосе. Однако брат Птолемея Авлета предпочел смерть. Катон не взял себе ничего из его сокровищ, все тонкой работы доспехи, мебель, ювелирные

украшения, дорогие ткани были отправлены в Рим.

Пришлось Авлету плыть в Рим, дабы напомнить о своих подношениях и настоятельно попросить поддержки. А в Александрии в это время возвели на престол его старшую дочь — Беренику. Стейси Шифф отмечает: "Любимица египтян Береника столкнулась с той же проблемой, что и Клеопатра в свое время. Ей требовался супруг-соправитель. Решить эту задачу оказалось непросто, ибо среди знатных македонян не нашлось никого, достойного руки царицы (ее по какой-то причине решили не выдавать за родного брата). В конце концов выбор пал на персидского царевича. Береника не питала к будущему мужу ничего, кроме отвращения. Через несколько дней после свадьбы он был задушен. Следующим претендентом стал понтийский жрец, обладавший двумя несомненными достоинствами: он был врагом Рима и в принципе мог сойти за человека благородного происхождения. Взойдя на престол весной пятьдесят шестого года, понтиец продержался дольше, чем его предшественник".

В это же самое время из Александрии в Рим было отправлено многочисленное посольство, долженствующее убедить римское руководство в достоверности многочисленных бесчинств, учиненных Авлетом, и законности смены власти. Однако отец Клеопатры тоже не дремал — его люди отравили главу посольства, а остальные участники были либо тоже убиты, либо перешли на сторону Авлета. Некоторым удалось бежать.

"Царь вернулся из Рима в пятьдесят шестом году на щитах римских легионеров, — пишет Шифф. — Едва ли марш-бросок через жгучие пески и зловонные топи Пелузия пришелся им по вкусу. Авл Габиний, сирийский проконсул и протеже Птолемея, согласился возглавить этот поход то ли потому, что имел зуб на мужа Береники, то ли за вознаграждение, равное примерно годовому доходу всего Египта, то ли по настоянию дерзкого молодого командующего своей кавалерии, подпавшего под влияние Авлета. Буйноволосого командира звали Марком Антонием, в том походе он стяжал славу, ставшую основой всех его будущих свершений. Сражался Марк Антоний храбро. Когда армия добралась до египетской границы, он попытался убедить Авлета даровать прощение изменившим присяге воинам. Однако царь в очередной раз продемонстрировал недальновидность и слабость, предпочтя обрушить на изменников "всю мощь своего гнева" и предать их смерти".

Конечно, противники Авлета пытались организовать сопротивление. По свидетельству Плутарха, "Береника спешно поручила мужу заняться обороной города. Царь-слуга безропотно повиновался. Антоний, так сказать, изрубил его армию в лапшу.

Архелай по-рыцарски позволил себя убить ради своей жестокой супруги, и римляне без малейшего труда овладели Александрией. Подошел Габиний с большей частью войска; затем в город прибыли Флейтист (Птолемей) и его дети".

Родственные связи не могли смягчить сердце царя. Береника и ее сторонники были казнены, отцу принесли на подносе голову мятежной дочери. Погибшему в бою Архелаю царь отказал в погребении, что по тогдашним меркам было невероятным оскорблением даже для заклятого врага. Муж Береники был похоронен подобающим образом только благодаря вмешательству Марка Антония, который взял на себя все расходы.

Бюст Птолемея XII Авлета

"Встреча Авлета с младшей дочерью прошла по-иному… — пишет Шифф. — К тому времени она уже добилась немалых успехов в изучении риторики, декламации и философии. К пятьдесят шестому году завершилось и политическое образование царевны, поневоле начавшееся за десять лет до этого. Быть фараоном хорошо. Дружить с Римом еще лучше. Секрет не в том,

чтобы противостоять его могуществу, как предлагал Митридат, потративший столько сил на то, чтобы дразнить, обманывать и убивать римлян, а в том, чтобы использовать это могущество в своих целях. Тем паче что манипулировать римскими политиками, поголовно грезившими о местах в сенате, было несложно… Кроме обычных школьных дисциплин Клеопатре пришлось осваивать искусство плетения интриг".

Имущество казненных вельмож было конфисковано, за счет этого Авлет щедро наградил землей и золотом легионеров Габиния, которые присягнули египетской короне. Впоследствии Цезарь язвил, что "солдаты быстро переняли обычаи изнеженных александрийцев и разучились вести себя, как подобает римлянам".

И вполне возможно, что именно тогда Клеопатра впервые обратила внимание на дальнего родственника Цезаря, который "в своя двадцать восемь лет достиг высокого положения, ибо он командует конницей Габиния. Его участие решило судьбу сражения в Пелузии, на берегу восточного рукава Нила, где войска Архелая были разгромлены". Он вступался за пленных, стремясь сохранить им жизнь, он до конца исполнил свой долг перед Архе-лаем, когда-то принимавшим его у себя в гостях. В целом Марк Антоний действовал намного энергичнее и решительнее, чем предписывали его скромные полномочия военного трибуна.

Есть мнение, что и сам Марк Антоний тогда не остался равнодушен к царской дочери. Некоторые авторы даже относят к этому времени начало их любовной связи. Жорж Блон, реконструируя события, так описывает встречу Марка Антония с Клеопатрой: "Он вошел в небольшую комнатку, отделанную золотом. Девушка сидела в окружении нескольких мужчин и женщин. Она внимательно слушала мужчину, читавшего вслух папирус на древнеегипетском языке. Девушка изучала историю своей страны, вернее страны, ставшей родиной ее семьи… Все встали, кроме нее. Она выдержала пристальный взгляд римлянина. Он был молод, приземист, но очень красив. Его лоб казался низковатым из-за ниспадающих кудрей. Римлянин разглядывал девушку с нескрываемым восхищением. Он приветствовал ее по-латыни, она грациозно встала и ответила на том же языке. О чем они говорили дальше, неизвестно, но офицеры из его свиты утверждали, что он с энтузиазмом и, не стесняясь в выражениях, воздал хвалу приятным округлостям ее тела. Он также высказался о ее глазах, об отливающих синью волосах, о красивой линии ее носика…".

Была эта встреча на самом деле или нет, но историки

свидетельствуют, что Клеопатра единственная из всей династии Птолемеев могла объясняться с коренными египтянами на их родном языке и всерьез интересовалась историей страны, которой правила. Кроме родного греческого, египетского и латыни она свободно владела еще четырьмя языками.

ЗАВЕЩАНИЕ ПТОЛЕМЕЯ

После казни Береники Птолемей Авлет назначил юную Клеопатру и ее младшего брата Птолемея наследниками престола — им по традиции предстояло вступить в очередной близкородственный династический брак.

Римская помощь дорого обошлась отцу Клеопатры. "Все сокровища царя Птолемея Филадельфа, сберегавшиеся столь долгое время, были пущены на ветер последним Птолемеем, ввязавшимся в габиниеву войну и показавшим себя не мужем, а флейтистом и фокусником", — писал Афиней в пятой книге "Пира мудрецов".

Птолемей Флейтист недолго радовался своему возвращению на престол. Он смертельно заболел и скончался весной 51 года до н. э. Вскоре состоялась коронация новых властителей Египта. Как предписывали древние обычаи, торжественная церемония была проведена в священной столице Мемфисе. По дороге, которую охраняли бесчисленные статуи сфинксов, блистательное шествие достигло храма, где совершалось поклонение и древним египетским, и новым греческим богам. Сложенное из известняковых блоков святилище было покрыто яркими росписями и в честь празднества украшено флагами и цветными полотнищами. Здесь среди каменных львов и пантер, в дыму пряных и сладких курений жрец в белоснежных льняных одеждах, с леопардовой шкурой на плече вознес над головами Клеопатры и Птолемея украшенную золотыми змеями корону Верхнего и Нижнего Египта.

Новая царица была на десять лет старше своего брата-супруга. Но ей было всего восемнадцать, по современным меркам юный возраст, но по античным вполне взрослый. Во многом Клеопатра была уже мудра, она прислушалась к словам тех наставников, кто рассказывал ей о древних верованиях и обычаях Египта. Простые египтяне оставались верны владыке, даже если греки-горожане устраивали очередной бунт.

Поэтому незадолго до коронации Клеопатра, узнав о кончине священного быка, которому как воплощению Солнца поклонялись в окрестностях Фив в Нижнем Египте, сочла необходимым участвовать в торжественном погребении, которое состоялось в Мемфисе. "Она оплатила пышную церемонию и щедро оделила жрецов вином, зерном, хлебом и маслом, — пишет Шифф. — Клеопатра могла гордиться произведенным эффектом: представ пред всеми на обрамленной сфинксами эспланаде храма, юная властительница, так не похожая на прочих Птолемеев, вмиг

очаровала толпу".

А после печальной церемонии настало время водворения в святилище нового воплощения солнечного божества. Похожий на прежнего молодой бык, которого специально уполномоченные жрецы искали по всему Египту, учитывая родословную животного, время и обстоятельства его появления на свет, был украшен ожерельями из золота и лазурита, под звуки песнопений возведен на особую ладью. И в сопровождении многочисленных жрецов отправился в Фивы, где празднество продолжалось до первого новолуния. Молодая властительница тоже участвовала в речной процессии и в последующем торжестве. "В тяжелом ритуальном облачении она взошла на царскую ладью и во главе пышной процессии поднялась на триста миль по реке, чтобы присутствовать на церемонии в Фивах, — повествует в своем исследовании Стейси Шифф. — Вместе с другими паломниками "Царица, Владычица Обоих Царств, богиня, любящая своего отца" сопровождала нового священного быка на западный берег Нила. Этот эффектный жест тронул сердца простых египтян. Спустя три дня окруженная одетыми в белое жрецами Клеопатра почтила своим присутствием коронацию нового божества".

Клеопатра еще не знала, насколько важной окажется для нее симпатия жителей Фив, которую она тогда завоевала. Но над ее головой уже сгущались тучи. Насколько молодая царица была любезна простым египтянам, настолько же не любили ее греки-царедворцы. Центром недовольства был ближний круг брата и официального мужа Клеопатры.

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЦАРИЦЫ. БЕГСТВО

Воспитатели и наставники юного Птолемея XIV рассудили, что до совершеннолетия царя у них есть время, — коронованному правителю было всего десять лет — которое они бы могли употребить для собственной пользы. Для этого надо было избавиться от царицы, а потом спокойно править Египтом вместо своего воспитанника.

"Потин, Ахилл и Теодот не собирались потакать наглой выскочке, вознамерившейся править в одиночку, — замечает Шифф. — Вскоре у них появился весьма могущественный союзник в тайной борьбе против царицы: Нил. Благополучие страны полностью зависело от разливов реки; засуха приводила к нехватке продовольствия, за голодом следовали волнения. Пятьдесят первый год выдался голодным, следующий был не намного лучше. Жрецы жаловались, что им нечем задобрить богов. Города и селения пустели, толпы голодных устремились в Александрию. По Египту бродили шайки мародеров…"

Клеопатра и Птолемей издали указ, согласно которому у земледельцев надлежало изъять запасы зерна и овощей. Следовало накормить Александрию, пока горожане не учинили очередной мятеж. За сокрытие продовольствия полагалась смертная казнь. Указ поощрял доносы на тех, кто пытался свои припасы скрыть. Свободный человек мог забрать треть имущества осужденного, раб — шестую часть, но при этом он получал еще и свободу. Также были обещаны льготы и благодеяния тем крестьянам, которые продолжали добросовестно трудиться на земле.

На этом фоне заговорщики готовили убийство царицы. Однако доверенный помощник Клеопатры Аполлодор узнал о заговоре и предупредил свою госпожу. С немногочисленными приверженцами ей пришлось бежать из Александрии в Фивы, жители которых были ее сторонниками, а потом в Сирию. Однако, несмотря на бегство, она и не думает отказываться от своих законных прав: "Соберем армию, вернемся в Египет и сметем заговорщиков".

"Конечно, первую армию Клеопатра собрала не за неделю, — отмечает Блон. — Молодая царица скиталась по убогим дворцам мелких вассалов, ночевала в палатках, вела долгие переговоры, а Аполлодор умело раздавал "подъемные" — вывезенные из Египта золото и драгоценные камни".

И вот наконец войско царицы собрано, "в лагере посреди пустыни, под обжигающим сирийским солнцем… ныне ее двор располагался за две сотни миль от дворца с ониксовыми иолами и дверями черного дерева. Вот уже год ей приходилось довольствоваться шатром в поросшей колючим кустарником пустыне. Позади были месяцы отчаянной борьбы за жизнь, бегства через весь Средний Египет, Палестину и юг Сирии". Шифф, подобно большинству исследователей, констатирует: "На то, чтобы собрать войско, ушла баснословная сумма".

И вот в 48 году до н. э. возле крепости Пелузий, на восточном побережье Египта, готовилась к битве двадцатитысячная армия Птолемея. Восточнее крепости среди песков находился лагерь войск Клеопатры. Та и другая сторона опирались не столько на регулярные части (даже остававшийся формально у власти Птолемей), сколько на разношерстный конгломерат наемников — профессиональных вояк, предлагавших свои услуги всякому, кто в них нуждался, а также пиратов, преступников, изгнанников и беглых рабов.

Многие оценивали шансы Клеопатры на победу как ничтожные. Но тут до Египта докатились отголоски гражданской войны, разгоревшейся в Риме, — там пытались сокрушить друг друга Юлий Цезарь и Помпей. Вернее сказать, отголосок был один, зато более чем серьезный — 28 сентября как раз возле Пелузия к берегу приблизились корабли Помпея, уверенного, что он найдет в Египте приют и поддержку. Окажись Клеопатра в этот момент на троне, ей пришлось бы решать нелегкую задачу. Ведь Помпей был близким другом ее отца, благодаря ему Авлет удержался у власти. И теперь этот некогда блестящий полководец, от которого отвернулась удача, искал убежища у тех, кто раньше нуждался в его собственном покровительстве. Но ведь его преследовал Цезарь, покоритель Галлии, с которым шутки тоже были плохи.

Помпей прислал письмо царю Египта: " Ваш отец был моим другом. Уверен, что он не отказал бы мне".

Теперь же тяжесть решения легла на плечи заговорщиков, так успешно изгнавших Клеопатру из ее собственного дворца, — наставника юного царя Теодота, начальника царской гвардии Ахилла и воспитателя-евнуха Потина, вознесенного переменчивой судьбой на должность первого министра.

— Отказать Помпею означало обрести могущественного врага… — изрек один из них.

— Но дать ему приют — значит обратить против себя гнев Цезаря! И чью сторону он примет здесь?

— Мертвые не кусаются, — резюмировал Теодот, недаром он,

кроме прочего, обучал царя искусству риторики. — Мертвый Помпей не сможет помочь царице. И сам не попытается стать царем.

Троица регентов кликнула писца и продиктовала ему приветственное послание, обращенное к Помпею. Начальнику царских кораблей было приказано отправить за римским полководцем лодку Правильно уловив настроение тех, кто сейчас правил Египтом, корабельщик выбрал самую убогую посудину. Но Птолемей, облаченный в пурпурное одеяние, все же встречал на берегу друга своего отца. Впрочем, до твердой земли Помпей не добрался, он был прямо на мелководье убит ударом в спину, а потом обезглавлен. Возможно, в последний момент он еще успел узнать среди убийц своих собственных солдат, когда-то вернувших трон царю Авлету…

"Подобная жестокость произвела впечатление даже на Цезаря, — констатирует Стейси Шифф. — В дни бедствий друзья часто становятся врагами, заметил он. С тем же успехом можно было сказать, что в дни бедствий враги часто становятся друзьями. Советники Птолемея обезглавили Помпея, чтобы угодить Цезарю. Трудно было придумать лучший способ снискать расположение единоличного хозяина Средиземноморья К тому же такой исход значительно упрощал дело с Клеопатрой. В римской гражданской войне — непримиримом противостоянии, в котором противники не столько встречались на поле брани, сколько грабили, опустошали и жгли, — она оказалась на проигравшей стороне".

ЦЕЗАРЬ Б ЕГИПТЕ

Тем временем в лагере Клеопатры тоже обсуждали последние новости. Аполлодор сообщил Клеопатре, что Цезарь, высадившийся в Александрии через несколько дней после гибели Помпея, вовсе не пришел в восторг, когда ему преподнесли голову недавнего врага и бывшего родственника.

"Когда Теодот преподнес римлянину голову убитого врага, тот побледнел от ужаса и не смог сдержать слез. В конце концов, Помпей был не только его противником, но и зятем". — реконструирует события Стейси Шифф, впрочем, об этом драматичном эпизоде писали многие тогдашние историки и мемуаристы. Так, Плутарх повествует: "Цезарь прибыл в Александрию, когда Помпей был уже мертв. Здесь Теодот поднес ему голову Помпея, но Цезарь отвернулся и, взяв в руки кольцо с его печатью, пролил слезы. Всех друзей и близких Помпея, которые, скитаясь по Египту, были взяты в плен царем, он привлек к себе и облагодетельствовал. Своим друзьям в Риме Цезарь писал, что в победе для него самое приятное и сладостное — возможность даровать спасение все новым из воевавших с ним граждан".

В общем, советники Птолемея придумали плохой способ угодить новому победителю. И вдобавок Цезарь вряд ли мог ошибиться в том, насколько он сам тут желанный гость: "Никто не встречал римлянина на берегу, никто не поклонялся атрибутам его власти. В лучшем случае Цезарь был досадной помехой. В худшем — узурпатором и завоевателем".

— Его гневу не было границ, когда он узнал, что ваш брат велел убить Помпея, — доложил Алоллодор Клеопатре. Цезарь занял царский дворец. В Александрии находились четыре тысячи его солдат.

Конечно, при разговоре царицы с ее сподвижником стенографисты не присутствовали, но смысл этой судьбоносной, как выяснилось, беседы был впоследствии изложен у многих античных историков, прежде всего Плутарха.

— Цезарь может желать превращения Египта в римскую провинцию. А возможно, его устроит и сохранение существующего положения вещей, — размышляла вслух Клеопатра. — В последнем случае ему нужен кто-то, кто будет править страной, не покушаясь на римское главенство. Мой брат, как и его советники, после убийства Помпея вряд ли сможет вызвать его доверие. Я возвращаюсь в Александрию.

— Госпожа, но мы не можем быть уверены, что Цезарь не

пошлет свои легионы в помощь нашим врагам, если мы решим дать сражение. Ведь он может счесть вашего брата более слабым и податливым, чем вы, а значит, в большей степени устраивающим Рим.

— Я все обдумала. Мне надо встретиться с Цезарем. Я тайно отправлюсь в Александрию.

— Но это слишком опасно. Все сухопутные пути перекрыты враждебными войсками.

— Я отправлюсь по воде.

Но ведь надо было еще и проникнуть в охраняемый дворец, не столкнувшись на подступах к нему с теми, кто служил трем регентам, как, впрочем, и с римскими легионерами, до тех пор, пока не удалось переговорить с их начальником. По словам Плутарха, Клеопатра "уже готова была впасть в отчаяние", но кому-то из ее немногочисленных, но верных соратников пришла отличная мысль. Сама царица, не склонная к трусости, тоже оценила замысел этого, ставшего впоследствии таким знаменитым, шоу с переодеванием.

"Между Синайским полуостровом, на котором располагался лагерь Клеопатры, и родной Александрией лежали непроходимые топи, кишевшие клещами и москитами. Заболоченная равнина защищала Египет от вторжений с востока. Египтяне прозвали ее "зловредной топью", поскольку она могла без остатка поглотить целую армию… — пишет Шифф. — Оставалось подняться по Нилу на юг, в Мемфис, и перебраться на тот берег. Восьмидневное путешествие по реке тоже нельзя было счесть безопасным: на воде кипела жизнь, таможенники бдительно осматривали каждую лодку. В середине октября на Ниле было ветрено, над рекой вились полчища москитов".

Но в Александрии произошли события, сыгравшие на руку Клеопатре, — разразился конфликт между Цезарем, с одной стороны, и Птолемеем с советниками — с другой. Римлянин призвал к себе брата Клеопатры, желая обсудить с ним пути прекращения войны. Но регенты увидели в том намеренное оскорбление царского достоинства, ответив, что Цезарь никак не смеет обращаться с Птолемеем как с подчиненным. "Вышестоящие вызывают к себе нижестоящих, а не наоборот, и Цезарю это известно".

Бюст Гая Юлия Цезаря

Историк Светоний в знаменитом труде "12 цезарей" пишет, что галльский победитель после смерти Помпея увидел, что"… царь Птолемей и против него замышляет злое, ему пришлось вести здесь необычайно трудную войну, в невыгодном месте и в невыгодное время: зимой, без припасов, без подготовки, в столице богатого и хитрого врага. Победив, он отдал египетское царство Клеопатре и ее младшему брату, не решаясь обратить его в провинцию, чтобы какой-нибудь предприимчивый наместник не смог опереться на нее для новых смут".

Но тогда до победы было еще далеко. Клеопатра в сопровождении верного Аполлодора-сицилийца еще плыла по Нилу в простой лодке, так не похожей на роскошную царскую галеру. Цезарь, получая от своих шпионов тревожные донесения о возможном покушении на него, устраивал ночные пиршества не ради разгула, а чтобы не спать и вообще не оставаться в опасное ночное время в одиночестве.

"Потин и открыто проявлял враждебность — во многих словах и поступках, направленных к поношению Цезаря, — свидетельствует Плутарх. — Солдат Цезаря он велел кормить

самым черствым хлебом, говоря, что они должны быть довольны и этим, раз едят чужое. К обеду он выдавал глиняную и деревянную посуду, ссылаясь на то, что всю золотую и серебряную Цезарь якобы отобрал за долги. Действительно, отец царствовавшего тогда царя был должен Цезарю семнадцать с половиной миллионов драхм, часть этого долга Цезарь простил его детям, а десять миллионов потребовал теперь на прокормление войска. Потин советовал ему покинуть Египет и заняться великими своими делами, обещая позже вернуть деньги с благодарностью. Цезарь ответил на это, что он меньше всего нуждается в египетских советниках…"

КЛЕОПАТРА НАХОДИТ ПОКРОВИТЕЛЯ

По утверждению Плутарха, внезапное появление царицы не было для Цезаря таким уж сюрпризом, поскольку он сам "тайно вызвал Клеопатру из изгнания". Да и трудно представить, что умный и достаточно осторожный полководец оказался так беспечен, что к нему в покои смогли пронести свернутый ковер, в котором без труда можно было спрятать человека. Ведь выскочить из ковра мог и ловкий убийца с острым клинком…

Но легенды гласят о неожиданном пришествии царственной красавицы, которая возникла перед римским генералом в полном блеске своего очарования, дополненного златотканными одеждами и множеством украшений. Вот стража докладывает проконсулу о том, что к нему явился Аполлодор, желающий вручить победителю подарок от своей госпожи. И далее, скажем, Жорж Блон так видит ситуацию: "В комнату входит евнух с ковром на плече. Цезарь с любопытством глядит, как раб опускает ковер на пол и расстилает его. Внутри спрятана невысокая женщина, вернее молодая девушка. Она вскакивает на ноги, разглаживает одежду, встряхивает головой, чтобы привести в порядок растрепанные волосы. Затем принимает величественную позу, гордо вздергивает носик и с улыбкой заявляет Цезарю:

— Я — царица Египта".

Более реалистичные историки придерживаются мнения, что Клеопатра в тот момент была одета в простой хитон, а единственным украшением, с коим она не пожелала расстаться ни на минуту, была ее царская диадема. Тем не менее открыто явиться во дворец было слишком опасно для нее. Но пряталась она не в ковре.

"Клеопатра, взяв с собой лишь одного из друзей, Аполлодора Сицилийского, села в маленькую лодку и при наступлении темноты пристала вблизи царского дворца, — описывал этот знаменательный момент Плутарх. — Так как иначе трудно было остаться незамеченной, то она забралась в мешок для постели и вытянулась в нем во всю длину. Аполлодор обвязал мешок ремнем и внес его через двор к Цезарю. Говорят, что уже эта хитрость Клеопатры показалась Цезарю смелой и пленила его. Окончательно покоренный обходительностью Клеопатры и ее красотой, он примирил ее с царем для того, чтобы они царствовали совместно".

На самом деле, вопреки устоявшемуся мнению, встреча

произошла не в самом дворце, а в одной из отдельно стоявших в дворцовом саду вилл, которую избрал для жительства Цезарь. Так началась одна из двух самых известных любовных историй в жизни Клеопатры — и один из самых знаменитых романов во всей мировой истории. "У юной египетской царицы было мало общего с "пресыщенным любовью мужем, давно перешагнувшим свой зенит", — замечает Стейси Шифф. — О его любовных победах ходило не меньше легенд, чем об успехах на поле брани. В народе этого статного человека с мужественными чертами, выступающими скулами и пронзительными черными глазами звали "мужем всякой женщины и женой всякого мужчины". Если это высказывание и было преувеличением, то лишь во второй части. Клеопатра три года была замужем за родным братом, "сущим младенцем", — тринадцатилетний подросток не считался зрелым даже по тогдашним местным понятиям, — мечтавшим сжить ее со свету… У "царицы блудниц", представшей перед Цезарем в октябре сорок восьмого года, вовсе не было чувственного опыта".

Была ли Клеопатра девственницей до встречи с Цезарем, в ту же ночь началась их любовная связь или позже — тут, как говорится, никто светильник не держал. Репутация римского героя была намного красочнее. "Прячьте жен, ведем мы в город лысого развратника", — пели его солдаты во время галльского триумфа.

Клеопатра и Цезарь. Художник Ж.-Л. Жером

"Клеопатра явилась в спальню римлянина не для того, чтобы его соблазнить: она боролась за свою жизнь… — делает выводы Шифф. — Расположение полководца к Клеопатре объяснялось — по крайней мере сначала — не ее неземной красотой, а неприязнью, которую Цезарь питал к Птолемею, и вполне оправданным недоверием к шайке регентов".

С другой стороны, Цезарь вовсе не был жестоким и бессердечным. "Ничто не было дороже его сердцу, — утверждал один из его военачальников, — чем милость к побежденному". Тем более если нуждающийся в милости был отважен, благороден и красноречив. А вести беседу Клеопатра умела, риторике ее обучали хорошо, что в сочетании с природным умом превратило ее в истинную мастерицу как изысканного разговора, так и пламенной пафосной речи, буде таковую требовалось произнести. Искусство риторики в то время считалось одним из важнейших умений. "Даже враги царицы восхищались ее непревзойденным

красноречием, упоминая его заодно с примерным воспитанием, сильным характером и "сияющим взором", — отмечает Шифф. — Природа наградила Клеопатру глубоким бархатным голосом, будто специально созданным для произнесения речей, и редким даром убеждения".

"Величайшим наслаждением, — утверждал Плутарх, — было слышать ее голос, звучавший, словно многострунная арфа, когда она легко переходила с одного языка на другой; племена, для общения с которыми она нуждалась в переводчике, можно было пересчитать по пальцам; с послами большинства государств она говорила сама".

Древнеримский историк считал именно голос и умение вести беседу главными секретами очарования Клеопатры. "Ее прелесть не была столь совершенной и несравненной, чтобы сражать мужчин с первого взгляда", но при этом "тот, кто оказывался рядом с царицей и вступал с ней в беседу, уже не мог противостоять ее чарам". И в общем Плутарх придерживался мнения, что Клеопатра сразу же ловко очаровала и полностью подчинила себе сурового римского воина. "По мнению Плутарха, неукротимый воин оказался беспомощным перед чарами двадцатилетней девчонки, — иронизирует Шифф. — Беднягу в два счета обвели вокруг пальца: Аполлодор пришел, Цезарь увидел, Клеопатра победила".

Дион Кассий создавал свои исторические труды позже, чем Плутарх, и придерживался того же мнения: молодая властительница обладала такой способностью очаровывать мужчин, что Цезарь мгновенно превратился в ее покорного раба, едва "увидев ее и услышав ее слова". Хотя Дион не преминул заметить, что для этого особых усилий не требовалось — слишком уж римский победитель любил женщин. Именно Диону принадлежит версия о Клеопатре, явившейся из мешка "во всем блеске царственного величия, сдержанной и смиренной".

Но на самом деле в этой истории хватало и иных побуждений кроме сексуальных. А Цезарь ясно представлял, каково приходится беглецу, — он и сам в юности был таким. "Вышло так, что совершенно естественное решение защитить Клеопатру определило дальнейшую судьбу полководца, — резюмирует Стейси Шифф. — Когда они встретились, Клеопатра боролась за жизнь; вскоре им пришлось бороться уже вдвоем. Всего через несколько месяцев Цезарю предстояло столкнуться с по-настоящему достойным противником, узнать все прелести тотальной войны и оказаться осажденным в чужом городе войском, вдвое превосходящим его собственные силы".

При всем этом вряд ли будет оправданным говорить об

отношениях Цезаря и Клеопатры как о любви в романтическом понимании — всепоглощающей страсти, полностью определяющей каждый поступок и каждую мысль главных действующих лиц. Скорее уж сугубо современное представление о взаимовыгодном партнерстве, украшенном приятными бонусами. "Цезарь к числу своих прочих авантюр прибавил еще одно, лестное для славы соблазнителя приключение, которое соответствовало его безумной мечте об абсолютной власти, о царской пышности, его склонности к великим традициям и пристрастию к легендарным временам, когда боги вмешивались в дела человека, — пишет исследователь Пьер Деке. — Клеопатра же осознала, что ею увлекся повелитель вселенной, равный едва ли не Александру Македонскому, от которого ее предки получили некогда престол. Это дало ей возможность разорвать путы кровосмесительных браков. Она завоевала сердце величайшего полководца".

Римские авторы изрядно упрекали "божественного Юлия" за эту лав стори. Но в глазах римлян Клеопатра и столетия спустя была олицетворением чужого и чуждого образа жизни — загадочного, богатого, чувственного и потому пугающего Востока. До эпохи изнеженного "развратного Рима" было еще далеко, посему руководствоваться страстью к представительнице фактически другой цивилизации, не в пример более древней — что тоже неприятно задевало римское самолюбие, — проконсулу не подобало. "Что касается Александрийской войны, — замечает Плутарх, — то одни писатели не считают ее необходимой и говорят, что единственной причиной этого бесславного и опасного для Цезаря похода была его страсть к Клеопатре; другие выставляют виновниками войны царских придворных, в особенности могущественного евнуха Потина".

Сам Цезарь в своих знаменитых "Записках" ни словом не обмолвился о любви к Клеопатре, объясняя столь долгое пребывание в Александрии ветрами, мешающими отплыть домой, а также политическими причинами. "Сам же он вынужден был оставаться из-за сильных пассатных ветров, делавших отплытие из Александрии очень затруднительным, — писал Цезарь, именуя себя в третьем лице, как бы со стороны. — Однако он был убежден, что спор между царем и царевной принадлежит решению римского народа и его консула и тем более касается его должности, что именно в его предыдущее консульство по постановлению народа и сената был заключен с Птолемеем-отцом союз. Поэтому он заявил, что, по его мнению, царь Птолемей и его сестра Клеопатра должны распустить свои войска и решать свой спор лучше легальным путем перед его трибуналом, чем

между собой оружием".

Цезарь провозгласил правителями Египта Клеопатру и ее брата-супруга, а остров Кипр, с которого начались все безобразия, передал на тех же правах другой паре — еще одному брату, тоже Птолемею, и младшей сестре Клеопатры по имени Арсиноя.

Очевидно, что Цезарь разбирался в войне и политике получше Плутарха, а потому ясно видел: военной силой Египет не подчинить. Просто сил не хватит в данный момент и еще долго. Помпей убит, но всегда может найтись другой желающий воспользоваться могуществом египетского царства для достижения своих целей. Да хотя бы любой из трех регентов, которые уже сейчас всячески строят козни против римлян!.. К тому же казавшиеся изнеженными и пресыщенными удовольствиями — но сравнению с гражданами Рима — александрийцы на самом деле очень неплохо умели воевать, а тактические приемы и технические новинки перенимали так стремительно, что одному из римских военачальников, бывших тогда с Цезарем в Египте, вскоре придется заметить: "Они подражали нам с таким мастерством, что могло показаться, будто это мы им подражаем".

Так что хорошие отношения с Клеопатрой были нужны Цезарю не меньше, чем ей — его благосклонность. "Таким образом, союз с Клеопатрой удивительным образом соответствовал всем видам Цезаря, — пишет Пьер Деке. — Примечательно, что по мере развития событий их цели сближались. Впрочем, молва не оспаривает, что чувственность влекла их друг к другу. Но обоих можно назвать политиками. Объединение честолюбивых планов ускоряло слияние сердец. Признаемся в этом. Ни Клеопатра, ни Цезарь не были одержимы любовной горячкой, зато любовь удивительным образом способствовала достижению их целей. Оба были, вне сомнения, счастливы".

БИТВА ЗА ЕГИПЕТСКИЙ ТРОН

И тут события начали развиваться стремительно. Для начала царевна Арсиноя упросила позволить ей в сопровождении своего наставника Ганимеда отправиться к войску Ахиллы, чтобы уговорить регента сложить оружие и подчиниться воле законной царственной четы и римской власти. А оказавшись в лагере мятежников, сестра Клеопатры, а точнее, что более вероятно, ей это подсказал многоопытный Ганимед, оказалась внезапно их лидером. Видимо, Ганимед решил провернуть тот же трюк, что и приближенные Птолемея, причем использовать при этом их самих. Ахилле такая затея совсем не понравилась, начались конфликты уже между ним и Ганимедом.

Есть мнения, что историю с Арсиноей срежиссировала сама Клеопатра, давно осознавшая, что в ее ситуации (и с учетом сомнительных семейных традиций Птелемеев-Лагидов, где в каждом поколении ради власти убивали то родителей, то детей, то братьев) близкие родственники, способные претендовать на престол, — самые опасные враги. Теперь Арсиноя была мятежницей, восставшей против законной власти.

Но и в Александрии было неспокойно. В изложении Плутарха события выглядят так: "Во время всеобщего пира в честь примирения раб Цезаря, цирюльник, из трусости (в которой он всех превосходил) не пропускавший ничего мимо ушей, все подслушивавший и выведывавший, проведал о заговоре, подготовляемом против Цезаря военачальником Ахиллой и евнухом Потином".

В интерпретации Стейси Шифф ситуация выглядит еще более напряженно: "Еще немного, и все будет потеряно, настаивал Потин. Евнух разработал план спасения и предложил его сообщникам. На пиру в честь примирения брадобрей Цезаря — недаром в Египте цирюльники заодно были гонцами — сделал ошеломляющее открытие. Этот "смышленый и наблюдательный малый" — и любопытный, добавим от себя, — подслушал, что Потин и Ахилл собираются отравить Цезаря. А потом покончить и с Клеопатрой. Цезарь нисколько не удивился: в последнее время он урывками спал днем, чтобы заговорщики не застигли его врасплох. Клеопатра тоже потеряла сон, несмотря на надежную охрану".

Плутарх считает, что римлянин разобрался с врагом сразу: "Узнав о заговоре, Цезарь велел окружить стражей пиршественную залу. Потин был убит, Ахилле же удалось бежать к войску, и он начал против Цезаря продолжительную и тяжелую

войну, в которой Цезарю пришлось с незначительными силами защищаться против населения огромного города и большой египетской армии". Но другие авторы придерживаются мнения, что какое-то время Цезарь был вынужден делать вид, что ему ничего неведомо, и общаться с Потином, желавшим его убить, будто с достойным доверия человеком. Впрочем, в любом случае кончилось все приказом поскорее избавиться от хитрого интригана.

Раскрыв заговор полностью, Цезарь отправил к сбежавшему Ахилле двух посланцев с требованием от имени Птолемея распустить армию. Встретившись с ними на дороге в Александрию, Ахилла велел их казнить, прежде чем посланники успели хоть слово вымолвить.

Существует также вполне оправданное мнение, что Ахилла приказал убить двух уважаемых почтенных царедворцев, служивших еще Авлету, чтобы они не успели обратиться ни к войску, ни к брату Клеопатры.

Ведь оставался еще один персонаж, который был ко всем делам причастен, но мало чем мог управлять самостоятельно. Ибо вот уж для кого возвращение Клеопатры стало сюрпризом, так это для ее брата-супруга. И, как пишет Шифф, сюрприз этот да еще вместе с принудительным примирением оказался для молодого Птолемея категорически неприятным: "Узнав, что его обвели вокруг пальца, юноша повел себя совсем не так, как подобает правителю: он разрыдался, бросился вон из дворца и с громкими стенаниями помчался по улицам. Окруженный придворными и соратниками, он сорвал с головы белую ленту и бросил ее под ноги, вопя, что сестра его предала… Тем временем в городе назревал мятеж, евнух Потин призывал толпу схватить Клеопатру. Если бы не Цезарь, блистательное правление царицы завершилось бы, не успев начаться. Жизнь застигнутого врасплох полководца тоже могла окончиться весьма плачевно. Цезарь думал, что его позвали разобраться с семейной ссорой, не догадываясь, что вместе с двумя потрепанными долгой войной легионами оказался в эпицентре разгорающегося восстания".

Но при всем том римский герой умел действовать быстро и решительно. После начала беспорядков Потин, как уже говорилось, был убит без долгих разговоров. С Птолемеем Цезарь тоже особо церемониться не стал — послал за ним стражу, приказав поймать и вернуть во дворец царственного юнца.

По словам самого военачальника, "он полагал, что царское имя будет иметь большое значение у его подданных, и желал придать делу такой вид, что война начата не столько по воле царя, сколько по частному почину немногих отдельных людей и

притом разбойников".

Попутно Цезарь не преминул отметить в тех же "Записках", что находящиеся под началом Ахиллы бывшие легионеры Габиния "уже освоились с александрийской вольной жизнью и отвыкли от римского имени и военной дисциплины… К ним присоединились люди, набранные из пиратов и разбойников… Кроме того, сюда же сошлись осужденные за уголовные преступления и изгнанники (всем нашим беглым рабам был верный приют в Александрии и обеспеченное положение, лишь бы они записывались в солдаты)".

Но вскоре разыгралась душераздирающая сцена, которую любой проницательный зритель квалифицировал бы как спектакль. Примчался гонец из лагеря Ахиллы (а теперь еще и Ганимеда), который привез Цезарю послание от нескольких тамошних командиров. Они жаловались на разброд и шатание, постоянное противостояние Ганимеда с другими начальниками и просили Цезаря дозволить Птолемею вернуться к своим солдатам. Цезарь сразу согласился, и есть мнение, что он сообща с Клеопатрой заранее просчитал дальнейшие последствия такого решения.

Однако сцена разговора с Птолемеем была разыграна по всем правилам театрального искусства. Цезарь убеждал молодого царя "подумать об отцовском царстве, пощадить свой славный родной город, обезображенный отвратительными пожарами и разрушениями, своих сограждан прежде всего образумить, а затем спасти, доказать свою верность римскому народу и ему, так как сам он, со своей стороны, настолько доверяет царю, что отпускает его к вооруженным врагам римского народа". Содержание своей речи для потомков бережно сохранил сам проконсул. И он же описал, как Птолемей горестно рыдал и умолял Цезаря "не отпускать его: самый трон не так ему мил, как вид Цезаря". Тот, как легко догадаться, ни секунды не верил в искренность Птолемея, а в своем мемуарном тексте от души прошелся на тему лживой сущности греков. Досталось и Арсиное, и ее наставнику. Цезарь явно рассчитывал, что на его и Клеопатры сторону встанет "население, которому чрезвычайно надоели временное царствование девочки и жестокая тирания Ганимеда".

Но пока что появление Птолемея в военном стане противников Цезаря и Клеопатры заметно осложнило ситуацию. Пусть Цезарь и полагал, что "для него будет благовиднее и почетнее вести войну с царем, чем с шайкой пришлых авантюристов и беглых рабов". Птолемей снял Ганимеда с командной должности, с одной стороны, избавив Цезаря и Клеопатру от самого искусного полководца противника, а с

другой — появление царя было неким знаком, придающим мятежу характер законности. Он, по словам римлянина, "словно его выпустили из клетки на открытую арену, так энергично повел войну против Цезаря, что слезы, которые он обронил при прощании, были, очевидно, слезами радости".

И поначалу победа Цезаря вовсе не казалась очевидной, ведь в окружении Птолемея еще оставались умные и опытные командиры. "Прежде всего он подвергся опасности остаться без воды, так как водопроводные каналы были засыпаны неприятелем, — комментирует происходившее в Александрии Плутарх. — Затем враги пытались отрезать его от кораблей. Цезарь принужден был отвратить опасность, устроив пожар, который, распространившись со стороны верфей, уничтожил огромную библиотеку. Наконец, во время битвы при Фаросе, когда Цезарь соскочил с насыпи в лодку, чтобы оказать помощь своим, и к лодке со всех сторон устремились египтяне, Цезарь бросился в море и лишь с трудом выплыл. Говорят, что он подвергался в это время обстрелу из луков и, погружаясь в воду, все-таки не выпускал из рук записных книжек. Одной рукой он поднимал их высоко над водой, а другой греб, лодка же сразу была потоплена".

Цезарь сжег свои корабли, чтобы они не достались противнику. "С их захватом враги надеялись отбить у Цезаря его флот, завладеть гаванью и всем морем и отрезать Цезаря от продовольствия и подкреплений… Поэтому и сражались с упорством, соответствовавшим значению этой борьбы: для одних от этого зависела скорая победа, для нас — наше спасение. Но Цезарь вышел победителем и сжег все эти корабли вместе с теми, которые находились в доках, так как не мог охранять такого большого района малыми силами". Относительно того, насколько сильно пожар повредил Александрийскую библиотеку, мнения расходятся — кто говорит о ее полном уничтожении задолго до намеренного поджога уже в Средние века, кто-то утверждает, что пламя, достигшее хранилища свитков, было сразу потушено, не причинив ущерба.

Но в конечном итоге удача оказалась на стороне Цезаря. И, конечно, Клеопатры, которая не только удержалась на престоле, но и избавилась от всех родственников, способных представлять опасность.

"Внедрив во вражескую армию Птолемея и лишив ее тем самым предводителя, Цезарь добивается перелома в ходе войны, — уверен Пьер Деке. — Он переходит в наступление. Он сражается на море и идет ускоренным маршем навстречу армии поддержки во главе с Митридатом, соединяется с нею, бросается

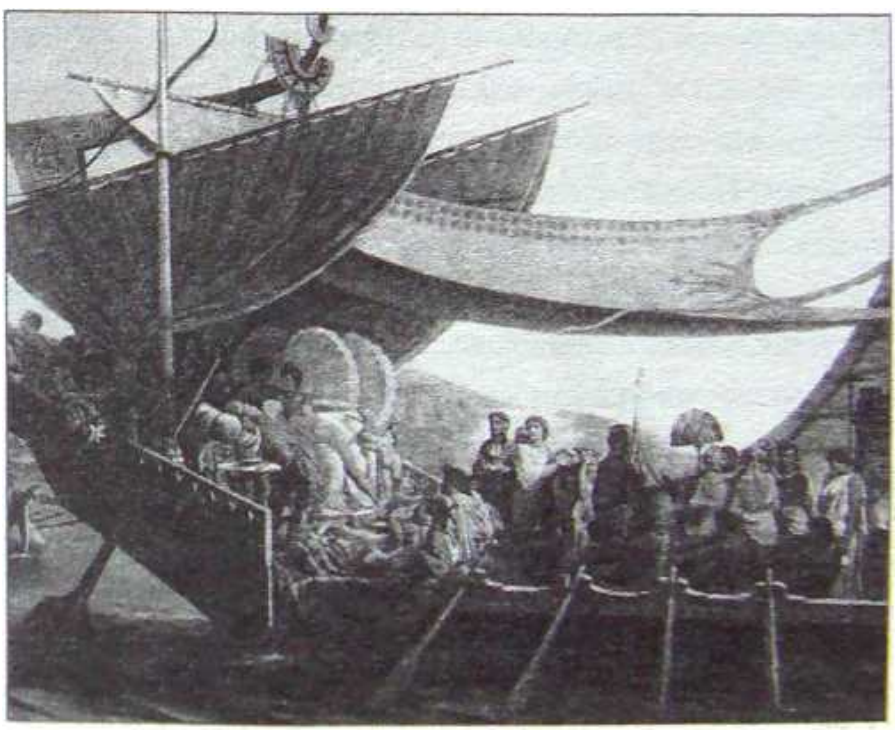
тотчас в битву и после двух дней непрерывных боев опрокидывает египтян в Нил. В этой бойне погибают двадцать тысяч солдат и двенадцать тысяч сдаются в плен. Среди выброшенных Нилом тел опознают Птолемея. Цезарь врывается в Александрию, потрясая золотым доспехом царя, свидетельством своей победы".

Хотя насчет доспеха и тела Птолемея существует и строго противоположное мнение, изложенное той же Стейси Шифф: "Кое-кому удалось спастись, но Птолемей, судя по всему, погиб; впрочем, гибель царя не оплакивали даже его вчерашние советники. Тела так и не нашли, хотя Цезарь приложил немало усилий, чтобы раздобыть золотые царские доспехи. Нил издавна считался волшебной, целительной рекой; его воды уносили и цариц в мешках, и младенцев в корзинах. Не хватало еще, чтобы царевич воскрес". Кстати, в будущем самозванец, выдававший себя за Птолемея, все же появился, но особого успеха не имел — простые египтяне все царствование Клеопатры искренне любили свою повелительницу.

ЛЮБОВЬ НА ВОДАХ НИЛА

Как бы то ни было, победил Цезарь — и вместе с ним Клеопатра. Жители Александрии вышли на улицы в покаянных одеждах встречать победителя. Были продемонстрированы и сейчас, и позже по время триумфа в Риме доспехи царя Птолемея, вопрос: те ли, что были на нем в бою… Но подобные проблемы с символами и вещественными доказательствами во все времена решались достаточно легко. Арсиною привезли в Александрию закованной в кандалы.

Клеопатра могла с полным правом торжествовать. Никто из римских историков не сомневался в том, что Александрийскую кампанию Цезарь затеял исключительно ради египетской царицы. Плутарх категорично утверждал: "Что же до египетской войны, то эту кровопролитную, бесславную и совершенно бесполезную кампанию он развязал исключительно из страсти к Клеопатре".



Клеопатра совершает путешествие по Нилу. Неизвестный художник

Дион Кассий повторял за ним без малейших сомнений: "Цезарь передал Египет Клеопатре, ради которой он и вступил в

эту войну". Разумеется, были приняты меры для соблюдения внешней благопристойности. Царица официально вышла за младшего брата, но, пишет Дион Кассий, "то было одно притворство, царица правила одна, а Цезаря принимала у себя по ночам". Плутарх чуть более учтиво, но недвусмысленно писал, что Цезарь проводил дни со своим войском, а ночи — в объятиях Клеопатры. "Их предприятия становятся отныне совместными, так же как общей была победа. Для Рима протекторат над Египтом выгоднее любой оккупации".

Сам же Цезарь оставил сугубо благопристойный отчет о своей деятельности: "…передал царскую власть младшему сыну; и старшей из двух дочерей, Клеопатре, которая сохранила верность ему и всегда оставалась в его ставке, а младшую, Арсиною, от имени которой, как мы указали, долго и с необузданностью деспота управлял царством Ганимед, он решил низложить, чтобы мятежные люди не возбудили снова распрей и раздоров, прежде чем успеет укрепиться власть новых царей. Взяв с собой 6-й легион, состоявший из ветеранов, он оставил в Александрии все прочие, чтобы новые цари укрепили этим свою власть, ибо они не могли обладать ни любовью своих подданных, как верные приверженцы Цезаря, ни упрочившимся авторитетом как возведенные на трон несколько дней тому назад. Вместе с тем он считал вполне согласным с достоинством римской власти и с государственной пользой защищать нашей военной силой царей, сохраняющих верность нам, а в случае их неблагодарности той же военной силой карать их. Покончив со всеми делами и устроив их указанным образом, он отправился сам сухим путем в Сирию".

Но до тех пор, когда Цезарь отбудет в Сирию, оставались еще более приятные заботы, нежели война с мятежниками. Наконец-то он может в полной мере наслаждаться обществом Клеопатры. "Произошло нечто из ряда вон выходящее в жизни Цезаря: его страсть не угасает, — пишет Декс. — Это не мимолетное увлечение, как можно подумать, начитавшись современных писателей, в чьих ушах стоят жалобы римских любовниц Цезаря, Клеопатра похитила у них победителя Помпея Великого, скажем короче: победителя. Ради этой чужеземки, этой интриганки Цезарь бросил их, покинул Рим. Этих дам даже в самом цветущем возрасте Цезарь не удостаивал, о нет, не удостаивал таким вниманием. А Рим — это город с замашками базара и столицы одновременно, тот, кто в нем рожден, не потерпит, чтобы его сочли за ничтожество. И вдруг — пожалуйста, эта египтянка, это дитя Востока! Каким волшебством, каким приворотным зельем, какой черной магией она смогла покорить Цезаря?"

Да, многие римляне были уверены — и среди них поэт Марк

Аней Лукан, — что "Клеопатра приворожила римлянина с помощью чар!".

В его поэме, посвященной знаменитому романтическому путешествию Цезаря и Клеопатры по Нилу среди прочих красочных эпизодов есть сцена беседы Цезаря с египетским первосвященником на пиру у Клеопатры. Римлянина отличали энциклопедическая эрудиция и неодолимая тяга к знаниям, равная по силе властолюбию. Это общеизвестно. Но Лукан изображает, как древняя мудрость Египта заворожила Цезаря, александрийские ученые и философы пленили его глубиной своей мысли. Полководцу не давала покоя одна загадка. "Я бы отдал все на свете, — признается он, — чтобы узнать, где скрыт исток вашей великой реки". В обмен на тайну истока Нила Цезарь у Лукана был даже готов остановить войну.

Их путешествие, так похожее на свадебное, началось весной в самую благодатную и приятную погоду. Древнеримский историк египетского (точнее, греко-египетского) происхождения Аппиан Александрийский писал, что Цезарь совершил это путешествие по великой реке, "наслаждаясь не только прогулкой, но и спутницей". Что, собственно, не вызывает сомнений, поскольку, несмотря на формальный династический брак, характер отношений военачальника и царицы был очевиден.

Светоний пишет: "Но больше всех он любил Клеопатру: с нею он и пировал не раз до рассвета, на ее корабле с богатыми покоями он готов был проплыть через весь Египет до самой Эфиопии, если бы войско не отказалось за ним следовать…"

"Клеопатра увлекает Цезаря не только против течения Нила, но и как бы против течения истории, уносит к Древнему Египту, в страну пирамид, сфинксов, за сотню миль к югу, к Верхнему Египту Фив и Луксора, и еще дальше к тайне первого нильского порога, который назывался тогда Сиеной, а ныне называется Асуаном, — пишет Декс. — На царском корабле помещались супружеская спальня, покои для гостей, приемный зал, все было устроено с величайшей роскошью. Корабль сопровождал целый фло т. То было путешествие двух полубогов… Два месяца путешествий, два месяца празднеств и открытий для одного и другого. Два месяца вне обычной жизни, без гонцов. Два месяца, в течение которых оба наблюдали богатства Египта, его цивилизацию, его несравненные храмы, созданные поколениями".

Завершение путешествия с наступлением сезона горячего пустынного ветра хамсина означало и то, что более у Цезаря и Клеопатры не получится всецело принадлежать друг другу. Историки свидетельствуют, что Цезарю не хотелось покидать Египет, а Клеопатра не желала его отпускать. "Она думала и

впредь удерживать его подле себя или же последовать за ним в Рим", — утверждал Дион Кассий. Некоторые римляне даже рассказывали, что приближенные Цезаря были вынуждены увезти его силой на фоне бунта легионеров. Но эта версия — из разряда все тех же легенд о коварной восточной колдунье, заморочившей голову простому и честному воину. Слишком много общего было у двух незаурядных людей, чтобы они не понимали, что чудесный отдых, полный любви и наслаждений, не может длиться вечно. Цезарю предстояло подавить мятеж Фарнака в Азии, добить сподвижников Помпея в Африке и в Испании, да и в самом Риме было неспокойно… "Оба привыкли бесстрашно идти к своей цели; обоим было не впервой бросать вызов судьбе. Оба имели вкус и к труду, и к развлечениям, не отделяя одно от другого. Цезарь отвечал на письма и петиции, наблюдая за сражениями гладиаторов. Клеопатра решала вопросы государственной важности во время пиров и процессий… Клеопатра любила удивлять окружающих и умела преподносить себя. Цезарь был падок на внешний лоск и восхищался истинным талантом во всех его проявлениях… За год до провозглашения диктатором он впервые познал вкус абсолютной власти и женщину, непохожую ни на кого из тех, кого ему приходилось встречать".

Цезарь увез с собой пленную Арсиною, которая теперь не могла представлять опасность для Клеопатры. В Египте осталось двенадцатитысячное войско, долженствующее служить надежной защитой Клеопатре и ее трону. Кассий Дион писал, что Цезарь решился оставить Клеопатру лишь на том условии, что она как можно скорее приедет к нему в Рим.

Плутарх свидетельствовал об этом более сдержанно: "Затем, оставив Клеопатру, которая вскоре родила от него сына (александрийцы называли его Цезарионом), Цезарь направился в Сирию".

РОЖДЕНИЕ ЦЕЗАРИОНА

Любовные шалости не остались без последствий — у Клеопатры родился сын. Он получил традиционное имя Птолемей, но современники, а вслед за ними и историки предпочитали называть его Цезарион — "Цезаренок". Точную дату его появления на свет назвать никто не смог. По утверждению Плутарха, ребенок родился в Александрии вскоре после отъезда Цезаря, то есть в 47 году. При этом в "Жизнеописании Антония" тот же самый Плутарх называет другое время рождения мальчика — весна 44 года до н. э., уже после смерти Цезаря.

Светоний же уверен, что ребенок появился на свет во время пребывания Клеопатры в Риме, но еще при жизни отца. "Но больше всех он любил Клеопатру: с нею он и пировал не раз до рассвета… — писал Светоний, — наконец, он пригласил ее в Рим и отпустил с великими почестями и богатыми дарами, позволив ей даже назвать новорожденного сына его именем. Некоторые греческие писатели сообщают, что этот сын был похож на Цезаря и лицом, и осанкой. Марк Антоний утверждал перед сенатом, что Цезарь признал мальчика своим сыном и что это известно Гаю Матию, Гаю Оппию и другим друзьям Цезаря…"

"Добавим к этому, что в античное время никто не сомневался в отцовстве Цезаря или по меньшей мерс в том, что Цезарь признал ребенка Клеопатры своим сыном, — констатирует Деке. — Для этого пришлось ждать почти два тысячелетия, когда появится член Французской академии Жером Каркопино и припишет отцовство Цезариона Антонию".

Рождение Цезариона вскоре после завершения знаменитого путешествия маловероятно — трудно представить, чтобы царица отправилась в длительную поездку на последних месяцах беременности. Из многих источников следует, что о ребенке стало известно только после 44 года, но это отнюдь не означает, что в тот момент он был новорожденным. "С точки зрения Клеопатры, рождение этого младенца могло сделать для страны больше, чем самые изощренные дипломатические игры… — пишет Шифф. — Пока на коленях Клеопатры сидел Цезарион, то есть маленький Цезарь — так александрийцы прозвали Птолемея Пятнадцатого, — ее трону ничто не угрожало. Малютка стал участвовать в государственных делах, еще не научившись говорить. Он фактически сместил с престола своего дядю. Птолемей Четырнадцатый и оглянуться не успел, как вся власть оказалась в руках его старшей сестры…"

Пьер Деке анализирует все версии, в том числе и те, согласно

которым Цезарион мог быть сыном кого-то другого, а возможно, и совсем другой женщины. "Цицерон намекает на то, что маленький Цезарь уже существует, в своем письме от 11 мая 44 года, на основании чего можно считать, что ребенок родился хотя бы двумя неделями ранее. Нам неизвестна точная дата возвращения Цезаря из Испании, но трудно предполагать, что он возвратился ранее первых дней августа 45 года. Календарь, кстати, к тому времени полностью упорядочен. Таким образом, если считать, что Цезарион должен родиться до ее отъезда, нужно, чтобы он был зачат по крайней мере в момент возвращения Цезаря в Италию. Каркопино, сторонник рождения Цезариона в 44 году, утверждает, что, по его данным, Цезарь вернулся официально в Италию лишь в октябре 45 года, и, следовательно, ребенок не может быть сыном официального любовника Клеопатры".

Есть мнение, что Цезарион родился по возвращении матери в Александрию, другая же теория гласит, что Клеопатра ждала уже второго ребенка от Цезаря, но потрясение от гибели возлюбленного и тяготы путешествия привели к выкидышу. Маскировать и скрывать, путать сроки появления наследников царицы умели задолго до Клеопатры. "Сообщите, пожалуйста, подробнее о царице и об этом Цезаре, о котором ходит молва…" — просил своих знакомых Цицерон.

"Она царствует то в одиночку, то с ребенком, которого, если это необходимо, можно рассматривать как единственного кровного наследника Цезаря, — описывает ситуацию Декс. — Вспомним к тому же, что такие сыновья у Лагидов уже убивали своих матерей, а матери — сыновей, и потому важно ли, в конце концов, знать, кто такой Цезарион: может быть, он не сын Цезаря, может быть, даже не сын Клеопатры…"

Стейси Шифф придерживается версии, что Цезарион был рожден в Египте еще до отъезда Клеопатры в Рим. И по приглашению Цезаря она отправилась уже с младенцем. Ну и с братом-супругом для приличия — и ради безопасности, что в ее отсутствие опять кто-то не вздумал использовать юного консорта в своих интересах. "Трудно сказать, что звало Клеопатру в путь: политические соображения или тоска по любимому. Возможно, она хотела показать Цезариона отцу… И ни за что не отправилась бы в Рим, если бы не знала, что ее ждут".

КЛЕОПАТРА В РИМЕ

Среди подарков, приготовленных для Рима, были, конечно, роскошные ткани и ковры, пряности, алебастровые вазы с ароматическими веществами, золотая посуда, мозаичные панно, но, кроме того, тщательно запечатанные бочонки с водой из Нила, которая в те времена считалась чудодейственной и животворящей. А еще экзотические животные — несколько леопардов и жираф.

"Царица с супругом поселилась в доме Цезаря, что не могло не сказаться на их и так небезупречной репутации", — сообщал Дион Кассий. На самом деле Цезарь вместе со своей женой Кальпурнией жил в доме римского верховного жреца, а царице Египта предоставил свою собственную виллу, которая была немедленно обставлена со всей восточной роскошью.

Цезарь организовал триумф в честь своих побед в Галлии, Египте, Понте, Африке и Испании. Желающие видеть торжество устремились в город за несколько дней до его начала и занимали места на улицах, ставя тут же палатки. По всему Риму украшали улицы и храмы, расширяли ипподромы, возводили временные арены и пиршественные залы. И вот фанфары возвестили о приближении полководца; в пурпурной тунике, с лавровым венком на голове он въехал в городские ворота на колеснице, запряженной четверкой белых коней. Следом в торжественном строю шли его легионеры, распевая совсем неторжественные песни о победах своего вождя — на поле брани и любви. Как легко догадаться, имя египетской царицы звучало в них постоянно. От Марсова поля до Виа-Сакра, мимо цирка, вверх по Капитолийскому холму пронесли чучела Ахилла и Потина, а также макеты, изображавшие места, где разыгрывались сражения. Среди пленников была сестра Клеопатры — Арсиноя. После триумфа ее отослали в Эфес, в знаменитый храм Артемиды.

"В Риме Клеопатре пришлось столкнуться с проблемой, знакомой любой знаменитости в чужой стране: она почти никого не знала, зато ее знали все, — замечает Шифф. — Ее затянувшийся визит начал тяготить даже ко всему привычную Кальпурнию. Цезарь женился на ней в пятьдесят девятом году и следующие десять лет только и делал, что изменял своей жене направо и налево, не пропуская ни одной юбки. Он переспал с женами почти всех своих соратников и однажды соблазнил не только известную в городе красавицу, но и ее не менее привлекательную дочь. Между отъездом из Александрии и возвращением на родину полководец успел завести роман с

женой мавританского царя… Что же касается сограждан Цезаря, то им казались немыслимо скандальными его отношения с женщиной, чье поведение столь мало соответствовало (а в чем-то прямо противоречило) римским нравственным нормам. Римляне глядели на Клеопатру без особой любви, но с огромным любопытством".

Однако Цезарь во время традиционных празднеств в храме Венеры Прародительницы, божественной матери римского народа и покровительницы всех его побед, прямо напротив ее изображения приказал поставить золотую статую Клеопатры в полный рост. Невероятная честь — в Риме еще не научились возводить статуи в честь правителей, не было пока ни единой статуи самого Цезаря. То была неслыханная честь, особенно если принять во внимание, что в Риме до сих пор не было ни одного памятника самому полководцу. Римляне были изрядно шокированы. Клеопатра же, скорее всего, не увидела в том ничего особенного — ее-то трудно было удивить золотой скульптурой после блистательных дворцов и храмов Египта. Ее удручала обстановка, слишком непохожая на родную Александрию. "Клеопатра привыкла к морским просторам, бодрящему соленому бризу, сверкающим на солнце белым стенам и безоблачному александрийскому небу, — описывает это противоречие Стейси Шифф. — Теперь из ее окна не было видно бирюзового моря, закат не окрашивал комнаты багровым светом. Городские постройки не радовали глаз. Рим был однотонным городом, а царица выросла среди ярких красок. Всюду были дерево и штукатурка. Жизнь Александрии была пронизана музыкой, повсюду слышались флейты и лиры, цимбалы и барабаны. Римляне относились к музыке с подозрением, даже неприязнью. Хорошо танцевать или играть на каком-либо инструменте считалось неловким, будто не совсем приличным".

"Сплетни его не интересовали", — пишет о Цезаре Дион Кассий. Зато многих римских деятелей они волновали и даже очень. Цицерона, например.

"Не берусь утверждать, что у Цезаря не было чисто эротических причин вызвать Клеопатру, что не было желания вновь приобщиться к восточной цивилизации, насладиться беседой с женщиной, превышающей блеском ума любую римлянку, — пишет Пьер Деке, — однако решение было, по существу, политическим. Этому поклоннику прекрасного пола Клеопатра была нужна не для того, чтоб скрасить досуг, даже не для того, чтоб бросить вызов ходячей добродетели. Он вновь утверждает новый стиль жизни, с которым уже свыкся на Востоке. Стиль, общий для него и для Клеопатры. Цезарь действовал,

несомненно, как суверен, возможно также, они искали форму совместного существования в Риме, форму, способную легализовать впоследствии их союз, быть может, готовили нечто вроде юридического акта, дающего, скажем, право Цезарю считать законными несколько браков одновременно, а также привилегии, превращающие императора в земного бога, союзником которого становится Клеопатра".

Действительно, незадолго до гибели Цезаря появились слухи о грядущем законе, который официально разрешит ему "познать любую женщину, которую пожелает". Светоний пишет, что Цезарю могло быть дозволено законным образом позволить завести много жен, "дабы оставить потомство". Причем жениться он мог на ком угодно, вопреки правилу признавать браки только между гражданами Рима. Более того, был и слух о намерении диктатора выбрать новую столицу, и эта роль предназначалась Александрин.

О том, когда Клеопатра покинула Рим, существуют столь же противоречивые мнения, как и о времени рождения ее старшего сына. Светоний утверждал, что произошло это еще при жизни Цезаря, который и провожал царицу "с неслыханными почестями и богатыми подарками", успев порадоваться рождению наследника, которому он дал свое имя. "Двухлетний Цезарион с каждым днем все больше походил на отца лицом и повадкой".

Есть и другая версия, в изложении Шифф она выглядит так: "Она была в городе во время страшной бури, разразившейся сразу после похорон… Из окон своих покоев царица смотрела на город, прежде непроглядно темный, а теперь озаренный огнем множества костров, которые жгли до самого утра, чтобы легче было поддерживать порядок. Наконец царица покинула виллу, ее вещи погрузили на телеги и свезли извилистой тропой по склону холма Яникул, а оттуда вдоль реки к морскому берегу… Она уехала через месяц после убийства, оставив за спиной придирчивый взгляд Цицерона и наполнявшие Рим пересуды".

Бюст Цицерона

За что Цицерон возненавидел Клеопатру? Он ведь так и писал: "Я ненавижу царицу". Поговаривали, что римский оратор был и сам не прочь, несмотря на молодую жену обратить на себя благосклонное внимание восточной повелительницы. Потом ему пришлось оправдываться: мол, "говорил с царицей исключительно о литературе, и между нами не было сказано ни единого слова, которое я не решился бы повторить прилюдно". И мало того, что он был отвергнут, так еще и именно что прилюдно посрамлен в дискуссии на те самые литературные темы. Причем при жизни Цезаря он и пикнуть особо не смел, зато после его гибели, мало того что приветствовал это убийство, так еще принялся разоряться вовсю, посылая, как говорится, лучи ненависти вслед покинувшей Рим Клеопатре: "Что же до дерзостей этой женщины, жившей в садах на другом берегу Тибра, то я и сегодня не могу говорить о них без досады. Самое лучше — не знаться с людьми подобного толка. Они воображают, будто мы начисто лишены чувств и той гордости, которая им присуща… Высокомерие царицы, которое она не раз демонстрировала, заставляет мою кровь кипеть от возмущения!.."

Как известно, Цезарь был убит в мартовские иды 44 года. До этого он успел назначить в завещании своего основного наследника — и это был отнюдь не младенец, рожденный Клеопатрой, а внучатый племянник сестры Цезаря — Октавиан, девятнадцати лет от роду. Именно ему суждено будет сыграть в жизни Клеопатры столь роковую роль…

Что это значит, то, что не было в тот момент никакого ребенка? Или Рим занимал в планах Цезаря отнюдь не основное место? "Римская царица Клеопатра? — размышляет Декс. — Нет. Скорее царица будущей империи. Царица Востока, который надлежит еще завоевать, Востока даков и парфян, которые, подобно египтянам, знакомы лишь с режимом теократической монархии. Чтобы повелевать царями, Цезарь сам должен быть царем, иметь соответствующий титул и достоинства царской власти, причем не только "для заграницы", но и для Рима. И тут брак с Клеопатрой играет существенную роль, но, повторяю, скорее для империи, чем для Рима".

Чья это была идея? Вряд ли Клеопатра прямо советовала Цезарю провозгласить себя царем. Если вычеркнуть из его жизни все, что связано с ней, воплощенную в ней восточную концепцию царства, вся картина жизни Цезаря будет выглядеть иначе. Римлянам такой вариант развития событий, который олицетворяла обитающая на вилле Цезаря гостья, не нравился.

И планам не суждено было осуществиться."…Никто во всем Риме не был потрясен случившимся так, как Клеопатра. Для нее смерть Цезаря была не только личной потерей, но и политической катастрофой. Царица потеряла главного защитника и больше не могла чувствовать себя в безопасности. Клеопатру охватил страх. А что если заговорщики решат заодно расправиться с близкими своей жертвы?" Так подумали многие — сбежал, переодевшись в одежду слуги, Марк Антоний, покинул город Цицерон, который приветствовал убийство. Разбежались и сами убийцы.

Покинула Рим и египетская царица. Больше ее здесь ничто не удерживало.

ОКТАВИАН И КЛЕОПАТРА. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

По пути из Рима к морю, где предстояло поместиться на корабли, Клеопатра со свитой повстречала на половине дороги ничем не примечательного путника. Вернее, не заметить его все же было трудно, молодой человек был не один, а с воинским отрядом. Но все же пока наследник Цезаря по завещанию Октавиан путешествовал как частное лицо. Хотя льстивые биографы не преминут через несколько лет живописать, как к нему, пока он ехал от порта до столицы, "неостановимым широким потоком" стремились все новые и новые сподвижники. Стоило отраду Октавиана выйти на Аппиеву дорогу, прекратилась непогода, расчистилось небо, и над будущим Августом воссияло весеннее солнце, окруженное многоцветным венцом. С точки зрения метеорологии — ничего удивительного, но какое удачное совпадение!

В Риме Октавиана уже ждали: кто с опасением (вернее, таковые предпочли покинуть город и ждать, что будет, вне пределов быстрой досягаемости), кто с плохо скрываемым нетерпением и радостью. "Сенаторы встали на его сторону охотнее, чем ветераны недавних походов, — замечает Степей Шифф, — в надежде, что восемнадцатилетний политик отомстит за "бойню на Форуме". Однако Октавиан никому ничего не отвечал…" Он был внешне невзрачен, физически слаб, почти не знал римских реалий, не имел ни военного опыта, ни политического авторитета. Однако же, приняв установленным образом наследство своего великого родича, Октавиан отправился к тому, кто уже был многими наименован новым Цезарем, — к Марку Антонию. Тот заставил юнца долго дожидаться у ворот, прежде чем распорядился пустить его, причем не в парадные покои, а в сад.

"Если Клеопатру появление Октавиана в Риме немного встревожило, для Антония оно было просто оскорбительно, — пишет Стейси Шифф. — У двоих мужчин, — учитывая, что Марку Антонию было сорок лет, у мужчины и мальчишки, — каждый из которых полагал, что наследство Цезаря по праву принадлежит ему, состоялся неприятный разговор. Октавиан, поначалу учтивый и сдержанный, под конец беседы позволил себе хорошо подготовленный приступ сдержанного гнева. Он явно репетировал свой монолог заранее".

Октавиан не был блестящим оратором-импровизатором. Он

даже в разговорах с собственной супругой предпочитал зачитывать заранее выписанные на табличках мысли. Аналогичным образом он поступил и в неприятном разговоре с Антонием. Методично и внешне хладнокровно молодой человек начал фактически допрашивать заслуженного военачальника: "Почему не стали преследовать убийц Цезаря?" Как известно, на самом деле их официально помиловали, и Антоний председательствовал в сенате, когда рассматривался этот вопрос. Но Октавиан упорно продолжал гнуть свою линию: "Почему некоторые преступники не только не получили по заслугам, но и сделались наместниками в провинциях или занимают военные должности?" Октавиан энергично рекомендовал Антонию "свершить отмщение". А если тот морально не готов к жестким мерам, то пусть отойдет в сторону и не мешает восстановлению справедливости. После этого Октавиан настоятельно посоветовал Антонию передать по назначению золото и ценности, завещанные Цезарем на государственные нужды. Молодой человек издевательски добавил, что если Марк Антоний очень желает, то он может что-то ценное "оставить себе на память".

Фрагмент статуи Октавиана Августа

Так началась великая вражда, то перераставшая в вынужденное союзничество, то вновь вспыхивавшая пламенем откровенной войны. Та самая вражда, под знаком которой Клеопатре придется провести всю оставшуюся ей жизнь…

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ

С личной жизнью Клеопатре не слишком повезло в этот раз, предзнаменования на будущее в Риме были тревожные, зато в Египте ее встретило сплошное мирное благоденствие. Оставленные на хозяйстве министры со своими обязанностями справились на славу, страна процветала, никаких мятежей или массовых выступлений против уплаты налогов. Потерпев поражение от злой судьбы в Риме, царица могла спокойно управлять своими наследственными владениями.

Клеопатра, вернувшись в Египет, первым делом позаботилась об увековечении памяти Цезаря: по ее приказу был возведен обширный комплекс Цезариум над Александрийской гаванью — "город в городе из множества портиков, галерей, беседок, аллей, садов и ворот необычайной красоты". Очень вовремя — по всеобщему мнению, от яда — умер Птолемей XIV, брат и соправитель Клеопатры. Соправителем был провозглашен маленький Цезарион, получивший титул: "Царь Птолемей, он же Цезарь, Любящий Родителей Бог".

"Цезарион чудом уцелел во время обрушения храма в Дендере, который начали возводить еще при Авлете, — пишет Шифф. — В честь спасения сына Клеопатра приказала изобразить его на стене храма в коронах Верхнего и Нижнего Египта, напротив Исиды, Гора и Осириса. Получилось весьма эффектно: художники изобразили подле фараона его божественную мать в одеждах Исиды и двойной короне. Под мозаикой начертано имя Клеопатры; царица лично следила за украшением храма. Когда строительство в Дендере было закончено, рабочих отправили в Верхний Египет завершать храмовый комплекс в Эдфу — еще один проект Авлета. Клеопатра основала храм в северном городе Коптосе и возвела маленькое святилище в честь божественных младенцев в Гермонтисе, неподалеку от Луксора. Цезариона почитали как воплощение Гора, который — едва ли это совпадение — отомстил убийцам своего отца…"

Надписи на храмовых стенах увековечивали и саму царицу Клеопатру: "Царствующая владычица двух стран, Клеопатра, любимая богиня своего отца, соединяется со своим сыном, сыном солнца, повелителем диадем, Птолемеем, по имени Цезарь. Да живет она вечно, любимая богом Пта и богиней Исидой".

МЯТЕЖ АРСИНОИ

Но начались проблемы, вполне традиционные для рода Птолемеев, где родственники часто были хуже любых врагов, — против Клеопатры подняла мятеж ее младшая сестра, та самая Арсиноя, чудом избежавшая смертной казни после предыдущих египетских беспорядков. Четыре года она лелеяла жажду реванша и мести, а теперь, найдя поддержку в Эфесе, провозгласила себя владычицей Египта. Учитывая, что за египетскими пределами положение Клеопатры было совсем не таким благоприятным, как внутри страны, ситуация выглядела более чем проблемной. В распоряжении Арсинои сразу оказались несметные сокровища храма Артемиды плюс многочисленные сторонники в Риме.

И чтобы совсем не было скучно, объявился самозванец, который представился чудесным образом спасшимся из мутных нильских глубин Птолемеем XIII. Тем самым, чей труп и золотой доспех легионеры Цезаря то ли нашли после решающего сражения, то ли нет… Арсиноя не ограничилась Эфесом, она сумела привлечь на свою сторону командира египетского гарнизона на Кипре. Гарнизон был велик, остров стратегически важен.

"В народе есть поговорка о тех, кто дважды спотыкается об один и тот же камень", — иронизировал по этому случаю Цицерон. А еще один такой потенциальный "камушек" находился совсем рядом с Клеопатрой — ее брат-супруг Птолемей XIV. Вот только спотыкаться на таких подарках судьбы царица Египта больше не собиралась.

Параллельно с мятежом Арсинои разворачивалась гражданская война в Риме — наследники Цезаря, слегка пригасив взаимную неприязнь, сражались с убийцами и им сочувствующими. И все требовали от Клеопатры помощи войсками и деньгами. Она же, в свою очередь, прекрасно понимала, что один неверный шаг может обойтись очень дорого. И вот наконец круг победителей определился. Один из них — Марк Антоний, пребывающий в городе Фарсале. Информация, которую ему присылают о Клеопатре, равно как и указания из Рима, говорят не в пользу ее: "Царица Египта поддержала деньгами и солдатами скрывающихся в Македонии убийц Цезаря, где они ведут борьбу с легионами триумвиров".

На самом деле это трудно представить, хотя бы потому, что к 42 году до н. э. главных заговорщиков Брута и Кассия уже не было в живых. Покинув Рим после убийства Цезаря, они сражались с так называемым вторым триумвиратом (Октавиан,

Марк Антоний и Лепид). Поначалу они завладели частью подвластных Риму земель — таковыми оказались Македония, Греция, Малая Азия и Сирия. После поражения при Филиппах осенью 42 г. до н. э. Брут и Кассий покончили с собой.

Были доносы и о том, что Клеопатра отравила своего брата-супруга, чтобы посадить на трон Цезариона. Марк Антоний реагировал спокойно, говоря: "Это семейные дела!"

Что именно заставило его потребовать прибытия Клеопатры в Фарсалу? Жорж Блон уверен, что память об уже имевших место близких отношениях: "Однако даже среди грубых развлечений во время инспекторской поездки его продолжало терзать воспоминание о бывшей возлюбленной — прекрасной, утонченной и образованной царице, рядом с которой он ощущал себя увальнем. Он решил, что, призвав Клеопатру и потребовав от нее объяснений, он тем самым поставит ее в зависимость от себя. И эта мысль, хотя и лишенная благородства, разжигала его страсть. Он отправил в Египет эмиссара с приказом доставить к нему Клеопатру".

ВСТРЕЧА С МАРКОМ АНТОНИЕМ: ОШЕЛОМЛЯЮЩАЯ РОСКОШЬ

Римский эмиссар в начале 41 года в Александрию и впрямь прибыл. Это был человек с хорошо подвешенным языком и крайне своеобразными представлениями о верности. "Пока длилась гражданская война, Квинт Деллий успел трижды поменять сторону: сначала он переметнулся от Долабеллы в лагерь Кассия, потом снова перебежал к Марку Антонию, — отмечает Шифф. — В Александрию он явился получить объяснения от чересчур своевольной египетской царицы. О чем она переговаривалась с Кассием? Почему не спешила помочь наследникам Цезаря? Где была ее хваленая преданность Риму?"

Деллий при всем том достаточно быстро сообразил, что угрожающий тон ему слабо поможет. Да и перед знаменитым обаянием египетской властительницы он устоять не смог. "Едва узрев владычицу воочию и услышав ее изысканные речи", как пишет Плутарх, римский посланник поспешно перешел на учтивый, а то и вовсе откровенно льстивый стиль общения. При этом он вполне практично сообразил, что если царица на него самого произвела столь сильное впечатление, то и Марк Антоний, которого он характеризовал в своих речах как "добрейшего и благороднейшего из воинов", будет весьма впечатлен. И это самое меньшее…

Некоторые исследователи даже приписывают именно Деллию идею и сценарий нашумевшего появления Клеопатры в Фарсале (Тарсе). Ибо если постоянством и верностью он похвастаться не мог, то по части интриг мастер был первостатейный.

Прибытие Клеопатры в Тарсу. Художник К. Лоррен

Впрочем, однозначно отдать римскому посланнику авторство одного из самых знаменательных спектаклей античного мира, разыгранных не на театральной сцене, было бы опрометчиво. Прекрасная восточная властительница и сама неплохо умела организовывать свои эффектные выходы.

Хотя, конечно, своим появлением в Фарсале она превзошла все былые достижения, по крайней мере в глазах большинства. Оценить изящный минимализм, с которым был обставлен достопамятный визит к Цезарю, дано было немногим.

Позолоченная галера с пурпурными парусами и серебряными (надо думать, все же посеребренными, иначе они были бы неподъемными) веслами стала символом неудержимой роскоши. И, конечно, высокого искусства женского коварства и обольщения. Явление Клеопатры фарсальской общественности совпало (и не факт, что по чистой случайности) с моментом, когда Марк Антоний на главной площади города произносил речь. По какому поводу был митинг, теперь никто не вспомнит, да и во времена Плутарха информация об этом была благополучно потеряна. Ничего удивительного. После появления флотилии Клеопатры с площади убежали все слушатели — на пристань, чтобы успеть полюбоваться восхитительными ладьями и

прекрасной царицей, восседавшей под драгоценным балдахином.

Засим последовало не менее достопамятное пиршество с последующим дарением гостям золотой посуды. А когда через день сам Антоний распорядился устроить ответный прием, то получилось не очень — ни изысканностью лакомств, ни сервировкой, ни обстановкой в целом челядь римского наместника впечатлить египетскую царицу конечно же не сумела. Марку Антонию хватило одного взгляда, чтобы оценить ситуацию. Как ехидно замечает Пьер Декс, "Антоний понял, что его положили на обе лопатки как в смысле роскоши, так и в отношении хорошего вкуса. Поскольку состязаться в элегантности не приходилось, он оценил ситуацию в выражениях солдафона. К его изумлению, Клеопатра сбросила маску божественного величия и ответила ему в тон, тоже на солдатском жаргоне, и сделала это с той же легкостью и свободой, с какой говорила на всех наречиях своих разноязыких подданных — эфиопов, бедуинов, евреев, сирийцев, персов…".

Царица поняла простую истину: если она желает заручиться поддержкой, ей придется снизойти до уровня Антония. Причем так, чтобы он сам никакой снисходительности в ее поведении не почувствовал.

РАСТОЧИТЕЛЬСТВО КЛЕОПАТРЫ

Многие из историков обвиняют Клеопатру в неслыханной расточительности, что явилось одной из причин поражения в схватке с Римом. Наглядным примером сказочной роскоши, в которой утопала царица, можно считать то, как было обставлено одно из главных событий ее жизни — встреча с Марком Антонием, после смерти Цезаря ставшим владыкой, "куратором" Востока. На его требование явиться, как описывает Жорж Блон в "Великом часе океанов", "Клеопатра явилась. На изукрашенном золотом судне с высокой кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами. Рабы гребли под звуки флейт, лир и свирелей. Чтобы заглушить запах пота гребцов, на палубе судна в тысяче кадильниц дымились благовония. На палубе среди морских волков расхаживали очаровательные полуобнаженные женщины. Короче говоря, явление в духе супербоевиков Голливуда…"

Но зрителей оказалось слишком много — особенно среди тех приближенных (офицеров его армии) Марка Антония, которые позже перешли на сторону Октавиана и рассказали подробности царственных восточных безумств Клеопатры и Антония, шокирующие римлян, еще не распробовавших последующей императорской роскоши. Достаточно вспомнить строки Плутарха: "…Самые красивые рабыни были переодеты нереидами и харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам".

Дальше все продолжалось в подобающем стиле. "Галера Клеопатры освещена множеством факелов. Приглашенные входит в залу, пол которой устилает толстый ковер розовых лепестков. Золотая посуда инкрустирована драгоценными камнями. Стены обтянуты вышитым шелком, играет оркестр, изысканная еда. И лучшее украшение праздника — сама царица. Она расцвела после родов. Клеопатра элегантна, надушена. Драгоценностей на ней не меньше, чем на любой римской выскочке, но с каким вкусом они подобраны! И по-прежнему она умело ведет беседу на многих языках".

Клеопатра старалась не зря — теперь выглядела нелепой даже сама мысль потребовать от такой властительницы каких-либо объяснений. А дальше было не только пиршество роскоши, но и тонкого ума. Разумеется, Клеопатра заранее выяснила, что представляет собой Марк Антоний (а точнее, на что он "ловится"; к примеру, "римский лакомка, когда-то подаривший дом своему

повару за хорошо приготовленное блюдо"), и спланировала целый сказочный спектакль, в итоге достигнув своей цели.

При изучении описаний расточительных деяний Клеопатры бросается в глаза, что большинство их связано именно с Марком Антонием (правда, еще вспоминается "нескромная" жизнь царицы в Риме перед убийством Цезаря). Возникают два варианта объяснений: либо Клеопатра с течением времени обрела неудержимую страсть к роскоши (хотя многие современники отмечают ее расчетливость), либо уже после смерти Марка Антония и Клеопатры победители заботливо "выделили" именно негативные (и публичные) моменты их царствования.

Так, во время первого пира, который Клеопатра дала в честь Марка Антония и его спутников, по приказу царицы были накрыты двенадцать пиршественных столов, вокруг которых слуги расставили тридцать шесть мягких скамеек для пирующих. Все скамейки были накрыты дорогими коврами. Посуда на столах была золотая, к тому же украшенная драгоценными камнями. Царица надела золотое ожерелье, оплела руки тонкими браслетами. И когда пир закончился, то Клеопатра сказала Марку Антонию, что "ее гость волен взять себе в подарок все, что пожелает, и пригласила его прийти снова на следующий день с друзьями и приближенными". Пораженные роскошью римские военачальники унесли с собой посуду, ковры и даже мебель. Но за этим пиром последовали и другие…

Кроме того, как уверяет в своих записях Плутарх, по окончании многих пиршеств, которые царица устраивала для Антония и его свиты, Клеопатра дарила каждому гостю диван, на котором он возлежал на пиру, кубки (в том числе из драгоценных металлов), стоявшие перед ним на столе, а самым почетным гостям доставались и дорогостоящие паланкины вместе с рабами-носильщиками. Но и прочие гости не были обделены ее вниманием — многие из них получали в дар от Клеопатры не только ароматные масла, но и породистых лошадей, причем порой и в золотой сбруе.

Многие пиры, устраиваемые царицей, просто поражали своим великолепием и изысканностью. Так, в исторических источниках рассказывается, что однажды для развлечения высокопоставленных римлян на пиру Клеопатра, чтобы приятно поразить гостей, заранее приказала усыпать пол в пиршественном зале розами высотой в полметра, причем, как уверяют, "работа цветочника обошлась в целый талант, что равнялось годовому доходу шести лекарей". Цветы образовали сплошной ковер благодаря специальным сеткам, которые были натянуты над ними и прикреплены к стенам, а гости шли к своим ложам по

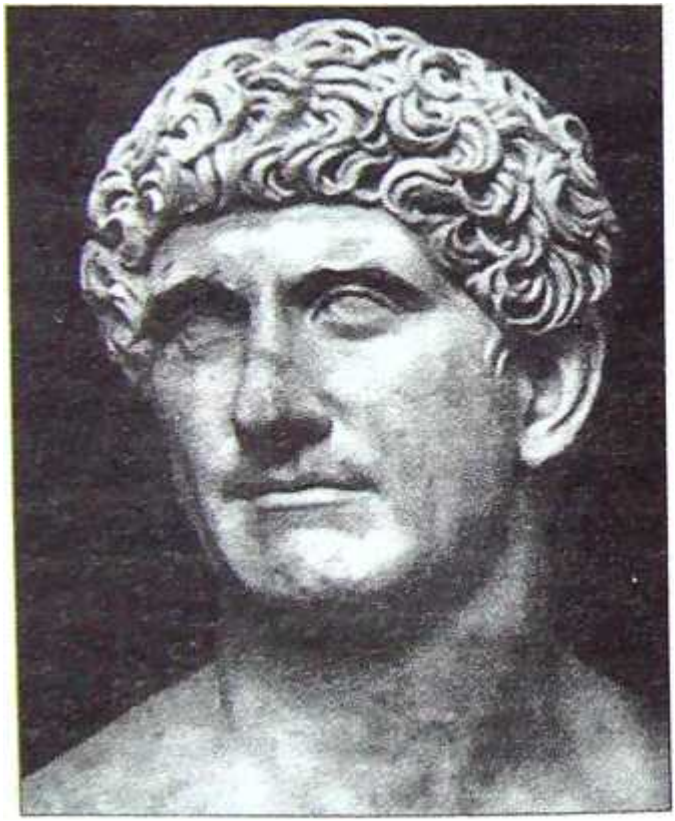
ароматному ковру из лепестков роз…

Во многих исторических документах упоминается пари царицы с Антонием: Клеопатра заявила ему, что может легко потратить огромную сумму, равную нескольким сотням тысяч сестерциев, на один прием пищи. Антоний усомнился и предложил подсчитать. Когда в конце пиршества он произвел подсчет общей суммы расходов на пир и цифра оказалась не такой внушительной, он увидел довольную улыбку на лице Антония, Клеопатра молвила: "Теперь я попробую потратить оговоренную сумму на себя", после чего сняла серьги с двумя огромными жемчужинами, каждая из которых стоила больше половины суммы, заявленной в пари, вынула одну из жемчужин, бросила ее в чашу с уксусом и выпила содержимое.

"ОН СТАЛ РАБОМ ЕГИПЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ..."

Дион Кассий описывает произошедшее прямо и категорично: "В это же время, после сражения при Филиппах, Марк Антоний прибыл на территорию Азии, где налагал штрафы на города и продавал должности; многие районы он посетил лично, в другие послал агентов. Тем временем он влюбился в Клеопатру, которую встретил в Киликии, и после этого уже не думал о чести, но стал рабом египетской женщины и посвятил все свое время страсти к ней. Это заставило его сделать много возмутительных вещей, и прежде всего вырвать ее братьев из храма Артемиды в Эфесе и предать их смерти. И, наконец, он оставил Планка в провинции Азия, Саксу в Сирии, а сам отбыл в Египет".

Ну, конечно, не братьев, а сестру и брата-самозванца, поскольку младший брат Птолемей, формальный супруг царицы, был ликвидирован, скорее всего, ею самой (или верными людьми по ее приказу) быстро и без всякого шума, с помощью яда. А от Арсинои Антоний действительно царицу избавил окончательно и навсегда.



Бюст Марка Антония

"Несколько месяцев назад какой-то авантюрист пытался, правда в Александрии, потрясая золотым доспехом ее брата, выдать себя за Птолемея XIV, спасшегося из Нила во время битвы с Цезарем, — реконструирует тогдашние события Пьер Деке. — Вскоре разоблачили двух-трех вдохновителей, в том числе одного военачальника египетской армии. Полетели головы. Как самозванцы, так и законные наследники Птолемея Авлета окончательно покинули сцену".

Но до этого был еще один пир, устроенный Клеопатрой опять на своем корабле, где царица блистательно совместила и уже потрясшую Антония изысканную роскошь, и собственную способность быть одновременно и повелительницей, и земной женщиной, которую мужчина вполне может покорить.

Жорж Блон приписывает Антонию пылкие речи: "Я до сих пор вспоминаю о нашей первой встрече во дворце твоего отца, в Александрии. Тебе исполнилось только четырнадцать лет. Уже тогда ты была прекрасна!" Но этот исследователь является сторонником версии, что отношения между Марком Антонием и Клеопатрой начались если не тогда, когда римские легионы под

командованием Антония вернули престол Птолемею-Флейтисту, то во время пребывания царицы в Риме. И Цезарион на самом деле, по мнению Блона, сын не Цезаря, а, весьма вероятно, именно Антония. В таком варианте вырисовывается совсем занятная картина — неотразимая чаровница, ставшая символом неограниченной чувственности, всех своих детей родила от одного мужчины…

Известно, что сам Антоний отобразил начало отношений с Клеопатрой в письме к Октавиану. В отличие от Цезаря, не оставившего в своих "Записках" ничего личного и лишнего, Антоний недвусмысленно сообщил, что его знакомство с повелительницей Египта перестало быть платоническим. Причем в тех же непечатных выражениях, в которых почти двадцать веков спустя поэт Пушкин будет высказываться о своем близком знакомстве с Анной Керн, ибо иначе перевести употребленное Антонием латинское слово просто невозможно: "С этого времени я… царицу".

Но как бы ни высказывался Антоний, а Клеопатра сумела достичь своей цели. Римский наместник на Востоке принадлежал ей душой и телом. "Это правда, что Антоний искренне посвящал себя исполнению своих обязанностей, пока находился в подчиненном положении и стремился к высшим почестям, но теперь, войдя во власть, он больше не уделял внимания делам, а следовал роскошному и непринужденному образу жизни Клеопатры и египтян до тех пор, пока не был полностью деморализован", — безжалостно констатировал Дион Кассий.

Но римский историк был пристрастен. А что было главным для самой знаменитой пары античного мира, любовь или политика, остается великой загадкой. Терзалась ли Клеопатра вопросом: "Любит ли он меня?" Или ее волновали сугубо практические вопросы, а может быть, уязвленное самолюбие? Клеопатре явно не хотелось снова оказаться в странной ситуации, в которой она пребывала во время визита в Рим к Цезарю. И ошеломив обитателей Фарсалы роскошью своих пиров и блеском кораблей, она внезапно покинула город, направляясь обратно в Египет. Может, и впрямь хотела проверить: "Если он меня любит, то последует за мной". И, вопреки последующим уничижительным высказываниям римских историографов, Антоний, значимая высокопоставленная персона, вовсе не бросил немедленно дела, устремляясь "вслед за египетской кормой". Он благоразумно выждал несколько месяцев, а затем оставил служебные дела на помощников и последовал за Клеопатрой в Александрию. И там начался ничем не ограниченный разгул роскоши и наслаждений. Трудно сказать, что именно заставило Клеопатру организовать

такую жизнь, — осознание, что именно подобный модус вивенди привлекает Антония, фамильная склонность к размаху пиров и празднеств или собственное желание хоть немного отдохнуть от борьбы за выживание, насладившись доступными радостями.

И начался период роскошной и воистину сладкой жизни в одном из прекраснейших городов тогдашнего цивилизованного мира. По утверждению Блона, "Александрия с ее портом, банками, памятниками, библиотекой во многом превосходит Рим. Это торговый и культурный центр мира. Клеопатра и ее возлюбленный — боги, власти и богатству которых нет границ. Их окружает двор льстецов, пытающихся предугадать их малейшие желания.

— Давай выберем себе, — сказала Клеопатра Антонию, — нескольких друзей, чьи поступки не сможет повторить никто в мире.

Их назвали Неподражаемыми, и история сохранила это имя. Каждый вечер дюжина привилегированных фаворитов и фавориток участвует в развлечениях Клеопатры и Антония".

Действительно, общество избранных было создано и получило греческое название "амиметобиой" — "Союз неподражаемых". Клеопатра присутствовала в нем на тех же правах, что и остальные спутники Антония, часто она даже переодевалась в мужскую одежду, чтобы участвовать в различных выездных гулянках и ночных похождениях. На какое-то время жизнь "неподражаемых" превратилась в бесконечную череду пиршеств, состязание в роскоши, изысканности и оригинальности. Плутарх утверждал, что слышал от собственного прадедушки такую историю: некий молодой человек, друг точильщика при доме Антония, войдя за ним следом как-то на кухню, обнаружил там "среди прочего изобилия… восемь кабанов, которых жарили разом, и удивился многолюдности предстоящего пира. Его знакомей засмеялся и ответил: "Гостей будет немного, человек двенадцать, но каждое блюдо надо подавать в тот миг, когда оно вкуснее всего, а пропустить этот миг проще простого". Поэтому повар, не зная точного часа, когда явится компания высокопоставленных прожигателей жизни, поставил жариться туши с определенным интервалом по времени, чтобы в любой момент можно было подать безупречно готовое жаркое к столу.

Антоний и Клеопатра. Художник Л. Альма-Тадема

Известен и еще один исторический анекдот, относящийся к тому периоду. Желая похвастаться перед Клеопатрой талантами рыболова, Антоний нанял рыбаков, которые, подныривая под его удочки, насаживали на крючки больших рыбин. Клеопатра тотчас обнаружила подлог и приказала одному из своих людей нырнуть раньше и нацепить на крючок вяленую рыбу. Шутки подобного рода пользовались в кругу "неподражаемых" большим успехом.

"Неподражаемые" ходили по городу инкогнито, ночью, иногда даже в одежде слуг. Развлекаясь, как подростки, они стучали в окна, пугая мирных жителей, заходили в припортовые кабаки, где Клеопатра не отказывалась ни от вина, ни от азартных игр. "Она ведет себя с той свободой, какая дозволительна лишь для женщин вне общества: для куртизанок, столь любезных сердцу Антония, только на этот раз их роль берет на себя царица", — замечает Декс. Плутарх же, который считал Клеопатру причиной падения Антония, писал, что она изобрела множество способов льстить его уму и сердцу, каких не предвидел и Платон, и. "всякий раз сообщая все новую сладость и прелесть любому делу или развлечению, за какое ни брался Антоний, ни на шаг не отпуская его ни днем ни ночью, крепче и крепче приковывала к себе римлянина".

Кстати, среди всей роскоши и сладкой жизни Клеопатра незаметно переставила акценты в своем правлении. "С

наступлением 41 года, то есть с того самого момента, как между Клеопатрой и Антонием начались переговоры, приведшие к встрече в Тарсе, в египетском политическом протоколе обнаруживается одна особенность, — отмечает Пьер Деке. — Птолемей по прозвищу Цезарь по-прежнему упоминается в политических актах рядом с Клеопатрой, но теперь нет и речи о его царствовании, речь лишь о правлении Клеопатры, о ее одиннадцатой годовщине на престоле". Так что сын Цезаря более не демонстрируется властительной матерью как наследник "божественного Юлия", и весьма возможно, что коррективы были внесены, дабы не раздражать официально назначенного наследника Цезаря — Октавиана. Тем самым ему отправлялся месседж — Антоний и Клеопатра, сколь бы близкими и серьезными ни были отношения между ними, не покушаются на его, Октавиана, законный статус.

Пока не покушаются.

ПОХОД АНТОНИЯ ПРОТИВ ПАРТЯН. ССОРА С КЛЕОПАТРОЙ

Но вот благословенный период безмятежных радостей начал подходить к концу. Возможно, Антоний, пресытившись окружающим великолепием, вспомнил, что Октавиан не теряет даром времени, укрепляя свое могущество, а их соперничество отнюдь не кануло в Лету навсегда. Возможно, ему просто стало не хватать войны — заскучал полководец в египетском раю. Или и впрямь осознал необходимость усмирить вечно беспокойных соседей — парфянские племена.

— Парфяне зашевелились, — говорит он Клеопатре. — Надо их угомонить.

— Они не представляют для нас опасности. А я жду ребенка.

— Я уезжаю.

Разные историки по-своему трактуют это расставание. Кто-то, подобно Блону, видит в нем настоящий разрыв, ссору, даже предательство, которое египетская царица так окончательно и не сможет простить своему возлюбленному. И когда несколько лет спустя Антоний пришлет гонца к Клеопатре, жизнь этого посланника будет воистину висеть на волоске.

"— Марк Антоний требует вашего приезда в Антиохию, в Сирии.

Клеопатра молча смотрела на посланца. С момента безжалостного: "Я уезжаю", еще звучавшего в ее ушах, прошло целых три года. После отъезда триумвира у нее родилась двойня — Клеопатра Селена и Александр Гелиос (дочь Луны и сын Солнца). Дети уже ходили и лепетали. Целых три года царица Египта издали следила за успехами своего возлюбленного, вначале с тоской, а затем с гневом, поскольку ей стало известно, что после девятилетнего вдовства Антоний женился на сводной сестре Октавиана.

— Отец моих детей гнусно обманул меня.

Она запретила произносить его имя в своем присутствии. Три года унижений, а теперь это послание! В ту эпоху любая правительница, столь же страстная, как Клеопатра, немедленно лишила бы жизни гонца".

Впрочем, есть и такое мнение, которое озвучивает, в частности, Декс, что расставание прошло мирно и разрыва не означало. Просто Антоний собрался в путь, и Клеопатра его отпустила. Она сделала все возможное, чтобы с его помощью укрепить трон и власть. Ей не пришлось платить контрибуцию,

вкладывать деньги в обустройство римских ветеранов, как этого от нее поначалу пытались требовать. Но тем не менее Клеопатра "лишилась многих иллюзий… ее самолюбие было уязвлено. Не бывать ей повелительницей Рима. Хоть она еще не рассталась окончательно с прежней мечтой, она понимала, что если раньше у нее были шансы стать супругой Цезаря для Востока, то теперь она, возможно, сумеет сделаться всего лишь женой римского представителя в этой части мира, в лучшем случае римского властителя восточных областей".

При этом не следует забывать, что у Антония в момент его отъезда из Александрии навстречу войне с парфянами имелась законная супруга Фульвия, которая славилась неуживчивым характером. Но зато она была безупречной римской гражданкой. И понятно, что Антонию нелегко было прийти к окончательному решению. Сколь бы ни были приятны александрийские развлечения, одно он наверняка понимал ясно: выбор между проблемами и скандалами, которыми грозит ему встреча с Фульвией, и наслаждениями, которые дарует прекрасная Клеопатра, — ото не просто выбор между двумя женщинами. Это выбор между Римом и Востоком, между шансом занять важное положение в Риме (а может быть, если фортуна будет благосклонна, и стать там самым первым гражданином, если уж не царем) и царской властью над землями, прилегающими к Александрии. Но второй вариант неминуемо делал его соперником, а значит, врагом нынешнего правителя Рима.

Фульвия с головой Цицерона. Художник П.А. Сведомский

Так что сомнения Марка Антония более чем понятны. И вряд ли он в своих решениях руководствовался одной лишь страстью к Клеопатре. В этом его обвиняли римские историки. За это его много позже восхваляли романтики и поэты русского Серебряного века. Но тогда время культа романтической страсти еще не пришло. Да и справедливости ради надлежит заметить, что в самые что ни на есть романтическо-рыцарские времена династические браки заключались, исходя из политического расчета, который имел весьма слабое отношение к трогательным песням мейстерзингеров.

БРАК АНТОНИЯ С СЕСТРОЙ ОКТАВИАНА

Но вернемся в первый век до нашей эры. Во всем хитросплетении противоречий личной жизни Марка Антония был один внушительный плюс. А именно его властолюбивая — и отнюдь не считавшая нужным эту черту скрывать — супруга Фульвия имела собственную политическую значимость хотя бы из-за принадлежности к определенному роду. И весьма активно выступала против Октавиана. Так что благопристойный римский брак Антония был совсем не так выгоден с политической точки зрения. Встреча с Фульвией состоялась в Афинах и ознаменовалась таким скандалом, что Антоний в принудительном порядке отправил жену в другой город — Коринф. Или же она уехала по собственной воле, отказавшись приближаться к законному мужу.

Тем временем Антоний и Октавиан пытались договориться между собой. Дело шло так себе, но тут пришла неожиданная новость — Фульвия скончалась. "Никогда еще смерть не была более своевременной, — язвит Деке, — к тому же ни Антония, ни Октавиана, ни кого бы то ни было не приходилось подозревать в том, что они помогли Фульвии отправиться на тот свет". Впрочем, отсутствие заинтересованных лиц рядом с Фульвией еще ничего не означало, главное, что внешняя благопристойность была соблюдена. Имя Клеопатры произнесено не было, однако всякий знающий о ее интересе к эффективным ядам и прочим способам изящного устранения нежелательных персон волей-неволей задумается, какова была роль египетской царицы в этом эпизоде.

Обрадованный Октавиан немедленно написал Антонию, что отныне между ними нет разногласий, особо извинившись за то, что присвоил себе командование галльскими легионами. Антоний отозвался не менее учтиво, принеся извинения за свою покойную супругу — причину всех раздоров. Вскоре состоялась встреча Антония и Октавиана под ликующие крики их солдат. Было заключено официальное соглашение. Октавиан становился повелителем западной части Римского государства: Галлия, Испания, побережье Далмации и Италия. Антонию доставался Восток, а также Греция и Киренаика. Они поделили между собой поровну армию и флот. Октавиан обязался помочь Антонию в войне против парфян.

Но при всем этом официально Римская держава оставалась единой.

Казалось, Клеопатра выиграла по всем пунктам. Октавиан Антонию больше не враг, Антоний свободен от брачных уз. Никто не мешает новому властителю Востока поселиться в Александрии.

Но, как во все времена, договор между двумя правителями надлежало как-то закрепить, поскольку устные обещания и даже письменные гарантии и до нашей эры далеко не всегда считались надежным средством. А что делали повелители, чтобы привязать к себе союзника?

Правильно, подыскивали ему жену из числа собственных близких родственниц. Так и поступил Октавиан, у которого как раз имелась недавно овдовевшая сестра. Антоний возражать не стал, тем паче что молодая вдова по имени Октавия была не только политически выгодна, но и весьма хороша собой.

Что в этой ситуации раздосадовало Клеопатру сильнее — опасение, что ее власти может угрожать официальное признание Антония, ведь если он и в Риме занимает важное и устойчивое положение, зачем ему держаться за союз с египетской правительницей? Или все-таки обычная женская ревность и обида на судьбу, второй раз отдаляющую от нее того, с кем она было приготовилась связать свою жизнь всерьез? Стейси Шифф придерживается первой версии: "По мере того как Антоний продвигается к власти по принятому в Риме порядку, где Октавия играет свою роль, Клеопатра все явственнее ощущает нависшую над ней угрозу. Это не столько унижение женщины, сколько опасность для царицы. Она вновь очутилась во власти римского компромисса. Антоний может пожертвовать ею ради укрепления своих позиций. И Клеопатра становится решительной противницей мира. Поскольку один из римских властителей, Октавиан, является ее непримиримым врагом, а другой оказался неверен, Клеопатре необходим теперь Рим, раздираемый враждой, ей нужна борьба между соперниками".

Поэтому при желании можно заметить в дальнейшем охлаждении между триумвирами руку Клеопатры, а возможно влияние уплаченного ею золота и работу тайных посланцев царицы. Известно, по крайней мере, про одного такого персонажа, астролога в свите Антония, в чью задачу входило убеждать своего патрона, что тот может быть самим собой лишь вдали от Октавиана. И наверное, астролог был не единственным, впоследствии Октавиану пришлось выгонять из Рима обширную компанию его собратьев, всевозможных ясновидцев и прорицателей. "Клеопатре необходимо было создать у Антония трудности, вынудить его прибегнуть к ее содействию. Надо только придумать ситуацию, подобную той, какая существовала во время осады Александрии, когда Египет был не приютом

успокоения, а силой, способной повлиять на исход событий".

Но это лишь одна из версий. Ровно в той же степени можно увидеть стремление обострить ситуацию в действиях самого Октавиана. Рим всегда нуждался в деньгах, и вряд ли будущий Август был способен отрешиться от мыслей о несметных богатствах Египта. Да и союзник, будь он хоть трижды мужем любимой сестрички, в любой момент способен обернуться опасным соперником — чем-чем, а излишней доверчивостью Октавиан давно уже не страдал. Первое место, оно тем и отличается от иных вариантов, что оно всегда одно, вдвоем усидеть крайне затруднительно. И униженного ожидания у ворот виллы Антония он тоже не забыл.

НОВАЯ ВСТРЕЧА В АНТИОХИИ

Но пока что конфликт приглушен, тихо тлеет, выжидая момент, чтобы вспыхнуть снова пламенем большой войны. Антоний вновь вспоминает о Клеопатре. Присылал ли он ей и впрямь гонца с надменным приказом немедленно прибыть в его ставку в Антиохии? Да, по меркам Востока такой гонец был практически смертником. Но пылкая царственная женщина еще и умела здраво рассуждать в таком примерно духе: "Антоний порвал с Октавианом, он признан всеми как властитель Востока. Стоит ему захотеть, и он в один миг уничтожит мое царство. Мудрость подсказывает необходимость союза, нерушимого пакта. Я его добьюсь, лишь снова возродив любовь Антония". Она послушно отправляется в путь, и плоды ее визита в Антиохию показывают, насколько верным оказался ее расчет. Обаяние царицы было по-прежнему безмерно. Ей заново удалось покорить Антония. Или заодно убедить его в возможности честолюбивых свершений.

Вскоре Антоний развелся с Октавией и заключил официальный брак с царицей Египта. Парадокс в том, что ни в Египте, ни в Риме этот брак (и развод) особой формальной силы и значения не имел. Для египтян царицей была Клеопатра, а ее соправителем — Цезарион, пусть и не упоминаемый теперь в документах, дабы не дразнить Рим. А кто именно согревал ложе повелительницы, было вопросом второстепенным. В Риме же законную силу мог иметь только брак с настоящей римской гражданкой. Как бы то ни было, Антоний отправил в Рим доверенного посланца с приказом выпроводить Октавию из своего дома.

И дабы его положение было несомненным и на Востоке, он принял титул автократора Востока, оставив юного Цезариона царем Египта. Антоний подарил Клеопатре Кипр, Крит, долину реки Иордан, Ливан, северную часть Сирии и, что было особо отмечено, город Фарсалу. Клеопатра столь же официально обязалась предоставлять по первому требованию Антония все, чем располагает Египет.

ПРОИГРАННАЯ БОЙНА

Полтора месяца длился период безмятежного отдыха, этакий медовый месяц Антония и Клеопатры. А потом воителю снова пришлось вспомнить о своих прямых обязанностях. Набеги парфян не прекращались, надо было вновь собирать войска и идти в боевой поход. Клеопатра возражать не стала, более того, выразила готовность отправиться вместе со своим супругом. И вот в начале 36 года до н. э. из обширного города Антиохия двинулись по пыльной дороге, ведущей через пустыню к горам, многочисленные войска. В роскошном паланкине ехал сам командующий со своей возлюбленной царицей.

Но их совместное путешествие навстречу войне продолжалось не слишком долго. Прибыв в Зелму на Евфрате, Клеопатра снова произнесла те же слова, которые сопутствовали прошлой разлуке (или разрыву): "Я жду ребенка". Война ее нестрашила, но усталость от тяжких переходов и лагерных стоянок могла быть опасна для будущего младенца. Разумеется, Антоний одобрил ее решение, Клеопатра уехала обратно в прохладную Александрию. И там во дворце осенью 36 года до н. э. на свет благополучно появился мальчик, названный Птолемеем.

Поскольку Антоний отсутствовал, Клеопатра повелела церемониальные торжества по случаю рождения ребенка провести как можно скромнее. А считаные дни спустя прибыл гонец от автократора, и царица с горечью заметила: "Если бы я знала об ужасной участи Антония, отменила бы празднества вообще…"

Антоний проиграл войну. Хитрые парфяне, используя различные уловки, а также превосходство своих лучников над римлянами, разбили его армию и прижали ее к морскому побережью. Единственное серьезное сражение обернулось катастрофой. Часть войск попала в засаду, и Антоний в течение дня потерял три тысячи убитыми и пять ранеными. "Вообще можно утверждать, — писал Плутарх, — что ни один из полководцев в те времена не собирал войска крепче, выносливее и моложе. Что же касается глубокого почтения к своему вождю и соединенного с любовью послушания, что касается общей для всех — знатных и незнатных, начальников и рядовых бойцов — привычки ставить благосклонность Антония и его похвалу выше собственного спасения и безопасности, то в этом его люди не уступали и древним римлянам. К тому было много оснований, как уже говорилось раньше: знатное происхождение, сила слова, простота, широкая и щедрая натура, остроумие, легкость в

обхождении. А тогда сочувствием к страдающим и отзывчивой готовностью помочь каждому в его нужде он вдохнул в больных и раненых столько бодрости, что впору было поделиться и со здоровыми".

Тем не менее Клеопатра, получив нерадостную новость, поняла: Антоний нуждается в срочной помощи. Угроза полного уничтожения нависла над всей его армией, и причиной тому были не только парфянские стрелы, но и недостаток припасов, болезни и голод. Плутарх так живописует злоключения оголодавшей и замерзшей армии Антония: "Воины искали трав и кореньев, но знакомых почти не находили и, поневоле пробуя незнакомые, натолкнулись на какую-то травку, вызывающую сперва безумие, а затем и смерть. Всякий, кто ел ее, забывал обо всем на свете, терял рассудок и только переворачивал каждый камень, который попадался ему на глаза, словно бы исполняя задачу величайшей важности. Равнина чернела людьми, которые, склоняясь к земле, выкапывали камни и перетаскивали их с места на место. Потом их начинало рвать желчью, и они умирали, потому что единственного противоядия — вина — не осталось ни капли. Римляне погибали без числа, а парфяне все шли за ними следом. И рассказывают, что у Антония неоднократно срывалось с уст: "О, десять тысяч!" — это он дивился Ксенофонту и его товарищам, которые, отступая из Вавилонии, проделали путь еще более долгий, бились с неприятелем, превосходившим их силою во много раз, и, однако, спаслись".

Едва успев немного окрепнуть после родов, Клеопатра собрала достаточно большое войско, чтобы спасти Антония и остатки его армии, и поспешила на выручку супругу. Практичности ей было не занимать, от царицы Египта всегда требовалось умение не только блистать в расшитых золотом парадных облачениях, но и попросту вести хозяйство размером с целую страну. Клеопатра и в мирное время ведала запасением и распределением продовольствия, поставками сбруи, изготовлением оружия, оплатой всего этого добра. Поэтому неудивительно, что именно она смогла оценить истинное положение вещей, понять, что нужно вновь составлять обозы, набирать продовольствие, запасаться всяческим имуществом. Делая все, что было необходимо для спасения и восстановления армии, царица тем не менее ни разу не упрекнула Антония за то, что он ввязался в эту, оказавшуюся столь катастрофичной, войну. "Она не посмела осудить истинно римский замысел Антония, воспротивиться его желанию отомстить за Красса и сравняться с Цезарем, она была не в состоянии сердиться на своего супруга, который к тому же так в ней нуждался". Супруги встретились в

городе, который тогда носил название Берута, а ныне известен как хроническая горячая точка по имени Бейрут.

И вот теперь, после всевозможных бурных событий, после лихих похождений в обществе "неподражаемых", начало 35 года до н. э. ознаменовалось новым этапом в отношениях римского автократора Востока и владычицы Египта. "Собственно, тут-то и начинается их супружеская жизнь, — констатировал Пьер Декс. — Они связывают свои судьбы на счастье и несчастье, тридцатичетырехлетняя женщина, мать четверых детей, и сорокавосьмилетний мужчина, неистовый прожигатель жизни, который, впрочем, последние двадцать лет не выпускает из рук меча. Прошло ровно двадцать лет со дня их первой встречи. И он, и она избежали многочисленных опасностей… вскарабкались на вершину славы, познали высочайшие почести, о которых не смели мечтать, когда Марк Антоний командовал конницей Габиния, а Клеопатра была четырнадцатилетней девочкой".

РИМ И ЕГИПЕТ: НОВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Однако поражение от близких парфян было хоть и весьма печальным, но не шло ни в какое сравнение с опасностью, исходившей от вроде бы далекого, но не в пример более могущественного Рима. Просто первое время Антонию и Клеопатре везло — они полновластно распоряжались на Востоке, а у погрязшего в римских делах, скандалах, разборках и интригах Октавиана не было ни сил, ни времени, чтобы хоть как-то вмешиваться в их затеи.

Но, наведя в Риме относительный порядок, Октавиан обратил свой пристальный взор на Восток, где обретались как минимум два его соперника на роль истинного наследника великого Цезаря. Но поначалу будущий Август ведет себя как добрый друг и соратник — он присылает Антонию из Рима две тысячи отборных конных воинов. А кроме того, шлет деньги, продовольствие, снаряжение и все остальное. Такое вот весомое напоминание легионерам Антония, что они все-таки римские солдаты и метрополия заботится о них. Но все упомянутое кто-то должен доставить в Египет, так кого же назначить главой официальной делегации? И тут Октавиан продемонстрировал изрядное коварство, поручив препроводить к автократору бравых всадников и все к ним прилагающееся своей сестре, той самой Октавии, брошенной римской жене Антония. Видимо, тоже чтоб напомнить о недреманном оке Рима.

Легко догадаться, какую сомнительную радость известие о грядущем визите Октавии доставило Клеопатре. Она и так никогда не смогла бы забыть, как жила в Риме: вроде и царственной гостьей, но одновременно тайной любовницей Цезаря в городе, где все почести полагались его законной жене. А тут ей прямо домой доставляют зримое напоминание о том, что по римским законам она и сейчас никакого законного статуса не имеет… Да еще под видом дружеской помощи!

На предполагавшееся в скором времени появление Октавии Клеопатра отреагировала очень бурно. Об этом много рассказывает Плутарх, уверенный, что царица ломала комедию, донимая Антония постоянными истериками и одновременно окружив автократора нежной заботой и всяческим повышенным вниманием." Впрочем, если учесть, сколь высока была ставка в игре, то в искренность Клеопатры можно поверить, — возражает Плутарху Декс. — Ей надлежит во что бы то ни стало

воспрепятствовать сближению Антония и Октавии. И она использует свое женское оружие, может, делает это слишком демонстративно, с дурным вкусом, но не скажешь, что глупо".

Действительно, проигрыш в такой ситуации для нее был слишком опасен. Очень уж хорошо рассчитал свой удар Октавиан, поэтому страх Клеопатры был не лишен оснований. Ведь очевидно, что Антонию предоставлена возможность без унижений и объяснений примириться с Октавией и использовать те возможности, какие давал ему союз с Октавианом. А это, несомненно, было бы в его интересах.

Для Клеопатры такое поведение Антония означало бы теперь полную катастрофу. "Ситуация для нее была иной, чем зимой 40 года после встречи в Тарсе, — замечает Декс. — Ее подданные тогда считали, что она забавлялась с Антонием, рожая ему близнецов, как некогда забавлялась с Цезарем. У Антония, так же, впрочем, как у Цезаря, была жена римлянка, и он заменил ее Клеопатрой, когда та умерла, так что ничего особенного в этом не усматривали". Но если бы теперь, когда Антоний бросил ради Клеопатры Октавию, заключил с египетской царицей законный брак, он бы вдруг воспользовался предоставленной возможностью вернуться к прежней супруге, это означало бы для Клеопатры не только личное, но и политическое поражение. Агрессивные соседи — те же парфяне, тот же иудейский царь Ирод, уже не раз продемонстрировавший свое коварство, — неминуемо воспользовались бы подобной ситуацией. И если личное разочарование Клеопатра еще как-то смогла бы пережить, то угрозу своему престолу она готова была отводить любыми способами. Ведь было ясно: Октавиан не остановится на пол пути. Он не удовлетворится видимостью примирения между Антонием и Октавией, он добьется того, что Антоний окончательно порвет с египетской царицей. А это означает неминуемую аннексию Египта Римом или раздел страны между сопредельными, опять же подвластными Риму правителями. Что грозит Клеопатре не только потерей короны, но и обрекает на гибель ее детей…

Клеопатра на террасе. Художник Ф.-Л. Бридгман

И тут судьба дарует царице в 35 году до н. э. небольшую передышку. Во-первых, Октавиану становится пока не до войны за Египет — он изрядно застрял, ввязавшись в военные действия в Иллирии и Паннонии. Да и Антоний оказался не готов вернуться к Октавии — он написал ей письмо, в котором категорически не рекомендовал появляться в Александрии. По свидетельствам римских историков, получив послание от Антония, Октавия сумела сохранить спокойствие и с достоинством осведомилась, куда и как ей надлежит отправить солдат, снаряжение и подарки.

Но Плутарх и прочие молчат о том, в какой степени вообще идея поездки принадлежала Октавиану, а в какой — самой бывшей супруге Антония. Вряд ли у Октавии изначально были иллюзии относительно чувств мужа, она прекрасно понимала, что их брак заключен по политическим мотивам. Но это не значит, что она была свободна от ревности. Да и такая милая деталь, как оставшиеся у нее на руках дети — ее и Антония, а также его отпрыски, рожденные Фульвией, — играла свою роль. Желание вернуть детям отца во все времена считалось вполне благородным побуждением, даже если оно толкало на своеобразные поступки.

Плутарх сообщал: "Новые и самые радужные надежды открывались Антонию. Если в прошлый раз, чтобы одолеть

парфян, ему недостало, по-видимому, лишь одного — многочисленной конницы, вооруженной луками и стрелами, то теперь она была в его распоряжении, и вдобавок без всяких просьб с его стороны, напротив, он еще оказывал услугу другому…"

Что заставило Антония отказаться от такого ясного шанса на полное примирение с Октавианом? "В глазах Антония Октавия является символом его вынужденного компромисса с Октавианом, — анализирует психологический расклад непростого противостояния Декс, — она толкает его к необходимости поминутно следить за каждым своим шагом, считаться со всеми римскими делами и интригами, она как бы обязывает его учитывать живучие антимонархические тенденции Рима. Зато Клеопатра — это независимость, свобода, это счастье ощущать себя автократором, который сам себе закон, это счастье быть царем".

Периодом спокойствия Антоний и Клеопатра воспользовались для организации ряда торжеств, призванных укрепить внешнее впечатление незыблемости их власти. И важнейшим из них стала коронация детей Клеопатры. Присутствовать при ней в александрийском гимнасии была приглашена и вся местная знать, и народ. На обширной площадке, декорированной со всей возможной роскошью, на двух золотых тронах восседали Антоний и Клеопатра. Рядом с ними, на четырех тронах поменьше, разместились все дети — Цезарион, Александр Гелиос, Клеопатра Селена и малыш Птолемей.

Плутарх подробно описал эту церемонию: "Еще одну волну ненависти Антоний вызвал разделом земель между своими детьми, устроенным в Александрии и полным показного блеска, гордыни и вражды ко всему римскому. Наполнивши толпою гимнасий и водрузив на серебряном возвышении два золотых трона, для себя и для Клеопатры, и другие, попроще и пониже, для сыновей, он прежде всего объявил Клеопатру царицею Египта, Кипра, Африки и Келесирии при соправительстве Цезариона, считавшегося сыном старшего Цезаря, который, как говорили, оставил Клеопатру беременной; затем сыновей, которых Клеопатра родила от него, он провозгласил царями царей и Александру назначил Армению, Мидию и Парфию (как только эта страна будет завоевана), а Птолемею — Финикию, Сирию и Киликию. Александра Антоний вывел в полном мидийском уборе, с тиарою и прямою китарой, Птолемея — в сапогах, македонском плаще и украшенной диадемою кавсии. Это был наряд преемников Александра, а тот, первый, — царей Мидии и Армении. Мальчики приветствовали родителей, и одного

окружили телохранители-армяне, другого — македоняне. Клеопатра в тот день, как всегда, когда появлялась на людях, была в священном одеянии Исиды; она и звала себя новою Исидой".

Антоний произнес торжественную речь — по-гречески! — в которой объявил, что Клеопатра, супруга божественного Юлия Цезаря и его законная вдова, царица Египта, Ливии, Сирии и Кипра, будет носить отныне титул царицы царей. Законный сын Цезаря и Клеопатры Цезарь Птолемей, он же Цезарион, будет, согласно египетскому обычаю, царствовать совместно с матерью и носить титул царя царей. Александру Гелиосу предстоит быть царем Мидии, Армении и Парфии. Клеопатра Селена получит в свой удел Киренаику, а младший Птолемей станет царем Киликии. Клеопатра, выслушав речь, удалилась, чтобы вскоре появиться вновь уже в самых торжественных церемониальных одеяниях богини Исиды. Современники, оставившие воспоминания об этой великолепной коронации, не заостряют внимания на возрасте Цезариона, которому могло быть и тринадцать лет, если он родился вскоре после отъезда Цезаря из Александрии, и на три года меньше, если старший сын Клеопатры увидел свет уже после смерти отца. Но тот факт, что вскоре Клеопатра уже начнет поручать Цезариону самостоятельно вершение некоторых дел правления, заставляет предположить, что первый вариант все же чуть ближе к реальности. Александру и Клеопатре исполнилось шесть лет, это достоверно известно, равно как и то, что маленькому Птолемею было два года. Дети успешно сыграли свои роли в церемонии, которая прошла с безупречным великолепием.

Но это был уже вызов. Публично объявить Птолемея Цезаря, Цезариона, законным сыном "божественного Юлия" означало явное и недвусмысленное противопоставление его тому, кто был приемным сыном Цезаря и официальным его наследником, то есть Октавиану.

Пока что тот лишь призывает Марка Антония вспомнить о главенстве интересов Рима, о традиционно строгой морали (до "развратного Рима" времен императоров было еще далеко!). Антоний в ответ пишет простым солдатским слогом обличительные письма, в которых напоминает Октавиану, что он и сам не без греха. В сильно смягченном переводе это выглядит так: "Отчего ж это ты, Октавиан, изменил ко мне свое отношение? Оттого, что я сплю с царицей? Но она моя законная жена, к тому же не со вчерашнего дня. И это продолжается девять лет, не так ли? Но за эти девять лет ты преуспел не с одной только Ливией, правда? Что ж, на здоровье. Может, сейчас, читая эти строки, ты

милуешься с Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, или с Сальвией Титизенией, а может, с кем-то еще? Какое мне, в конце концов, дело, на кого капают твои слюни?"

Самое смешное, что по факту личная жизнь Октавиана была далеко не безупречной — он женился, разводился, заводил любовниц так беспорядочно, руководствуясь то своим капризом, то сиюминутной политической выгодой, что упрекать Марка Антония он в общем-то не имел никакого морального права. Но при этом Октавиан сохранял внешнюю бесстрастность, демонстрируя презрение к роскоши. И презрение к нежным чувствам тоже. А именно этого требовал от истинного римлянина тогдашний кодекс поведения.

Римский гражданин был волен устраивать свою интимную жизнь, как ему заблагорассудится, однако на людях ему надлежало оставаться хладнокровным и бесстрастным. Помпей сделался всеобщим посмешищем из-за "нелепой прихоти" искренне любить законную супругу и не скрывать этого. Во втором веке одного сенатора изгнали из собрания за то, что он поцеловал собственную жену на глазах у публики. Самого Антония упрекали не только за нынешнюю страсть к Клеопатре, но и еще раньше за то, что он пару раз прилюдно обнял Октавию…

Поэтому Октавиану не составляло труда постепенной пропагандой полностью уничтожить репутацию Антония в глазах римлян. И вот уже римские ораторы дружно кричат о безумной, всепоглощающей страсти к египтянке, охватившей Антония во время его пребывания в Афинах. Какой стыд — римлянин не мог думать ни о чем, кроме своей возлюбленной. "Не раз, разбирая тяжбы царей и тетрархов, он получал от Клеопатры любовные послания на стеклянных или ониксовых табличках и тут же принимался их читать", — негодующе повествует Плутарх. О том, что Цезарь тоже получал подобные письма и читал их, не отрываясь от государственных дел на заседаниях сената, ни современники, ни римские историки старались не упоминать. Зато с подчеркнутым отвращением описывали скандальные происшествия из жизни автократора и царицы. Однажды Клеопатра без предупреждения явилась к Антонию в тот момент, когда он вершил суд. Именно в ту минуту начал свое выступление знаменитый римский оратор. Увидев паланкин царицы, Антоний оборвал его, остановил заседание, бросился к Клеопатре и почтительно проводил ее на место.

А чего стоил ханжеский ужас при описании того, как Антоний встает из-за пиршественного стола, чтобы сделать Клеопатре обещанный массаж ступней… Или то, что он прислуживал своей

возлюбленной царице вместе с рабами, например носил по улицам ее паланкин. И ведь Клеопатра по римским канонам даже красавицей не была… "В распоряжении Октавиана были настоящие золотые жилы; один только восточный уклад — нечестивый, избыточный, иррациональный — давал богатейший материал для спекуляций, — пишет Стейси Шифф. — Подобно своей царице, Египет был коварен и сладострастен; современный стереотип, согласно которому Восток означает секс, был актуален уже тогда. Африка давно сделалась синонимом безнравственности".

Вдобавок Октавиан постоянно пугал сограждан рассказами о том, как Антоний выступает в роли жадного до власти деспота: " В руках у него был золотой скипетр, на бедре ятаган; пурпурная туника сверкала драгоценными камнями; не хватало только короны, чтобы превратить его в царя подле царицы". Римляне времен конца республики были в чем-то очень простодушны — они впадали в шок при одном намеке на короны, золотые скипетры и прочие знаки царского достоинства, одновременно вполне смирившись с реальными приметами жесткой власти.

И вот наконец, более чем основательно подготовив общественное мнение, Октавиан объявил войну. Нет, не Марку Антонию — Клеопатре. Антония в координатах этого противостояния будто бы и не было.

Процесс объявления войны в тогдашнем Риме был весьма строго регламентирован. Сначала сенат формулировал претензии к противоположной стороне и выжидал месяц. Если противник не выполнял предъявленных к нему требований, сенаторы собирались вновь, чтобы принять решение о начале военных действий. Спустя три дня на вражескую территорию отправляли гонца.

Октавиан спокойно обошелся без всех этих формальностей. Он сослался на древние обычаи и заменил все это неторопливое и добросовестное "иду на вы" тем, что при большом стечении народа метнул в сторону Востока копье, обагренное свиной кровью. Вполне возможно, что никакого подобного обычая в Риме времен Ромула и Рема не существовало. Позаимствовать идею, правда, будущий Август мог у Александра Македонского, когда-то метнувшего копье при высадке на азиатский берег.

Но в любом случае это выглядело эффектно, а обычная важная сосредоточенность Октавиана, приверженца еще не сформулированного джазового принципа "лучшая импровизация та, что подготовлена заранее", не давала повода в чем-то усомниться. К тому же римское сознание продолжали будоражить слухи о непозволительном богатстве Египта и непростительной

тамошней распущенности, которой так некстати поддался храбрый военачальник Марк Антоний…

И ничего удивительного в таком поведении будущего Августа, если вдуматься, не было. Официального объявления войны не могло быть потому, что для нее вовсе не было повода. Никто не потрудился пояснить, в каких именно "преступных деяниях" обвиняется Клеопатра. И никто не вспомнил, что среди римских союзников и вассалов именно Клеопатра была всегда надежной и последовательной. Что же касается Антония, то, похоже, Октавиан рассчитывал, что тот сохранит верность Клеопатре и тогда можно будет с чистой совестью заявить, что он намерен выступить против соотечественников на стороне иноземной царицы. В конце 32 года до н. э. сенат отстранил Антония от должности консула и официально лишил его власти.

Впрочем, некоторые даже из современных авторов придерживаются мнения, что Клеопатра сама готовила поход на Рим и побуждала к тому Антония. Блон так представляет ход ее мыслей: "Парфяне? Хорошо. Но они могут потерпеть. Главное для Антония — свергнуть Октавиана, войти в Рим и стать диктатором. И только тогда во главе всех римских легионов, объединенных единым руководством, можно разбить парфян. И в руках супругов окажется весь мир. А наследником будет Цезарион. Подготовиться к нападению на мощный Рим — дело нелегкое даже для незаурядного человека. Антоний и Клеопатра потратили на подготовку пять лет. На верфях Сирии и Греции не затихал визг пил и стук молотков. Триремы, которые велела строить Клеопатра, соответствовали традиционным нормам, а Антоний стремился создать линейные корабли, громадные (по тем временам) плавучие крепости с металлическими таранами, с башнями и баллистами…"

Октавиан, в свою очередь, построил к весне 31 года до н. э. две с половиной сотни кораблей, собрал немалую пехотную группировку и несколько тысяч всадников.

КАТАСТРОФА ПРИ АКЦИИ

И кто бы ни начал первым точить меч на другого, настало время решающей битвы. Произошла она возле западного побережья Греции. Там, где в античности располагалось маленькое государство Эпир, родина царицы Олимпиады, матери Александра Великого. Теперь тут решалась судьба одного из созданных им царств. И судьба Рима, о котором при Александре еще никто не ведал. На эпирском берегу существовал известный залив Амбрасия, ныне именуемый заливом Амуракинос. Сейчас на мысу, господствующем над входом в залив, расположен город Превеза, а в древности он носил название Береника. Напротив — на мысу в южной части пролива — возвышается гора Акций (Акциум), и мыс называется так же.

Тут-то и развернулись события, призванные определить, кто же будет повелевать всей тогдашней ойкуменой — Рим или Александрия. Октавиан высадил войска на эпирском побережье неподалеку от входа в залив Амбрасия. Антоний и Клеопатра уже поджидали его, причем у них было столько же конницы, более чем в два раза больше пехоты и намного больше кораблей. Основная часть флота находилась у мыса Акций, оставшиеся корабли были рассредоточены вдоль берега. Сравнение сил говорит о явном преимуществе не в пользу Октавиана.

Сражение при Акциуме. Л.-А. Кастро

Однако будущий Август хладнокровен и расчетлив. "Битва у мыса Акций вызывала у историков всех времен недоумение, и никому из них не удавалось найти удовлетворительного объяснения случившемуся", — писал Артур Вейгелл. Октавиан умел ждать, справедливо подозревая, что большое войско Антония надо снабжать провиантом, что не так легко в условиях скудной скалистой местности. Ожидание сражения затянулось, между двумя армиями сновали тайные эмиссары, поощряя потенциальных перебежчиков. Антоний и Клеопатра постоянно спорили между собой, где давать генеральное сражение — на суше или на воде. А время шло… И оно работало на Рим.

Антоний приказал своим капитанам впустить флот Октавиана в залив Амбрасия, чтобы сковать подвижность быстроходных римских судов. 28 августа все было готово для начала битвы, ее ожидали на следующий день. Но утром подул сильный ветер, море разбушевалось. Стало очевидно, что никто никуда не плывет и ни с кем не сражается. Днем ветер усилился, разразился настоящий шторм. Он продолжался 30 и 31 августа и закончился к вечеру 1 сентября. Антоний продолжал вдохновлять войска и экипажи судов на быстрый решительный натиск в самом ближайшем времени. При этом обошел строй судов, воодушевляя личным примером войска и экипажи. Но он не знал, что один из видных дезертиров уже сообщил Октавиану подробности

задуманного Антонием и Клеопатрой плана сражения.

Ночью разразилась ссора между ним и царицей. Причиной были давние разногласия насчет того, где давать основное сражение, на суше или на воде. Антоний вместе со своими командирами придерживался первого варианта, Клеопатра считала, что воевать надлежит на море. "Чего добились твои войска за эти полгода, пока они стоят лицом к лицу с войсками Октавиана? Твоя кавалерия бежала после попытки атаковать Агриппу. Ты так удачно разбил лагерь, что множество пехотинцев умерло или заболело лихорадкой на берегу болот. Ты не сможешь нанести решающий удар только на суше. Если же Октавиан потерпит поражение на море, его воины окажутся на побережье без поддержки и припасов, и их положение будет ухудшаться день ото дня".

Клеопатра настаивала на том, что право решения принадлежит ей, ведь Октавиан объявил войну царице Египта, да и деньги платила она. И за строительство судов, и жалованье войскам.

В конце концов она категорично потребовала, чтобы битва состоялась на море. Антоний не сомневался, что существовали и иные причины ее настойчивости. На море Клеопатра с ее многочисленными галерами и опытными командами — лучшими среди моряков обоих флотов — выступала в роли полноправного командующего. На ее долю пришлась бы изрядная доля славы в случае победы. А победу на суше приписали бы одному Антонию. И Клеопатра опасалась, что ее лишат триумфа, который она надеялась разделить со своим супругом.

Антоний хорошо знал, что даже в случае победы над Римом ему придется потакать пристрастиям народа, а не раздражать его. Поэтому он совсем некстати заявил Клеопатре, что в Рим войдет только он. Глаза царицы полыхнули яростью. Причем такой лютой, что доверенные лица Антония наперебой стали уверять его, что Клеопатра уже ищет возможности от него избавиться. Далее историки, а вслед за ними и Жорж Блон дружно описывают более чем драматичную сцену, разыгравшуюся на галере Клеопатры во время ужина в ночь с 1 на 2 сентября: 4 Ужин подходил к концу. Гости отведали вина из громадной амфоры, когда царица тоже попросила, чтобы ей налили кубок. Сделав глоток, она с присущим ей кокетством уронила в вино цветок, который украшал ее волосы, и протянула вино мужу. Антоний вдруг побледнел от волнения, его глаза увлажнились — ведь это жест любви? знак примирения? — и протянул руку, чтобы взять кубок. Но, прежде чем он коснулся его, Клеопатра с нервным смехом бросила сосуд на пол, и он разбился на куски:

— Вино отравлено!

Антоний побледнел еще больше. Гости переглянулись.

— Ты ведь пила его!

— Да, но до того, как бросила в него цветок, пропитанный ядом. Мне ничего не стоит убить тебя в любой момент. Если бы я только могла обойтись без тебя!

Гости разошлись. Некоторое время спустя удалился Антоний. Можно считать доказанным почти наверное, что после долгого спора Антоний приказал царице: "После битвы отправляйся со своим флотом в Александрию и жди меня там"".

Почему же Антоний в конце концов предпочел морское сражение? Его войско состояло из представителей разных народов, порой элементарно не понимавших друг друга. А у Октавиана была мощная, сплоченная, говорящая на одном языке римская армия. На суше преимущество было за ним. В море обе стороны могли уравнять силы. Именно это Антоний упрямо объяснял своим приближенным, многие из которых вообще не умели плавать. Начинать войну с поражения он не желал. И был в том, конечно, прав. У Октавиана есть точное высказывание: "Где и во имя чего ни велась бы война, первое поражение лишает человека мужества и становится залогом окончательного проигрыша". Во время одной из дискуссий Антония перебил один из бывалых легионеров, который возмущенно спросил, как смеет командующий оскорблять его раны, доверяясь "жалким деревяшкам". Покрытый боевыми шрамами солдат кричал Антонию: "Оставь море египтянам с финикийцами. Наше дело — земля, на которой мы привыкли стоять до победы или до смерти".

И вот настал роковой день сражения. Море успокоилось. Однако никто не спешил идти в атаку. Октавиан, зная от перебежчиков о замысле Антония, предпочел оставить свои быстроходные и маневренные корабли за пределами залива. Флот Октавиана удалился от берега на некоторое расстояние и там построился в боевые порядки. Флот Антония ждал атаки, продолжая оставаться на месте своей стоянки в глубине залива Амбрасия. Первый шаг никто не делал. Полдня тянулось это мучительное противостояние.

Осознав, что Октавиан со своими кораблями ни за что не полезет в приготовленную ловушку, Антоний решил все-таки нанести удар первым. Тяжелые галеры снялись с якоря и двинулись к горловине залива. Казалось, тут им ничто не угрожает, ведь оба берега занимали войска Антония и Клеопатры, держа вход в залив под прицелом множества катапульт. Египетский флот идет следом. Капитаны получили приказ оставаться позади и вступить в бой лишь по особому

распоряжению. Впоследствии это обстоятельство вызовет немалые споры. Что было тому причиной — честолюбие Марка Антония, желавшего и славу морской победы, казавшейся такой близкой, оставить за собой? Или замысел Клеопатры, уже готовившей отступление, чтобы не сказать бегство?

Пока флот Антония выходил из залива, Октавиан повел свои суда все дальше в море. Но вот левое крыло атакующего корабельного строя достигло римских боевых порядков. Предусмотрительный Октавиан перебросил на этот фланг легкие либурны, которые ринулись навстречу тяжелым "линкорам" Антония. На палубы неповоротливых судов посыпались стрелы с горящей паклей и горшки с углями. Кто не сгорел с одной стороны и не был быстро утоплен тараном с другой, устремились на абордаж. В сторону вражеских судов летели крюки с веревками, стоило такому захвату крепко вонзиться в деревянный борт, как между сблизившимися кораблями перекидывали мостки, и солдаты бросались в бой на мечах. Собственно, этого и хотел Октавиан. Его легионеры были опытнее и лучше обучены для участия в рукопашной схватке. Мощные и многочисленные галеры Антония не сумели одержать быструю победу, а в разбившемся на множество схваток сражении судьба благоволила Октавиану. Чтобы заменить выбывших из строя по болезни воинов, Антонию пришлось наскоро и силой набирать в солдаты греческих пастухов, землепашцев и погонщиков мулов, которым вовсе не хотелось участвовать в этой битве. Неопытные рекруты боялись и огня, и моря, не говоря уже о вражеских мечах и стрелах. Римские триремы начали теснить флот Антония. Хотя исход сражения был еще далеко не ясен. Все же превосходство в силах было еще на стороне Антония и Клеопатры. Вмешайся в битву подвижные египетские галеры — и можно переломить ход битвы.

Но тут произошло то, чему так и не существует однозначного объяснения. Как раз позади линии тяжелых судов на одной из египетских галер внезапно затрепетал на ветру поднимаемый пурпурный парус. Это послужило сигналом — все галеры Клеопатры подняли паруса, устремились на линию сражающихся кораблей. Воины Антония были уверены, что египтяне сейчас развернутся и ударят по римлянам с тыла. Однако, прорвавшись сквозь боевые порядки, египетский флот устремился прочь. "Египтяне бросили нас! — раздался полный ужаса и отчаяния крик. — Антоний бежал вместе с царицей Египта!"

"Вот когда Антоний яснее всего обнаружил, что не владеет ни разумом полководца, ни разумом мужа, — жестко констатировал Плутарх, — и вообще не владеет собственным разумом, но, если

вспомнить чью-то шутку, что душа влюбленного живет в чужом теле, словно бы сросся с этой женщиной и должен следовать за нею везде и повсюду Стоило ему заметить, что корабль Клеопатры уплывает, как он забыл обо всем на свете, предал и бросил на произвол судьбы людей, которые за него сражались и умирали, и, перейдя на пентеру, в сопровождении лишь сирийца Алекса и Сцеллия погнался за тою, что уже погибла сама и вместе с собой готовилась сгубить и его".

За этот эпизод большинство историков судили и Клеопатру, и Антония совершенно безжалостно. Ее — за предательство по отношению к возлюбленному и соратнику, его — за то, что бросил своих сражающихся людей на произвол судьбы, обрек их на верную гибель, ничего даже не сказав воинам, которые дрались и умирали за него. Ведь, как справедливо замечал Блон, "в любой армии, морской или наземной, предательство одной из частей наносит сильнейший моральный удар сражающимся. Однако многие суда Антония продолжали борьбу, поскольку в пылу боя никто не заметил, что происходит. И воины еще долго отказывались поверить в невероятное… Некоторые не складывали оружия еще два дня. Когда они сдались. Октавиан тут же предал их смерти".

Морская битва была проиграна Антонием и Клеопатрой в самом разгаре сражения. Армия на берегу шесть дней ждала возвращения своего командующего, а потом сложила оружие без боя. Мотивы бегства Клеопатры так и остались загадкой.

Даже категоричный Блон смог придумать лишь гипотезы: "Может быть, она решила, что битва проиграна, и испугалась, как и после убийства Цезаря? Или ей была невыносима мысль о том, что Антоний хотел лишить ее триумфа, — она могла еще рассчитывать на участие в нем в момент, когда приняла решение, — и отомстила?"

Что же там произошло на самом деле? "Любопытное сражение, — пишет об этом в своей "Клевете истории" Эммануэль Берль. — Начинает Антоний. Какова его цель? По всей видимости, прорвать блокаду. Иной замысел трудно себе представить. Ибо если речь идет об уничтожении вражеских сил, то морской бой отнюдь не исключает сражения на суше. Много раз говорилось, что Антоний колебался между обоими вариантами, но никто еще не сказал, почему один исключает другой".

Никто и никогда не слышал из уст Антония объяснения его поступка. И вряд ли можно обоснованно утверждать, что он руководствовался одними лишь соображениями романтической страсти: "Рим без Клеопатры мне не нужен, и я был безумцем,

думая иначе. Боги Египта покарали меня за подобные мысли, поскольку Клеопатра решила выйти из борьбы. Мне пятьдесят три года, и мои силы идут на убыль. Ей тридцать восемь, а ее красота и ум еще не достигли вершины расцвета. Я ее люблю больше, чем когда-либо, и готов на все, лишь бы не потерять ее!.."

Но есть и такая версия, что Антоний и Клеопатра не собирались биться до конца. В их планы входило именно прорвать блокаду, державшую их корабли в заливе, и открыть путь в Египет. И этот маневр был продуман заранее; недаром Клеопатра распорядилась перенести на предназначенные к уходу в прорыв суда все ценности. Да и сама по себе установка парусов на галерах была отнюдь не обычным делом — в бою корабли двигались на весельном ходу, паруса означали подготовку к долгому плаванию с использованием попутного ветра. Антонию и Клеопатре удалось спасти треть своих судов и сундуки с золотом. Более того, есть сведения, что Октавиан был в курсе происходящего. И не генеральное сражение он намеревался дать у мыса Акций, а помешать как раз этому маневру. Октавиан узнал о плане прорыва от перебежчика Деллия и, как полагает Дион, посвятил в него своих людей. Обращаясь к своим солдатам перед боем, Октавиан, если верить Диону, сказал: "Теперь, когда они слабее нас и пытаются бежать, увозя с собой несметные богатства, наша задача помешать им и захватить трофеи".

После ухода кораблей Клеопатры Октавиан выслал за ними в погоню самые быстроходные из своих судов. Однако эту атаку египтяне отбили.

Потом корабли причалили к мысу Тенар, где Антоний и Клеопатра расстались. Она продолжила путь в Египет, а он отправился собирать последние войска. Опасаясь, что весть о поражении спровоцирует беспорядки в Александрии, царица приказала празднично украсить корабли и входить в гавань с пением победных гимнов. Собравшейся на причале толпе Клеопатра недрогнувшим голосом поведала о небывалой победе над противником. Это было как раз в тот день, когда сухопутная армия при Акции перешла на сторону Октавиана.

КЛЕОПАТРА И ЦАРЬ ИРОД

Роковую роль в судьбе Клеопатры и Антония сыграл иудейский царь Ирод, тот самый, что спустя несколько десятилетий, согласно Евангелию от Матфея, учинит избиение младенцев.

Но тогда он был еще молод, полон сил и даже способен влюбляться. Он долго и пылко добивался руки прекрасной Мариамны… чтобы через несколько лет отдать приказ о казни любимой жены на основании пустых подозрений. На троне он удержался в те бурные времена благодаря Антонию, а какое-то время ему, спасшемуся бегством, пришлось поселиться в Александрии. Клеопатра предоставила ему приют. Что не помешало Ироду распускать слухи, утверждая, что Клеопатра пыталась его соблазнить. И конечно же она действовала так, намереваясь вскоре отравить его и присоединить Иудею к своим землям.

Однако ему не удалось поссорить Клеопатру с Антонием. Не удалось и ей лишить Ирода покровительства Рима. А во время визита Клеопатры во владения Ирода — это было, когда она возвращалась из похода против парфян перед рождением младшего сына, — по свидетельству Иосифа Флавия, противостояние обострилось настолько, что Ирод начал готовить убийство египетской царицы. Иосиф Флавий пишет, что от этой затеи иудейского царя отговорили друзья, объяснив, что царству, может, и будет от того польза, но Антоний "не снесет этого спокойно… "При этом Ирод не будет в состоянии привести какое-либо достаточное основание того, что он рискнул поднять руку на женщину, обладавшую величайшим значением своей эпохи".

Ирод послушался благоразумных советников, состоялись переговоры, в центре которых был спор, кому принадлежит Иерихон. Клеопатра согласилась, чтобы Ирод управлял Иерихоном и его окрестностями, потребовав за это 200 талантов ежегодно. Ирод согласился и оказал Клеопатре достойные почести — преподнес богатые дары, лично в сопровождении пышной свиты проводил до границы своего царства. О замысле покушения Клеопатра конечно же вскоре узнала. "Крохотный двор Ирода показал Клеопатре ее собственное отражение в зеркале действительности. Когда Клеопатра расставалась в Пелузии с Иродом, она, несмотря на улыбки и заверения в искренней дружбе, никак не могла отделаться от чувства, что имеет дело с опаснейшим врагом", — пишет Пьер Декс.

И она не ошиблась. Порочащие слухи были не самой большой

бедой, которую Ирод причинил Клеопатре. По географическому расположению стран он был естественным союзником Египта. Если бы в решающей схватке войска Антония и Ирода объединились бы, то в условиях ближневосточной пустыни Октавиан вряд ли смог бы их одолеть. "Но никому на свете беды Клеопатры не доставляли столько удовольствия, — замечает Декс. — Она сама отдала Ироду все козыри, отпустив его из Акция, и он постарался как можно скорее примириться с Октавианом".

Ступив на берег Родоса, где находился Октавиан, иудейский царь проявил себя актером высшего класса. Еще на корабле он переоделся в простую одежду, достойную разве что бедного рыбака, а не царя. И даже царскую диадему снял, прежде чем сойти на берег. А представ перед Октавианом, он принялся разыгрывать роль бесхитростного, прямого и честного человека, которым тот, кто добился престола, одолев множество интриганов и злоумышленников (путь Ирода на трон был еще более тернист, чем путь Клеопатры) по определению не мог быть.

Ирод признался, что он до недавнего времени был безгранично предан Антонию и никогда по своей воле эту дружбу не разрушил бы. Он пояснил, что, по его представлению, друзья должны жертвовать друг ради друга "душою, и телом, и самим естеством". Он и сейчас был бы рядом с Антонием, но Клеопатра настроила автократора против него, Ирода. Она же втравила иудейского царя в войну с набатеями. И вот из-за проклятой египтянки Ирод был вынужден бросить своего старого друга. Причем сколько раз он, Ирод, предупреждал Антония, что отношения с этой женщиной приведут его к печальному финалу…

Царь Ирод. Средневековое изображение

Все это было произнесено с приличествующим случаю пафосом. И с не менее важным видом слушал Ирода Октавиан. А потом будущий Август изрек, что благодарен Клеопатре, ведь из-за нее у него теперь есть такой замечательный союзник. По логике вещей тут у самого Ирода должна была проснуться благодарность — если бы не страх римлян перед Египтом и его правительницей, никогда Ирод не получил бы корону и не усидел бы на престоле. Но нет, два великих интригана друг друга прекрасно поняли. Октавиан лично надел на голову Ирода диадему, подтвердил его статус и отправил его обратно с римскими подкреплениями. Ирод постарался доверие оправдать. Он не пропустил через свою территорию даже те небольшие отряды, которые Клеопатре, отчаянно изыскивающей силы, удалось набрать.

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

Антоний еще пытался изыскать резервы, но Клеопатра осознала, что в военном отношении практически все потеряно и шансов нет. Теперь она отчаянно искала выход из безнадежной ситуации. Плутарх подробно описывает один из вариантов, которые она рассматривала: "В том месте, где перешеек, отделяющий Красное море от Египетского и считающийся границею между Азией и Африкой, всего сильнее стиснут обоими морями и уже всего — не более трехсот стадий. — в этом самом месте царица задумала перетащить суда волоком, нагрузить их сокровищами и войсками и выйти в Аравийский залив, чтобы, спасшись от рабства и войны, искать новое отечество в дальних краях. Но первые же суда сожгли на суше во время перевозки петрейские арабы, а вдобавок Антоний выражал надежду, что сухопутные силы при Акции еще держатся, и Клеопатра отказалась от своего замысла и выставила сильные сторожевые отряды на главных подходах к Египту".

Триста стадий — это примерно 65 километров, и местом, где все это происходило, была линия современного Суэцкого канала. Идея перетащить волоком корабли в Красное море, чтобы потом уплыть, скажем, в Индию, казалась Плутарху "самым дерзновенным и удивительным занятием", но для египтян, издавна строивших великие пирамиды и храмы, где требовалось перемещать на большие расстояния огромные каменные блоки, такая задача выглядела сложной, но вполне решаемой.

Да и с большими кораблями подобный опыт уже имелся. Еще при первых Птолемеях стометровые галеры перетаскивали по деревянным валикам, равномерно расположенным вдоль портовых каналов, подкладывая под днище смазанные жиром шкуры. Да и быстро разобрать, а потом опять собрать корабли было вполне возможно. Непреодолимой проблемой оказалась вражда с обитателями другой стороны Суэцкого перешейка — набатеями, на которых Клеопатра когда-то натравила иудейского царя Ирода, оказавшегося в последние дни на редкость вероломным союзником. Набатеи сжигали египетские корабли, как только их вытаскивали на берег.

Но даже эта неудача не сломила Клеопатру. Потерпев неудачу на Востоке, она обратилась к западным пределам.

Ведь Риму пока еще не удалось полностью подчинить себе территорию современной Испании, а там были и серебряные рудники, и обширные плодородные земли. Клеопатра всерьез рассматривала возможность прорваться туда и основать новое

царство. Ведь в 83 году до н. э. такое почти удалось проделать мятежному римскому проконсулу Серторию, прозванному новым Ганнибалом. Даже Октавиан задумывался о таком варианте развития событий и весьма опасался, что Клеопатра сможет его осуществить. "Царица не паниковала и не оплакивала поражение; как и много лет назад, в пустынном лагере, ее мужество оставалось при ней, — восхищенно отмечает Стейси Шифф. — Слово "потрясающая" рано или поздно всплывает при описании жизни Клеопатры, и ее поведение после поражения действительно не может не вызывать восхищения, так она была энергична, тверда и находчива. Даже через две тысячи лет можно почувствовать, как интенсивно работал ее мозг, пытаясь найти выход".

Воевать в Египте она не хотела, хотя народ даже в Александрии был ей верен, и тем более жители Верхнего Египта выразили готовность встать на защиту своей царицы. Клеопатра отговорила подданных, осознавая, что против войск Октавиана им не выстоять.

Антоний же почти совсем пал духом. Он поселился в хижине на самом конце дамбы, прикрывавшей александрийскую гавань, у подножия маяка. Дион описывает, как, подобно Тимону Афинскому, он объявил, что находится в изгнании, "поскольку с ним обошлись несправедливо, а его друзья оказались неблагодарными, и он возненавидел все человечество". Клеопатра вскоре сумела выманить мужа оттуда обратно во дворец. Но новости со всех сторон приходили невеселые — друзья, союзники и даже послы вовсю переходили на сторону Октавиана.

Клеопатра не упрекала супруга — она не видела в том смысла, как и впоследствии Плутарх, говоривший: "В такие времена нет пользы от дружеской откровенности или слов горького порицания". Антоний от отчаяния пустился в разгул, по свидетельству Плутарха, "вовлек весь город в череду празднеств, попоек и гуляний". Клеопатра тогда повелела устроить большое празднество в честь сына Антония от первого брака — Антилла — и своего старшего сына, достигшего 16 лет Цезариона. Теперь Цезарион мог носить оружие и служить в армии, Антилл облачился в одежды взрослого, сняв детскую тогу с пурпурной каймой. Дион утверждал, что Антоний и Клеопатра организовали эти празднества, дабы показать, что "у их полководцев есть достойная смена", а у династии Птолемеев — наследники.

Разумеется, Клеопатра прилагала усилия, чтобы договориться с Октавианом. Она слала дары и просила об одном: оставить царство ее детям. Собственная жизнь волновала ее намного меньше. В подарок Октавиану царица отправила золотой скипетр,

корону и трон, надеясь, по словам Диона, что "хотя он и ненавидит Антония, над ней он все-таки может сжалиться". Октавиан в официальном послании потребовал полной и безусловной капитуляции, а в частном выразил готовность отнестись к царице со снисхождением, если она казнит или хотя бы отправит в вечное изгнание Антония.

Дорогие подарки Октавиан, разумеется, оставил у себя.

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА И СМЕРТЬ МАРКА АНТОНИЯ

Первоначально, когда противники расположились возле Конского ристалища, Марку Антонию сопутствовала удача — его войска перешли в атаку, и он сумел обратить вражескую конницу в бегство, отогнав ее до самого лагеря. Возвратившись во дворец, радостный и гордый Антоний, не сняв своих доспехов, бросился к Клеопатре, страстно целуя ее. С собой он привел воина, который больше всех отличился в этой схватке, и, представив его царице, предложил наградить за доблесть. Клеопатра, по словам Плутарха, подарила тому золотой шлем и панцирь. Но Антоний с Клеопатрой недооценили силу римской пропаганды, развернутой Октавианом: они были отщепенцами, Клеопатра — всего лишь ничтожной восточной царицей, тщетно пытавшейся нарушить построенный великим Римом мировой порядок. Никто не хотел воевать с Римом — и Клеопатра с Антонием остались не только без союзников, но и без верной армии. Той же ночью награжденный египетской царицей воин, прихватив ценный подарок, сбежал в лагерь к Октавиану. И этот беглец был не единственным и не последним.

Поняв грозящую опасность измены, Марк Антоний захотел решить судьбу мира в личной схватке и поэтому еще раз отправил Октавиану вызов на поединок. Но тот в своем ответе высокопарно заявил, что Антонию открыто много дорог к смерти. Поэтому Антоний решил победить или погибнуть в сражении, причем решил напасть на Октавиана сразу на суше и на море, рассчитывая при этом на поддержку флота Клеопатры.

Согласно словам очевидцев, накануне сражения Марк Антоний за обедом велел рабам наливать ему полнее и накладывать куски получше, потому что, дескать, неизвестно, будут ли они потчевать его завтра или станут прислуживать новым господам, между тем как он ляжет трупом и обратится в ничто. Некоторые из присутствовавших на трапезе заплакали, на что Антоний заявил, что он не поведет их за собою в эту битву, от которой ждет не спасения и победы, но славной смерти. А вот около полуночи произошло странное событие, подробно описанное Плутархом в "Сравнительных жизнеописаниях": "Как рассказывают, среди унылой тишины, в которую погрузили Александрию страх и напряженное ожидание грядущего, внезапно раздались стройные, согласные звуки всевозможных инструментов, ликующие крики толпы и громкий топот буйных,

сатировских прыжков, словно двигалось шумное шествие в честь Диониса. Толпа, казалось, прошла через середину города к воротам, обращенным в сторону неприятеля, и здесь шум, достигнув наибольшей силы, смолк. Люди, пытавшиеся толковать удивительное знамение, высказывали догадку, что это покидал Антония тот бог, которому он в течение всей жизни подражал и старался уподобиться с особенным рвением".

Но на следующий день все военные планы Марка Антония рассыпались прахом — флот, на который он возлагал такие надежды, подойдя вплотную к врагу, кораблям Октавиаиа, вместо того чтобы вступить в бой, приветствовал неприятеля поднятыми веслами. И суда Октавиана вернули приветствие, а вскоре два враждебных флота слились в один, но не в борьбе, а, перемешавшись, вместе направились к берегу. Но это было не последнее разочарование Антония, наблюдавшего за ходом морских действий с берега.

Следом за флотом владыку Востока покинула и конница. Оставшаяся в его распоряжении пехота, вяло ведшая перестрелку с неприятелем, не могла рассчитывать на победу. Все было кончено, и еще недавно мнивший себя неуязвимым, почти владыкой мира, Марк Антоний в ярости бросился во дворец (ведь его или его голову перебежчики могли поднести в дар Октавиану!), проклиная Октавиана и Клеопатру, По всей видимости, он считал египетскую царицу предательницей ("Клеопатра предала его ради врагов с которыми он боролся ради нее"), вступившей в заговор с врагом, и уже списавшей его, Марка Антония, как проигравшего со счетов. Да и ранее Клеопатру, несмотря на любовь к Антонию, должны были, зная в доскональности его характер и страсть к увеселениям, терзать сомнения: а исполнит ли он обещанное, то, о чем она с ним договаривалась? Станет ли Марк Антоний хорошим регентом для ее сына Цезариона, сына Цезаря? Не вернется ли он к позабытым республиканским лозунгам, дабы предотвратить случаи дезертирства (не жаждали римляне из армии Антония воевать ни за Клеопатру, ни за ее детей, пусть даже с Цезарем и Антонием) и "опереться" на прежних друзей, счастливо "позабыв" Клеопатру? Ведь с ней воюет Рим…

До сих пор продолжаются среди историков споры, был ли уход флота Клеопатры действительно ее предательством или некоей роковой случайностью? Луций Клавдий Дион Кассий Кокцеан (Дион Кассий), римский консул и историк греческого происхождения, автор часто цитируемой "Римской истории" в 80 книгах, утверждал, что именно Клеопатра предала Антония и сделала так, чтобы флот перешел на сторону Октавиана, надеясь

заключить соглашение. К тому же Дион утверждал, что "это правда, что Антоний искренне посвящал себя исполнению своих обязанностей, пока находился в подчиненном положении и стремился к высшим почестям, но теперь, войдя во власть, он больше не уделял внимания делам, а следовал роскошному и непринужденному образу жизни Клеопатры и египтян до тех пор, пока не был полностью деморализован… Порой он был необычайно храбр и в то же время не раз терпел неудачи по своей трусости, он был то велик душою, то ничтожен; чужое добро захватывал, свое расточал". Плутарх же считал, что причиной такого поведения Клеопатры стали губительные страсти…

Но далее следуют тоже по-своему странные действия египетской царицы: не дожидаясь возвращения потерявшего даже остатки власти Антония, бросив столицу, в которую вот-вот должны были войти войска Октавиана, Клеопатра отправилась в собственный мавзолей и приказала закрыть двери и задвинуть засовы. По мнению того же Диона Кассия, это действие было не что иное, как разыгранный Клеопатрой спектакль, рассчитанный на двух основных зрителей — Марка Антония и Октавиана. Может быть, таким образом египетская царица решила обменять жизнь неудачливого любовника (уже наверняка обреченного Октавианом на смерть, но желательно чужими руками) на свое спасение (а может, и сохранение власти над Египтом). Кроме того, перед тем как запереться в мавзолее, Клеопатра отправила Марку Антонию гонца с этой вестью.

Французский историк Пьер Деке в своей "Клеопатре" выдвигает следующее объяснение произошедших событий: "На исходе борьбы Антония с Октавианом у Клеопатры были веские основания сомневаться в мудрости, попросту говоря, в здравом смысле своего супруга, может быть, даже в его мужестве. Тот сложный процесс, который привел к Акцию, а также увертки Антония, его нерешительность, его бегство с места сражения — все это, с точки зрения Клеопатры, не свидетельствовало о наличии духовных сил, о политических или военных способностях, а лишь говорило о том, что он замкнулся в мире собственных заблуждений, отказываясь верить в сокрушительность поражения, убежденный как на границе Киренаики, так и под стенами Александрии, что достаточно его присутствия, его голоса, чтобы его бывшие легионеры к нему вернулись. Нет, он не Цезарь, Клеопатра знала это, поняла это лучше всех остальных. Но у них было так много общего — проведенные вместе годы, дети, увеселения в Тарсе, празднества во время их первого пребывания в Александрии, и потом еще слава, могущество их последнего союза. Потом они рассорились,

ибо Антонию понадобилось выяснять отношения, а потом произошло худшее: желая остудить его гнев, заставить взглянуть на положение без лишних эмоций, она пошла на хитрость и толкнула Антония к самоубийству".

А что же оставалось тому в той ситуации? Римляне считали его предателем, жена-египтянка покончила (или собирается покончить) с собой, просить о милости Октавиана бесполезно (он не нужен был Октавиану живым), да и бесчестно. Выход один — самоубийство. Подозревал ли Антоний, что Клеопатра еще жива, когда решил покончить счеты с жизнью? О чем он думал, когда, как описывают современники, обращаясь к самому себе, воскликнул: "Что же ты еще медлишь, Антоний? Ведь судьба отняла у тебя последний и единственный повод дорожить жизнью и цепляться за нее!" Затем Марк Антоний отправился в спальню, где снял панцирь и молвил: "Ах, Клеопатра, не разлука с тобою меня сокрушает, ибо скоро я буду в том же месте, где ты, но как мог я, великий полководец, позволить женщине превзойти меня решимостью?!"

Как пишет в своих "Сравнительных жизнеописаниях" Плутарх, у Антония был верный раб по имени Эрот, которого он уже давно уговорил убить его, если это будет необходимо, и теперь Антоний потребовал, чтобы "Эрот исполнил свое слово". Раб взмахнул мечом, словно готовясь поразить хозяина, но, когда тот отвернул лицо, нанес смертельный удар себе и упал к ногам Антония. "Спасибо, Эрот, — промолвил Антоний, — за то, что учишь меня, как быть, раз уже сам не можешь исполнить, что требуется"". С этими словами он вонзил меч себе в живот (в некоторых источниках описано, что Антоний использовал меч с удлиненным стальным навершием) и рухнул на кровать. Но рана оказалась недостаточно глубока, и потому, когда он лег, кровь остановилась. Антоний очнулся и принялся молить окружающих прикончить его, но все выбежали из спальни, и он кричал и корчился в муках, пока от Клеопатры не явился писец Диомед, которому царица велела доставить Антония к ней в усыпальницу. Есть также версия, что она услышала его крики. И поднялась на еще недостроенную крышу мавзолея. Согласно же Диону Кассию, Клеопатра со служанками сама выбежала из мавзолея к Антонию, лично приказала перенести любовника, потерявшего слишком много крови, в свой мавзолей.

Услыхав, что она жива, Антоний с жаром приказал слугам немедленно поднять его с ложа, и те на руках отнесли хозяина к дверям усыпальницы. Дверей, однако, Клеопатра не открыла, но, появившись в окне, спустила на землю веревки, которыми обмотали раненого, и царица еще с двумя женщинами никого,

кроме них, она с собою внутрь не взяла — собственными руками тянула его наверх. Эти женщины — единственные свидетельницы происходившего говорили, что невозможно представить себе зрелище жалостнее и горестнее. Залитого кровью, упорно борющегося со смертью, поднимали его на веревках, а он простирал руки к царице, беспомощно вися в воздухе, ибо нелегкое то было дело для женщин, и Клеопатра с исказившимся от напряжения лицом едва перехватывала снасть, вцепляясь в нее что было сил, под ободряющие крики тех, кто стоял внизу и разделял с нею ее мучительную тревогу. Наконец Антоний очутился наверху, и, уложив его на постель и склонившись над ним, Клеопатра растерзала на себе одежду, била себя в грудь и раздирала ее ногтями, лицом отирала кровь с его раны и звала его своим господином, супругом и императором".

Клеопатра и Марк Антоний. Художник П.-Д. Батони

Судя по всему, на эти несколько часов агонии Марка Антония Клеопатре изменила ее традиционная выдержка. Она забыла о своем непростом (и, наверное, понимала, что фатально) трагическом положении, и переживала уход последнего любимого мужчины. Она провела с Марком Антонием большую часть десятилетия, которое было одним из самых счастливых в ее

жизни, родила от него троих детей, была супругой владыки не Египта, но части необъятного Востока. Тогда они были полубогами, и вот теперь настала расплата — Рим не терпел конкурентов. Но Клеопатра не была готова видеть цену, которую Марку Антонию пришлось заплатить за любовь к ней. Ведь именно ей, египетской царице, правитель Рима Октавиан объявил войну. Ей, а не умирающему сейчас на ее глазах Марку Антонию, который безуспешно попытался Риму противостоять.

Плутарх в "Сравнительных жизнеописаниях" подробно описывает последние слова Марка Антония и поведение Клеопатры: "Проникшись состраданием к его бедам, она почти что забыла о своих собственных. Утишив ее жалобы, Антоний попросил вина — то ли потому, что действительно хотел пить, то ли надеясь, что это ускорит его конец. Напившись, он увещал ее подумать о своем спасении и благополучии, если только при этом окажется возможным избежать позора, и среди друзей Октавиана советовал больше всего доверять Гаю Прокулею. А его, продолжал он, пусть не оплакивает из-за последних тяжких превратностей, пусть лучше полагает его счастливым из-за всего прекрасного, что выпало на его долю, — ведь он был самым знаменитым человеком на свете, обладал величайшим в мире могуществом и даже проиграл свое дело не без славы, чтобы погибнуть смертью римлянина, побежденного римлянином". Так полководец Марк Антоний умер на руках у Клеопатры под звук морского прибоя, доносящийся снаружи, в городе, построенном по приказу другого великого полководца, Александра Македонского, тоже так и не ставшего повелителем мира… Не случайно тысячелетия пережила фраза Плутарха: "Великим натурам бывают присущи не только великие доблести, но и великие пороки"…

Через несколько десятилетий после Антония Сенека, римский философ-стоик, поэт и государственный деятель, подвел такой итог деяниям последнего противника Октавиана: "Что погубило Марка Антония, человека великого и с благородными задатками, что привело его к чужеземным нравам и неримским порокам, как не пьянство и страсть к Клеопатре, не уступавшая страсти к вину? Напившись вином, он жаждал крови. Мерзко было то, что он пьянел, когда творил все это, но еще мерзостнее то, что он творил все это пьяным…." Этому же мнению вторит римский историк Гай Веллей Патеркул, автор "Римской исто-рии" в двух книгах, излагающий события от Троянской войны до 30 года: "Антоний, пока был трезв, был лучше многих".

Артур Вейгалл отмечает, что "из уважения к умершему полководцу ряд римских военачальников и иностранных владык, которые находились при армии Октавиана, обратились с

просьбой позволить им оплатить расходы по его погребению, но из уважения к пожеланиям Клеопатры тело оставили у нее, и были отданы распоряжения, чтобы ее приказания в отношении похорон неукоснительно исполнялись. И Антоний был похоронен со всей царской пышностью в гробнице, которая, вероятно, уже давно была приготовлена для него недалеко от мавзолея его жены".

КЛЕОПАТРА И ОКТАВИАН: ПОСЛЕДНИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Когда еще живого Марка Антония слуги несли в мавзолей к Клеопатре, один из его телохранителей, Деркетей, решил перебежать на сторону победителя и, схватив меч Антония, тайком выскользнул из дворца и отправился к Октавиану, чтобы первым сообщить ему о кончине Антония, и в качестве доказательства своих слов продемонстрировал тому окровавленное оружие побежденного. Получив весть и меч Антония, Октавиан удалился в свою палатку, откуда вскоре, как свидетельствуют очевидцы, донеслись его рыдания. Владыка Рима, а теперь и Востока горевал о человеке, который, по словам Плутарха, "был его свойственником, соправителем и товарищем во многих делах и битвах. Потом, достав письма, он кликнул друзей и принялся им читать, чтобы они убедились, как дружелюбно и справедливо писал он и с какою грубостью, с каким высокомерием всегда отвечал Антоний".

После этого, убедив окружающих в своей непричастности к смерти Марка Антония и хорошем прежде к нему отношении, несмотря на хамство и другие пороки покойного, Октавиан стал отдавать распоряжения, связанные с Клеопатрой: он направил Гая Прокулея, римского всадника, свое доверенное лицо (и того, кому перед смертью Антоний советовал Клеопатре доверять из приближенных Октавиана), к египетской царице. Именно Гай Прокулей, который пользовался репутацией человека безупречного, и должен был исполнить щекотливое поручение римского диктатора — доставить Клеопатру живой в Рим для участия в его триумфальном шествии, чем рассчитывал не только развеять славу уже тогда легендарной Клеопатры, но намного увеличить блеск и славу своего триумфа, став главной его жемчужиной, запечатлев свою победу над мятежными Марком Антонием и Клеопатрой в веках.

По мнению историка Диона Кассия, сразу после смерти Марка Антония хитроумный и двуличный Октавиан собирался захватить Клеопатру живой, но не хотел, чтобы все выглядело так, будто он заманил ее в ловушку и воспользовался для своего триумфа, поэтому доверенному и благовоспитанному Прокулею было поручено от своего имени обещать царице наилучший выход из положения, в том числе и для ее детей.

Кроме того, практичный Октавиан опасался за судьбу тех сокровищ, которые спрятала Клеопатра, и, как гласила тогдашняя

молва, она собиралась уничтожить вместе с собой.

Иными словами, Прокулей должен был не допустить, "чтобы легендарные сокровища Египта, предмет всеобщих мечтаний со времен Гомера, погибли в погребальном костре".

Ведь еще раньше, пишет Плутарх, Клеопатра сама приказала перенести "все наиболее ценное из царской сокровищницы — золото, серебро, смарагды, жемчуг, черное дерево, слоновую кость, корицу — к себе в усыпальницу; это было высокое и великолепное здание, которое она уже давно воздвигла близ храма Исиды. Там же навалили груду пакли и смолистой лучины, так что Цезарь, испугавшись, как бы эта женщина в порыве отчаяния не сожгла и не уничтожила такое громадное богатство, все время, пока подвигался с войском к Александрии, посылал ей гонцов с дружелюбными и обнадеживающими письмами".

И поэтому Прокулей, не мешкая, отправился к мавзолею, где укрылась Клеопатра, и попытался вступить с ней в переговоры. Но царица так и не отворила двери мавзолея, Прокулею пришлось говорить через них. Торг шел о будущем Египта и детей царицы. Клеопатра просила оставить страну в наследство своим детям (которым, если не считать римского нашествия, она принадлежала по праву), причем о Цезарионе речь не шла (может быть, тогда еще Клеопатра надеялась, что он доберется до Индии). В ответ Прокулей, которому, по всей видимости, не хотелось без лишней надобности врать и обещать того, чего на самом деле он не в силах сделать, принялся убеждать Клеопатру не падать духом и во всем полагаться на милость Октавиана. Но римлянин и пока еще египетская царица так и не смогли договориться, и, внимательно осмотрев место кругом мавзолея на предмет его внезапного захвата римскими воинами, Прокулей, отправившись к Октавиану, доложил тому обстановку. Выслушав, тот отправил к Клеопатре вместе с Прокулем еще одного своего доверенного человека — Гая Корнелия Галла, римского всадника, полководца, общественного деятеля и лирического поэта (писавшего в жанре любовных элегий, посвященных в том числе актрисе, бывшей любовницей Антония), в сопровождении отряда солдат. Пока Гай Галл от имени Октавиана вел переговоры с Клеопатрой, специально затягивая беседу, хитроумный Прокулей, приставив лестницу к стене мавзолея, тихо пробрался внутрь его через окно, в которое служанки Клеопатры незадолго до того втянули умирающего Антония. Они направились к дверям, где стояла Клеопатра, занятая разговором с Гаем Галлом, но были замечены одной из служанок, находившихся при царице (Ираде и Хармионе), которая закричала: "Клеопатра, несчастная, ты попалась!" Обернувшаяся царица увидела Прокулея и, выхватив

короткий кинжал, висевший у пояса, замахнулась, чтобы нанести себе смертельную рану. Но подбежавший Прокулей, схватив ее за обе руки, не дал возможности покончить, собой, вырвал из рук кинжал и дернул за одежду Клеопатру, проверяя, не засунула ли она в нее яд. Затем Прокулей заявил царице, что "Клеопатра, ты несправедлива и к самой себе, и к Октавиану, лишая его случая во всем блеске выказать свою доброту и навлекая на милосерднейшего из полководцев ложное обвинение в вероломстве и жестокой непреклонности". Отодвинув засовы гробницы, открыв двери, отослав одного из римлян с сообщением об успешном захвате Клеопатры Октавиану, Прокулей скоро дождался помощи — римский диктатор отправил в мавзолей своего доверенного вольноотпущенника Эпафродита, дав тому поручение зорко и неотступно караулить Клеопатру, чтобы она не лишила себя жизни, но при этом, уважая ее царственное достоинство, обходиться с нею самым любезным образом и исполнять все ее возможные желания, кроме угрожающих ее безопасности.

Тем временем сам Октавиан, вступивший с войском в Александрию в день смерти Марка Антония, в сопровождении своего ментора, Ария Дидима, философа-стоика, гражданина Александрии, отправился в гимнасий. Наготове у Октавиана был небольшой свиток с ранее составленной речью на латыни, которую он повелел для жителей города перевести на греческий. В гимнасии Октавиан поднялся на возвышение и, когда присутствующие в страхе перед предстоящей расправой упали перед ним ниц, то владыка Рима, по словам Плутарха, "велел им встать и объявил, что освобождает город от всякой вины: во-первых, ради основателя его, Александра, во-вторых, потому что восхищен красотой и величиной Александрии, и, в-третьих, чтобы угодить своему другу Арию. Вот какою честью был взыскан Арий, и его заступничество спасло многих и многих". А, по мнению Диона Кассия, на самом деле роль Ария была символической — Октавиан не хотел "нанести непоправимый ущерб столь большому числу людей, которые по разным причинам могли оказаться очень полезными для Рима".

Клеопатра и Октавиан. Художник Л. Гофье

Но вот дальше Октавиан, успокоивший жителей Александрии, которые в большинстве своем приветствовали его как освободителя и спасителя, дал себе волю. Британский историк Артур Вейгалл, принимавший участие в раскопках в Египте, в "Клеопатре. Последняя царица Египта" рассказывает о деяниях Октавиана следующее: удалился в свои покои, где, словно в издевку, издал приказ немедленно перебить тех придворных Клеопатры и Антония, которые не нравились Арию. Несчастный Антилл, сын Антония, выданный своим вероломным учителем Теодором Октавиану, был немедленно казнен в храме, возведенном Клеопатрой в честь Юлия Цезаря, где Антоний нашел убежище. Когда палач отрубил мальчику голову, Теодор ухитрился украсть драгоценный камень, который Антилл носил на шее, но кража была раскрыта, и Теодора доставили к Октавиану, который тотчас приказал распять его на кресте. Под стражу были взяты двое детей Клеопатры, Птолемей и Клеопатра Селена, которые все еще находились в Александрии. Октавиан, видимо, дал понять Клеопатре, что, если она попытается убить себя, он казнит ее двоих детей. Так он мог гарантировать себе, что она не станет лишать себя жизни, так как, по словам Плутарха, "перед этим аргументом ее намерение (убить себя) пошатнулось и ослабло".

Вскоре после того, как Клеопатра попала "под домашний арест" в своем мавзолее и от нее было спрятано все, при помощи чего она могла совершить цареубийство, по тайному приказу Октавиана из мавзолея были перевезены в его лагерь все ранее хранившиеся там сокровища. То есть если ранее в различных источниках упоминается, что царица взяла с собой в мавзолей сокровища (что вполне соответствует традициям древнеегипетских фараонов), то в дальнейших событиях в немногочисленном большинстве источников речь идет только о самой Клеопатре (которая пыталась дважды себя убить), но не о ее прежних сокровищах. При этом возле царицы остались его служанки, чтобы, следуя негласному распоряжению Октавиана, она дожила до его триумфа, "дабы она не отчаялась и не причинила себе вреда". Поэтому и с ее младшими детьми обращались достойно.

Клеопатре разрешили подготовить к погребению Марка Антония, предоставив для этого все необходимое: ладан, кедровое масло и корицу. На бальзамирование его тела ушло два дня, причем римляне не вмешивалась как в подготовке, так и в самой церемонии погребения. Октавиан решил продемонстрировать всем посмертное уважение к Марку Антонию, несмотря на его враждебные действия (точнее, попытки их) против Рима. Мертвый соперник, покончивший с собой и потерявший не только власть, но и друзей, ему был не страшен.

3 августа 30 года до н. э. Клеопатра в сопровождении своих верных служанок Ирады и Хармион собственноручно погребла Марка Антония. По тогдашней местной традиции женщины, потерявшие мужей, на похоронах всячески проявляли свое неутешное горе, и, судя по описаниям очевидцев, Клеопатра на стала исключением — она кричала и билась в конвульсиях, и царапала себя ногтями, и поэтому к концу похорон ее грудь воспалилась и покрылась язвами от чрезмерных проявлений скорби, упоминается также лихорадка. К тому же царица вовсе не собиралась бороться со своей болезнью, пока не получит каких-то гарантий на будущее. Поэтому она стала отказываться от пищи. Своему личному врачу Олимпу, находившемуся при ней много лет, она заявила, что так может тихо умереть без какого-либо участия римлян. По всей видимости, у Клеопатры тогда еще оставалась надежда, что Египет все-таки достанется после ее смерти детям.

Но кто-то из римлян, охранявших египетскую царицу, доложил Октавиану, что с ней творится неладное и он может потерять самый главный приз своего будущего триумфа. Чем он мог прервать эту голодовку и желание смерти? Тут показное

благородство изменило Октавиану, и он "стал угрожать ей расправою с детьми", после чего Клеопатре ничего не оставалось, как начать есть и лечиться. Но взамен она потребовала личной встречи с Октавианом, ибо только он мог дать ей и детям какие-то гарантии на будущее.

Личная встреча Клеопатры и Октавиана (который был моложе на шесть лет) состоялась 8 августа. До наших дней дошли два ее описания, историков Диона Кассия и Плутарха, которые различаются между собой не только в деталях, но и тональности, хотя и тот, и другой текст наверняка содержит и художественную часть, близкую по духу его автору. Так, Плутарх (основываясь на рассказе доктора Клеопатры), описывая, как Октавиан, пытаясь Клеопатру утешить, на самом деле жаждал лишь обмануть: "Она лежала на постели, подавленная, удрученная, и, когда Цезарь появился в дверях, вскочила в одном хитоне и бросилась ему в ноги. Ее давно неприбранные волосы висели клочьями, лицо одичало, голос дрожал, глаза потухли, всю грудь покрывали еще струпья и кровоподтеки — одним словом, телесное ее состояние, казалось, было ничуть не лучше душевного. И, однако, ее прелесть, ее чарующее обаяние не угасли окончательно, но как бы проблескивали изнутри даже сквозь жалкое это обличье и обнаруживались в игре лица. Цезарь просил ее лечь, сел подле, и Клеопатра принялась оправдываться, все свои действия объясняя страхом перед Антонием или принуждениями с его стороны, но Цезарь опроверг один за другим каждый из ее доводов, и тогда она тотчас обратилась к мольбам о сострадании, словно обуянная жаждою жить во что бы то ни стало. Под конец она вынула опись своих сокровищ и передала Цезарю. Селевк, один из ее управляющих, стал было уличать царицу в том, что какие-то вещи она похитила и утаила, но Клеопатра набросилась на него, вцепилась ему в волосы, била по лицу и, когда Цезарь, улыбаясь, пытался ее унять, вскричала: "Но ведь это просто неслыханно, Цезарь! Ты, в моих жалких обстоятельствах, удостоил меня посещения и беседы, а мои же рабы меня обвиняют, и за что? За то, что я отложила какие-то женские безделушки — не для себя, несчастной, нет, но чтобы поднести Октавии и твоей Ливии и через них смягчить тебя и умилостивить!" Эти слова окончательно убедили Цезаря, что Клеопатра хочет жить, чему он немало радовался. Он сказал, что охотно оставляет ей эти украшения и что все вообще обернется для нее гораздо лучше, чем она ожидает, а затем удалился с мыслью, что обманул египтянку, но в действительности — обманутый ею". Но это стало известно чуть позже.

В версии же Диона Кассия, более мелодраматической и с

оттенком театральности, Клеопатра, только что похоронившая мужа и лишившаяся всякой власти, предстает в облике гордой и величественной царицы (даже траур "был ей к лицу"), которая встречает Октавиана в богатых покоях на изящной скамье. Да и скамья Кассием Дионом упоминается не случайно — ведь именно на ней, как он утверждает, Клеопатра разложила бюсты и портреты Цезаря и его любовные письма к ней, которые она хранила на груди. Почтительно приветствуя своего победителя и нового владыку мира, Клеопатра собиралась напомнить ему о том, что Цезарь, его приемный отец, был когда-то ее возлюбленным. Затем, как утверждает Дион Кассий, царица стала зачитывать вслух Октавиану отрывки из писем Цезаря, тщательно выбирая подходящие сентиментальные фрагменты. При этом Клеопатра пыталась застенчиво и ненавязчиво напомнить, что корону и власть над Египтом она получила не только по праву наследства, но и из рук самого Цезаря. Может быть, поэтому она "обливалась слезами и целовала письма, а потом вновь и вновь падала на колени перед портретами Цезаря". Разумеется, царица всегда была верна Риму и его владыкам. По всей видимости, это была первая личная встреча Клеопатры и Октавиана (хотя теоретически они могли пересечься и в Риме), и тут царица, опять же по словам Диона Кассия, бросает нежные взгляды на своего смертельного врага и вроде бы даже украдкой сравнивает старого, убитого и давно с почестями похороненного Цезаря с новым, обретшим верховную власть, в том числе и над ней. При этом Клеопатра, которая "показала себя соблазнительной", якобы держалась дерзко и говорила красноречиво, а Октавиан, как положено настоящему владыке, держался с традиционной римской прямотой и простотой, но вместо того, чтобы использовать свой пронзительный взгляд, которым он гордился (и смущал подданных), предпочел устремить взгляд в пол, не встречаясь глазами с царицей, и придерживаться заранее составленной речи, и при этом избегать четких ответов на вопросы Клеопатры о предстоящей судьбе Египта и царевичей.

Вся сцена переговоров Клеопатры и Октавиана у Диона Кассия построена на таком противопоставлении действующих лиц, непроницаемого диктатора и беззащитной женщины, которая тем не менее и стала источником войны с Римом. При этом, не оправдывая Клеопатру, Дион Кассий ничего не сообщает о том, что царица просила хотя бы благодарности за то, что сдала Пелузий и за то, что ее флот в решающий момент покинул боевые порядки, оставив флот Марка Антония перед лицом флота Октавиана? Неужели она и в самом деле не предавала и не вела никаких тайных переговоров с врагом? И теперь ей нечего

предложить ему, кроме каких-то воспоминаний? Затем разрыдавшаяся Клеопатра бросилась к ногам Октавиана, говоря, что жизнь ей опостылела, и поэтому просила его дать ей возможность присоединиться к мертвому Антонию. Она упрашивала Октавиана: "Не откажи мне быть похороненной с ним, ибо я умираю из-за него, и мы будем рядом в самом Аиде". Но Октавиан, которому нужна была Клеопатра в качестве "изюминки триумфа", был непреклонен, но не стал говорить правду о своих планах. Он усадил ее на скамейку и сам сел рядом. Выслушав Клеопатру, которая огласила набор своих оправданий, в том числе объясняя свои действия "необходимостью и страхом перед Антонием", Октавиан разбил все выдвинутые ею аргументы, выражая к ней доброе отношение. Так и не получив от него четкого ответа о будущем себя и своей страны, Клеопатра, признав безусловную победу Рима, в знак своего поражения и покорности передала Октавиану опись своих сокровищ. И тут, по словам Диона Кассия, римский владыка решил ознакомиться со списком. Комментировать сей список взялся дворцовый управляющий царицы Селевк, который при ней и заявил Октавиану, что Клеопатра "похитила и утаила" несколько весьма ценных предметов. Далее следовала гротесковая сцена со вцеплением Селевку в волосы и фраза Клеопатры о том, кому же предназначались те самые пропавшие камни. Напоследок коварный Октавиан заверил Клеопатру, что "все обернется для нее гораздо лучше, чем она ожидает…".

Не стоит забывать, что и римский консул Дион Кассий и неоднократно бывавший в Риме и получивший римское гражданство Плутарх чаще всего могли сталкиваться с официальными римскими источниками, тем более связанными с историей Октавиана Августа — основателя Римской империи, обладателя к моменту смерти полного титула Император, сын Божественного Цезаря, Август, Великий Понтифик, Консул 13 раз, Император 21 раз, наделен властью народного трибуна 37 раз, Отец Отечества. Деяния Октавиана Августа стали легендами… Кто помнил, что случилось и кого он обманул в финальной битве за империю и организации своего триумфа? Даже недовольных императорской властью "древнеримских диссидентов" наверняка интересовало нечто иное, чем обещания Октавиана и его тайные приказы своим доверенным лицам.

Октавиан хотел, чтобы Клеопатра прошла в цепях по улицам Рима во время его триумфа. Клеопатра, которая, несмотря на якобы состоявшийся гротесковый диалог о судьбе исчезнувших камней, сохраняла мужество, знала, что после унизительного участия в триумфе тех побежденных царей, которые по милости

владыки Рима избежали казни, бросают в темницы, где те гнили заживо — до самой смерти. Многие из них там кончали жизнь самоубийством, другие сходили от издевок и надругательств с ума. Для царицы Клеопатры было лучше умереть, не испив до дна чашу позора, ибо это унижение было бы для нее "хуже тысячи смертей"…

СМЕРТЬ КЛЕОПАТРЫ

Вряд ли царица поверила Октавиану. И вскоре она узнала от одного из его свиты, знатного юноши по имени Корнелий Долабелла, горькую правду о том, что ее ждет. На следующий день после ее разговора с Октавианом тайно навестивший царицу Долабелла предупредил ее, что Октавиан через три дня планирует отбыть в Рим через Сирию, забрав из Александрии царицу и детей — отправив их на всякий случай морем.

И еще одна важная подробность, объясняющая, по мнению Артура Вейгалла, окончательное решение Клеопатры: "Возможно также, Долабелла уже сообщил ей, что у ее сына Цезариона нет никакой надежды, потому что Октавиан решил убить его, как только тот окажется в его руках, понимая, что неразумно оставлять в живых человека, претендующего на звание законного наследника Великого диктатора… Услышав об этом, царица решила убить себя немедленно, так как ее отчаяние было таково, что сам факт существования стал для нее невыносим. Мысленно Клеопатра, вероятно, рисовала себе картину триумфа Октавиана в Риме, на котором она со своими детьми будет фигурировать в качестве главных экспонатов. Ее поведут в цепях на Капитолий точно так же, как ее сестру Арсиною во время триумфа Юлия Цезаря. И в своем воображении она уже слышала издевки и гул голосов римлян, которые не забудут напомнить Клеопатре ее хвастливые слова о том, что однажды она будет вершить царский суд на том самом месте, где ей придется терпеть унижения. Эта мысль, которая сама по себе была невыносима, соединилась с уверенностью в том, что, если она продлит свою жизнь, ей придется также пережить удар от жестокой смерти ее любимого сына, так как его гибель уже казалась неизбежной…."

Тогда Клеопатра через охранявших римлян обратилась к Октавиану с просьбой разрешить ей совершить возлияние в честь Марка Антония. Когда же разрешение было дано, то она со своими доверенными служанками пришла к месту, где был недавно похоронен Марк Антоний, и, упав на его гробницу, промолвила: "О, мой Антоний, еще так недавно я погребала тебя свободною, а сегодня творю возлияние руками пленницы, которую зорко стерегут, чтобы плачем и ударами в грудь она не причинила вреда этому телу рабы, сберегаемой для триумфа над тобою! Не жди иных почестей, иных возлияний — это последние, какие приносит тебе Клеопатра. При жизни нас не смогло разлучить ничто, но в смерти нам грозит опасность обменяться местами, ибо ты, римлянин, покоишься здесь, а я, злосчастная,

лягу в землю Италии и чрез это — но только чрез это одно! — приобщусь к твоему отечеству. Однако ж, если хоть один из тамошних богов владеет силою и могуществом (ибо наши, египетские боги, от нас отвернулись), не выдавай свою супругу живою, не допусти, чтобы во мне триумфатор повел за своею колесницею тебя, но укрой, схорони меня здесь, рядом с собою: ведь изо всех неисчислимых бедствий, выпавших на мою долю, не было горше и тяжелее, чем этот короткий срок, что я живу без тебя".

После сетований Клеопатра, украсив гробницу мужа венком, удалилась во дворец. И тут вступил в действие ее последний план, разрушивший замыслы Октавиана. Как пишет Плутарх в "Сравнительных жизнеописаниях", Клеопатра велела приготовить себе "купание, искупалась, легла к столу. Подали богатый, обильный завтрак. В это время к дверям явился какой-то крестьянин с корзиною. Караульные спросили, что он несет. Открыв корзину и раздвинув листья, он показал горшок, полный спелых смокв. Солдаты подивились, какие они крупные и красивые, и крестьянин, улыбнувшись, предложил им отведать. Тогда они пропустили его, откинувши всякие подозрения. После завтрака, достав табличку с заранее написанным и запечатанным письмом, Клеопатра отправила ее Цезарю, выслала из комнаты всех, кроме обеих женщин, которые были с нею в усыпальнице, и заперлась. Цезарь распечатал письмо, увидел жалобы и мольбы похоронить ее вместе с Антонием и тут же понял, что произошло. Сперва он хотел броситься на помощь сам, но потом, со всею поспешностью, распорядился выяснить, каково положение дела. Все, однако, совершилось очень скоро, ибо, когда посланные подбежали ко дворцу и, застав караульных в полном неведении, взломали двери, Клеопатра в царском уборе лежала на золотом ложе мертвой. Одна из двух женщин, Ирада, умирала у ее ног, другая, Хармион, уже шатаясь и уронив голову на грудь, поправляла диадему в волосах своей госпожи. Кто-то в ярости воскликнул: "Прекрасно, Хармион!" — "Да, поистине прекрасно и достойно преемницы стольких царей", — вымолвила женщина и, не проронив больше ни звука, упала подле ложа…"

УКУС ЗМЕИ ИЛИ ПРОСТО ЯД?

О том, что стало причиной смерти Клеопатры, споров было не меньше, чем о других значимых моментах ее биографии. А возможно, даже и больше, ибо гибель египетской царицы, которая демонстративно предпочла уход в небытие любым попыткам цепляться за жизнь в надежде сохранить ее хотя бы ценой позора во время римского триумфа и последующего заточения, импонировала даже ангажированным римским историкам. С их точки зрения, Клеопатра наконец-то поступила в строгом соответствии с истинно римским каноном поведения. "Храбрость обреченных вызывает восхищение даже у их врагов", — отозвался о ней Плутарх. В оде, написанной вскоре после ее смерти, Гораций осуждает Клеопатру за ее прежнее безрассудство, но восхищенно воспевает финал ее жизни: "Мужества не женского полна!.." Это была высшая похвала, которую представительница слабого пола могла услышать от римлянина.

"Она облеклась в царские одеяния и возлегла на золотое ложе в зале, — пишет Пьер Деке. — Когда после поражения при Акции Клеопатра всячески добивалась восстановления военного могущества и готовилась к побегу, она изучала способы самоубийства, заставляя палачей испытывать бывшие в ее распоряжении яды на приговоренных к смерти преступниках. Еще тогда она выбрала укус аспида. Клеопатра раздразнила спрятанную в корзине со смоквами змею и протянула к ней руку. Голова, как она и ожидала, стала тяжелой-тяжелой, от внезапной дремы оцепенели члены. Царица успела лишь ощутить, как на лице проступил пот".

Впрочем, Жорж Блон уверен, что "змея, ставшая столь же известной как змей-искуситель, не была ни аспидом, ни гадюкой, а почти наверняка разновидностью кобры; ее укус вызывает быструю безболезненную смерть". Тут справедливости ради надо отметить, что все кобры как раз и принадлежат к семейству аспидовых.

А существовала ли вообще эта прославленная змея или ее придумали после? Конечно, принять смерть от земного воплощения самой божественной власти над Египтом для последней повелительницы этой земли было вдвойне почетно. "Беспримерное мужество Клеопатры потрясло весь римский лагерь", — констатирует Стейси Шифф. И вроде бы сам Октавиан не сомневался (или внешне показывал такую уверенность), что царицу убил укус аспида. Явившись в мавзолей вслед за своими посланцами, победитель увидел мертвую Клеопатру и приказал

послать за псилами — потомственными ливийскими заклинателями змей, которые по тогдашним представлениям умели возвращать недавно укушенных к жизни. Понятно, что Клеопатру псилы вернуть к жизни не смогли.

Но, раз Октавиан послал за заклинателями змей, значит, в тот момент сомнений в причастности к ее смерти аспида или иной ползучей твари не было? "Две крохотные ранки на руке" можно найти только при тщательном осмотре… Эта уверенность Октавиана наводит некоторых специалистов на мысль, что на самом деле Клеопатра была убита по его тайному приказу, а романтическая история с воспетым вскоре Горацием "острозубым змеем" придумана заранее и намеренно, чтобы скрыть убийство. Причиной же расправы стало то, что Октавиан вовсе не был уверен, что римские граждане не проникнутся во время его триумфа сочувствием к злосчастной пленной царице. Или же Октавиан специально спровоцировал самоубийство Клеопатры — то есть Корнелий Долабелла сообщил ей о грядущем отъезде по прямому распоряжению властителя…

Смерть Клеопатры. Художник Х. Макарт

Однако при всем том, что отображение в документах и текстах всех перипетий своего правления Октавиан

контролировал весьма жестко, уверенности в том, что именно змея погубила Клеопатру, не выражает ни один из римских историков. Ни у Диона Кассия, ни у Плутарха твердого мнения нет. Даже Страбон, появившийся в Египте вскоре после смерти царицы, не доверял рассказам о роковом аспиде.

Стейси Шифф, которая почему-то, подобно Блону, противопоставляет кобру и аспида, в змеиную версию категорически не верит: "…вряд ли бы женщина, известная своим благоразумием, могла доверить свою судьбу дикой твари. В ее распоряжении было много более быстрых и безболезненных способов распрощаться с жизнью… Ни одна кобра не может убить трех женщин подряд". Вот это, безусловно, верное замечание, равно как и то, что "египетская кобра, достигающая двух метров в длину, не могла долго прятаться в корзине со смоквами. Да она бы в ней попросту не уместилась".

Шифф придерживается мнения, что Клеопатра выпила один из имевшихся у нее ядов, возможно даже, принесенный из тайника в той самой корзинке с фруктами. Наиболее вероятным исследовательнице кажется использование смеси "цикуты и опия, которой отравили Сократа". Заметим, что Сократа погубила не цикута, а болиголов пятнистый.

Конечно, царица могла воспользоваться смесью наркотика с ядовитой растительной субстанцией, и не только вышеуказанной. Вполне пригодилась бы с этой целью и африканская клещевина, листья которой могли есть гусеницы только одного вида бабочек, дававших желтый от природы шелк, ценившийся во времена Клеопатры не меньше, чем ткани, окрашенные драгоценным пурпуром. Было известно и растение, получившее потом в Европе название лунная фиалка, а тогда связанное с именем чародейки и отравительницы Медеи. Им издревле лечили генетически обусловленную болезнь — средиземноморскую лихорадку. Но малейшее превышение крошечной дозы превращало лекарство в смертельный яд.

Однако в самом раннем из письменных сообщений о смерти египетской царицы все-таки сказано: "Клеопатра усыпила бдительность стражи, чтобы добыть змею и умереть от ее яда". Но тут возникает один вопрос — смерть от укуса кобры отнюдь не мгновенна, так же как и от большинства растительных токсинов, и не слишком красиво выглядит. Даже если применить еще и наркотическое средство. А вся финальная сцена разыгравшейся в Александрии неподдельной трагедии заняла час, вряд ли два — ну, сколько времени шел посланник с письмом к Окта-виану от мавзолея до дворца и бежали в обратном направлении приближенные Августа?..

Впрочем, прежде чем перейти к ""змеиному вопросу", вспомним, что есть еще и "дерево смерти" — анчар, предание о котором вдохновило Пушкина на знаменитое трагическое стихотворение. Оно отнюдь не легенда, растет и в Индии, и в Африке, на вид вполне декоративно, так что могло существовать в каком-нибудь храмовом или дворцовом саду за надежной оградой. Конечно, воздух пропитать отравой анчар неспособен, но древние врачи свидетельствовали, что человек, которому сок анчара попал в кровь или на слизистую оболочку, мог после этого пройти не больше восьми шагов, а на девятом умирал. Так что Клеопатре было бы достаточно извлечь из той корзинки недавно срезанную веточку анчара и пожевать ее или провести свежим изломом по незажившим ранам на груди.

Быстрой могла бы оказаться и смерть от змеиного яда, если правильно выбрать змею. В Африке водится, например, такая чрезвычайно ядовитая змея, как черная мамба, тоже из семейства аспидов. Имя она получила за черную окраску пасти, которая распахивается перед жертвой, словно адская бездна. Она стремительно перемещается и, как правило, кусает не один раз, атакуя снова и снова. Смертельная доза ее яда для взрослого человека составляет 15 мг, а в мешке ядовитой железы единовременно может содержаться и 400 мг. Хватило бы не только на трех измученных женщин, а и на всю римскую стражу у дверей мавзолея. Яд мамбы вызывает быстрый паралич и смерть. Ничто не мешало Клеопатре заблаговременно отправить экспедицию за этими милыми созданиями, как это издавна было принято не только у Птолемеев, но и у фараонов древних династий. И даже организовать в тайных закоулках дворцовых садов или храмовых комплексов целый змеиный питомник. Это тоже была обычная практика.

И если царице могли привозить щелк из далекого Китая и индийские драгоценные камни" то почему не могли доставить из Индии еще один вид аспидовых змей, известный под названием крайт. Вернее, видов крайта существует много, и все они очень опасны. От большинства змей они отличаются не только крайне высокой токсичностью яда, но и тем, что яд, скажем, ленточного крайта легко преодолевает гематоэнцефалический барьер, обычно защищающий нервную систему человека от вредных веществ, попавших в кровь. Но в случае с крайтом эта защита не работает. Особенно если укус пришелся в крупный кровеносный сосуд — тогда яд прямо воздействует на головной мозг, В этом случае смерть наступает поистине стремительно. Даже обычный случайный укус ленточного крайта может убить человека за полчаса. А если крайт укусит жертву в голову или шею, тем паче

в сонную артерию, то счет времени пойдет даже не на минуты — на секунды. Собственно говоря, именно это описал в своем знаменитом рассказе "Пестрая лента" Конан Дойл (он использовал старинное английское название крайта — болотная гадюка).

Причем, поскольку яд крайта представляет собой нейротоксин, то на теле жертвы не остается никаких внешних признаков — ни опухоли в месте укуса, ни пятен. Только те самые едва заметные две точки от зубов.

И ведь если вдуматься, то не случайно на многих живописных полотнах, изображающих смерть Клеопатры, царица либо уже лежит бездыханная со змеей на груди, либо подносит рептилию к голове или шее…

Пожалуй, единственной проблемой версии с аспидовыми змеями является их внушительный размер. Двухметровый крайт — обычное дело, мамба может вырасти и до четырех с лишним метров. И даже если вспомнить о кобре, это, как верно указано выше, змея тоже совсем немаленькая.

Но в Египте испокон веков водилась еще одна смертоносная рептилия в нескольких вариантах — эфа песчаная и пестрая. Она относится к семейству гадюк, но намного превосходит ядовитостью большинство их. Вот как описывает современный автор такую змею, забравшуюся в ванну к героине: "Разглядев характерный белый крест на голове змеи, молодая женщина сразу же поняла, с кем имеет дело. Пестрая эфа. Всех оманских детей с малых лет учили узнавать этот зловещий знак… Пестрая эфа встречалась в здешних местах довольно часто. Змея предпочитала тенистые уголки, ее можно было часто увидеть свисающей с дерева подобно сухой ветке. Яд эфы обладает гемотоксичным и нейротоксичным действием. Это сочетание смертельно: после укуса конец наступает меньше чем через десять минут. Эфа нападает на врага так молниеносно и стремительно, что в древности змею считали способной летать" (Джеймс Роллинс "Песчаный дьявол").

Смертельная доза яда эфы для человека составляет всего 5 мг, а впрыснуть за один укус она без труда может в два с лишним раза больше. При этом она невелика, чуть больше полуметра в длину, и весит максимум 200 граммов. Таких змей, для верности — в отдельных мешочках — можно легко спрятать несколько штук даже в не очень объемистой корзинке.

Но смертельно ядовитыми бывают не только змеи. Опаснейший наук каракурт обычно ассоциируется у нас со Средней Азией, но он и в Египте водится испокон веков. И есть сведения, что древние ученые прекрасно знали, как следует

содержать пауков или скорпионов, чтобы придать им максимальную ядовитость.

Среди индийских и китайских диковинок Клеопатре могли доставить и такое экзотическое создание, как синекольчатый осьминог. Это яркий и очень маленький осьминог, чуть больше ладони, но его укус (роговым клювом, характерным для всех головоногих) смертелен: в клюве у него живут бактерии-симбионты, вырабатывающие тетродотоксин, один из сильнейших ядов среди всех известных даже сейчас. Он в 25 раз превосходит по токсичности кураре, почти в 300 раз — цианиды. И, кстати, противоядия от него нет до сих пор.

Но даже красивый смертоносный осьминожек мог показаться слишком большим и сложным в доставке. Разумеется, по сравнению с другими прекрасными на вид существами из прибрежных вод Юго-Восточной Азии — моллюсками-конусами, из раковин которых получаются такие красивые ожерелья, известные с древнейших времен. Конусы — хищники, ловят мелких рыбок, рачков, морских червей. И, подобно змеям, обездвиживают добычу ядом. Тем же самым тетродотоксином, который впрыскивают в тело жертвы, вонзая острую терку-радулу. Укол некоторых конусов опасен и для людей, скажем, географический конус (Conus geographus) вводит такую дозу яда, что взрослый человек, неосторожно взявший в руку симпатичную ракушку, может умереть через две-три минуты.

А можно было обойтись и без этой — относительной — экзотики. Тот же чудовищный яд тетродотоксин содержится в рыбах семейства иглобрюхов. Это не только фугу, которую так ценят гурманы-экстремалы в Японии, но и легкодоступные древним египтянам виды, обитающие в Красном море. Более того, один из ядовитых иглобрюхов, факах, водится непосредственно в священных водах Нила… Так что, может, и не в корзинке было дело, а в кушаньях, заказанных царицей для последнего обеда. Вряд ли римляне, не так уж хорошо знакомые с египетскими реалиями и значением ритуальной пищи, могли догадаться, что свежеприготовленные рыбки на золотой тарелке способны отнять у Октавиана пленницу.

ТРИУМФ ОКТАВИАНА И СУДЬБА ДЕТЕЙ КЛЕОПАТРЫ

После возвращения Октавиана в Рим были отпразднованы три его великих триумфа. В первый день отмечали сделанные им завоевания в Европе, во второй день праздновали победу в битве при Акции, а третий день был посвящен победе над Египтом. Во время последнего триумфа по улицам Вечного города провезли большую статую Клеопатры со змеей, обвившей ее руку. Кроме того, двух детей Клеопатры, близнецов Александра Гелиоса и Клеопатру Селену, заставили идти пешком среди пленных в этой прославляющей Октавиана процессии. Помимо статуи Клеопатры по римским улицам провезли фигуры, которые олицетворяли великий Нил и побежденный Египет, на специальных повозках — взятые в побежденной стране трофеи. Римская чернь, как и предвидела Клеопатра, поносила последнюю египетскую царицу уничижительными и бранными словами, попутно славя мудрого Октавиана.

Римский поэт Квинт Гораций Флакк (вместе со своим покровителем Меценатом присутствовавший при битве у мыса Акций) написал отличающуюся высоким стилем оду, выразив общие чувства римлян, осуждавших покойную египетскую царицу как врага римского государства.

Троих детей Клеопатры от Марка Антония взяла к себе Октавия Младшая, старшая сестра Октавиана (получившего вскоре после триумфов титул Августа), бывшая жена Марка Антония. Она была одной из самых уважаемых и почитаемых (за благородство и преданность) римлянок того времени. После смерти Клеопатры и Антония она жила уединенно, взращивая своих пятерых детей (троих детей — от первого брака с Гаем Клавдием Марцеллом Младшим и двух дочерей — Юлию Антонию Старшую (39 г. до н. э.) и Юлию Антонию Младшую (31 января 36 г. до н. э.) от Марка Антония) и детей Клеопатры и Антония "в память о муже". Существует версия, что именно Октавия спасла детей Клеопатры и Антония от казни. По мнению Артура Вейгалла, казнь детей "вызвала бы глубокое возмущение египтян, а так как Октавиан теперь являлся законным наследником трона Египта и династическим преемником Клеопатры, а не иностранным узурпатором, было очень хорошо, что его собственная сестра стала заботиться об этих членах царской семьи".

По словам Плутарха, "Антоний оставил семерых детей от трех

жен, и лишь самый старший из них, Антулл, был казнен Цезарем. Всех прочих приняла к себе Октавия и вырастила наравне с собственными детьми. Клеопатру, дочь Клеопатры, она выдала замуж за Юбу, самого ученого и образованного среди царей", благодаря чему и до нас дошел бюст одной из Клеопатр из Шершелл.

Судьба Александра Гелиоса и Птолемея Филадельфа до сих пор неизвестна, возможно, потому, что они рано умерли. Тацит в своих книгах упоминает, что Антоний Феликс, прокуратор Иудеи при императоре Нероне, женился (вторым браком) на Друзилле, внучке Клеопатры и Антония.

Фрагмент статуи Юбы II

Но другая судьба ожидала Цезариона, которого Октавиан давно в своих тайных планах приговорил как потенциального конкурента — наследника Юлия Цезаря — к смерти. Наверняка об этом подозревала и Клеопатра, отославшая Цезариона (в трехлетием возрасте провозглашенного ею соправителем и именуемого — Птолемей XV Филопатор Филометор Цезарь) после подхода армии Октавиана к столице Египта Александрии.

Старший сын, которому исполнилось семнадцать лет, должен был отплыть в Индию, чтобы спастись от Октавиана. По мнению Артура Вейгалла ("Клеопатра. Последняя царица Египта), "Октавиан отправил гонцов в Беренику, порт на Красном море (называлось тогда Аравийским заливом), пытаясь не допустить отъезда Цезариона в Индию, ведь он, без сомнения, слышал о том, что молодой человек решил оставаться в том городе до самого последнего момента. Наставник Цезариона Родон порекомендовал ему довериться Октавиану, и по его совету они возвратились в Александрию, куда прибыли, вероятно, вскоре после смерти Клеопатры. Октавиан приказал немедленно казнить Цезариона, оправдывая этот шаг тем, что двум Цезарям опасно находиться вместе в мире. Так умер последний фараон Египта из рода Птолемеев, сын и единственный настоящий наследник великого Юлия Цезаря. Двое других детей, которые оставались во дворце, Птолемей и Клеопатра Селена, с первой оказией быта отправлены в Рим, а в Мидийскую Атропатену, видимо, быта посланы гонцы, чтобы завладеть Александром Гелносом, который, как мы уже видели, вероятно, отправился туда ранее".

Цезарион, последний царь Египта, быт убит по приказу Октавиана 23 августа 30 г. до н. э.

Существует версия, скорее оправдывающая этот приказ Октавиана, чем соответствующая исторической действительности якобы во время размышлений диктатора Рима, приемного сына Юлия Цезаря, как поступить с его родным сыном, любимый философ и наставник Октавиана Арий Дидим произнес: "Нет в многоцезарстве блага…"

Но на этом посмертная трагическая история Цезариона не закончилась — ученый-энциклопедист и историк Гай Светоний Транквил в жизнеописании "Божественный Август" ("Жизнь двенадцати цезарей") сообщает, что Гай Оппий упорно доказывал, что Цезарион в действительности не сын Цезаря, и даже написал по этому поводу целую книгу, "как будто это нуждалось в оправдании или опровержении". Может быть, именно Октавиан Август хотел, чтобы та казнь Цезариона для потомков и истории выглядела как законная, и жертва никак не была связана с самим Юлием Цезарем….

ПОХОРОНЫ КЛЕОПАТРЫ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ПОИСКИ ГРОБНИЦЫ

Как утверждают очевидцы, Октавиан, хоть и был крайне раздосадован смертью Клеопатры, таким образом, избежавшей участия в его триумфе, но не мог не подивиться ее благородству и, дабы не высказывать своего неудовольствия произошедшим, повелел с надлежащей пышностью похоронить тело царицы рядом с Антонием. Кроме того, с почетом были погребены по приказу Октавиана и обе доверенные служанки Клеопатры, умершие вместе с ней. Древнеримский историк Дион Кассий в своих текстах утверждает, что перед погребением тела как Марка Антония, так и Клеопатры были забальзамированы. Спустя 16 веков Уильям Шекспир написал: "Земля не знала // Могил с такой великою четой".

Клеопатра прожила тридцать девять лет, из которых двадцать два года она была царицей. Из них четырнадцать лет она царила совместно с Марком Антонием. После смерти Клеопатры и Антония его статуи и изображения были сброшены в Александрии и других местах с цоколей и уничтожены. Такая участь должна была постичь и статуи Клеопатры, но их спасла (на время) жадность Октавиана: один из немногих сохранившихся друзей умершей царицы, Архибий, предложил римскому диктатору две тысячи талантов, и тот, взяв деньги, оставил статуи в покое. Помимо этого это решение было Октавиану на руку — по мнению историков, статуи Клеопатры часто бывали неотличимы от изображений богини Исиды. А разрушать статуи одной из самых могущественных египетских богинь в захваченной римлянами Александрии и других местах означало вызвать недовольство жителей осквернением святилищ. По всей видимости, статуи Клеопатры могли просуществовать еще несколько столетий…

Заблаговременно, следуя традициям родной земли, Клеопатра в течение нескольких последних лет жизни строила себе мавзолей (гробницу) и погребальный храм, где жрецы должны были приносить жертвы ее духу. Именно на втором этаже этого мавзолея египетская царица и находилась под стражей после входа в Александрию войск Октавиана. Здесь же она и покончила с собой…

Поиски этого мавзолея (который, если верить записям Плутарха, был окружен другими постройками, очевидно,

приготовленными для членов царской семьи и придворных) продолжаются до сих пор. По мнению Артура Вейгалла, эти строения были возведены не на территории царского некрополя Семы, который располагался на одной стороне улицы Канопус, а "рядом с храмом Исиды-Афродиты, который высился на восточном берегу мыса Лохиас. Из замечаний Плутарха я делаю вывод, что гробница царицы в реальности была частью храмовых построек, и если так, то Клеопатра, вероятно, подразумевала, что ее останки будут покоиться на территории святилища богини, с которой ее отождествляли. Таким образом, после ее смерти верующие в храме Исиды будут возносить свои молитвы к собственному духу Клеопатры, а ее бренные останки станут священными реликвиями богини-покровительницы. Мавзолей поражал своей высотой и прекрасным мастерством исполнения. Вероятно, он был построен из ценных пород мрамора и состоял из нескольких камер. На первом этаже мое воображение рисует зал с колоннами, в который можно было войти через двойные украшенные двери из кедра и который вел во внутреннюю усыпальницу, где стоял саркофаг, готовый принять тело царицы. Из этого зала каменная лестница, вероятно, вела в верхние помещения, пол которых был сделан из огромных гранитных плит, являвшихся потолком для нижнего зала. Возможно, там был и третий уровень, помещения которого, подобно камерам на первом этаже, были предназначены для приготовления ладана, жертвоприношений и хранения облачений, используемых жрецами при соответствующих церемониях. Большие оконные проемы в стенах этих верхних помещений, вероятно, выходили на море с одной стороны и во двор храма Исиды — с другой. Но, как было принято в египетских постройках, в нижнем зале и святилище не было вообще никаких окон, а свет, проникая сюда, попадал внутрь через дверной проем и маленькие отверстия под потолком. Июльская жара не проникала в этот каменный мавзолей; верхние помещения, наверное, постоянно продувались прохладным ветром с моря, а яркий солнечный свет снаружи здесь приглушался и смягчался, отражаясь от мраморных стен. Ритмичные удары прибоя о каменную набережную под окнами, выходящими на восток, и пронзительные крики чаек эхом отдавались в комнатах усыпальницы, в то время как с западной стороны в прохладные укромные уголки этих продуваемых ветром залов вторгались, как звуки покинутого мира, пение жрецов в прилегающем храме и отдаленный городской шум. Здесь Клеопатра решила поселиться, как только Октавиан начнет штурм стен города. Она решила, что в случае поражения она убьет себя, и ввиду этой перспективы распорядилась перенести в

мавзолей свои сокровища: золото, серебро, эбеновое дерево, слоновую кость, корицу, а также украшения с жемчугом, изумрудами и другими драгоценными камнями, где их сложили на погребальный костер, сооруженный на каменном полу одного из верхних залов. Если понадобится положить конец своим несчастьям, она решила подвергнуть себя смертельному укусу змеи и, собрав последние силы, поджечь костер, огонь которого поглотит и ее тело, и ее богатства…"

Но мавзолей легендарной египетской царицы поглотил не огонь, а всесильное время и всевозможные катаклизмы — землетрясения и цунами, многочисленные нашествия и восстания" сопровождающиеся пожарами и разрушениями, на месте других древних сооружений возникли новые постройки.

При этом возник парадокс — по мере того как в наше время образ Клеопатры становился все популярнее, обретая "вторую", несвойственную ему жизнь, в том числе в искусстве (и в большей степени — в его коммерческих разновидностях), археологических данных о возможном расположении гробницы легендарной египетской царицы не прибавилось.

Уже несколько раз появлялись обнадеживающие интервью исследователей, что найдены сооружения, которые можно идентифицировать как руины гробницы Клеопатры, и останки как самой Клеопатры, так и Марка Антония. Но в дальнейшем ни одно из этих заявлений так окончательно и не подтвердилось, оставшись на уровне так и доказанных учеными гипотез.

Многое из древних сооружений оказалось под водой, в том числе и то, что за три века царствования возводила династия Птолемеев. Поэтому поиски гробницы Клеопатры уже несколько десятилетий продолжаются на дне морском (где находятся и многие постройки старой Александрии), причем используется самая передовая техника.

В начале 90-х годов прошлого столетия французский исследователь Франк Годдио, один из самых знаменитых и удачливых археологов подводного мира, опытный охотник за подводными сокровищами, обладатель громкого прозвища Морской Индиана Джонс, возглавил экспедицию созданного им Европейского института подводной археологии, начавшую раскопки на дне Средиземного моря. Исследования (в том числе затопленных царских кварталов Острова Антиродос, где находился дворец Клеопатры) и последующая обработка данных, включая детальные топографические обзоры с применением сложного электронного оборудования, и раскопок в Восточной Гавани, заняли четыре года. Со дна морского были подняты огромные каменные сфинксы, гигантские плиты для мощения

улиц, гранитные колонны и канители, а на карту учеными были нанесены затонувшие части античной Александрии с ее пирсами и эспланадами. По мнению участников экспедиции, из-за землетрясений царские кварталы Александрии постепенно опустились ниже уровня моря, и примерно в IV столетии н. э. царский район города оказался полностью затопленным. Франк Годдио, представивший свои находки, на основании данных раскопок утверждал, что Александрия на протяжении,300 лет являлась крупнейшим городом мира. Город по праву считался одним из культурных и религиозных центров Древнего мира и был известен своей знаменитой библиотекой (содержащей 700 000 уникальных свитков), привлекавшей ученых из разных стран.

Но заветное желание Франка Годдио ("Моя мечта — найти статую Клеопатры, причем с картушем") в ходе исследований так и не сбылось. Дайверам в ходе многочисленных погружений не удалось обнаружить ни гробницу Клеопатры, ни ее личные вещи, ни место захоронения Антония.

Одно из предполагаемых мест, возле которого может располагаться гробница Клеопатры, — это храмовый комплекс в Филах, который расположен на острове посреди Нила к югу от Асуана. Большую его часть возвели фараоны из династии Птолемеев. На этом острове, по древнеегипетским поверьям, был погребен Осирис. В античности к нему применялся эпитет "недоступный": на священной земле могли жить только жрецы.

Его супруге Исиде, которая силой своей любви воссоединила рассеянные по земле части тела супруга и воскресила его, были посвящены храмы, воздвигнутые на Филах. Культ богини на этом острове восходит к древнейшим временам, и было традицией, по крайней мере раз в году совершать паломничество на священный остров. Клеопатра, как и большинство других цариц из династии Птолемеев, считала себя земным воплощением великой богини. Храм в Филах просуществовал до времен Юстиниана, оказавшись одним из последних языческих святилищ на землях Византии. Филы под охраной ЮНЕСКО находится как памятник Всемирного наследия.

Другое предполагаемое место гробницы Клеопатры — возле храма Тапосирис Магна (современный Абусир). Храм Осириса расположен в 45 километрах к западу от Александрии и был построен в правление царя Птолемея II. Это священное место — одно из тех, где, по легенде, было захоронено тело Осириса. Весной 2009 года тогдашний министр по делам древностей Египта Захи Хавасс проинформировал СМИ, что в результате радарной съемки в храме учеными был найден 120-метровый тоннель, заполненный песком. В ходе раскопок были найдены

статуя женщины, которая, возможно, и была той самой легендарной Клеопатрой, несколько монет, предположительно отчеканенных во время ее правления, и посмертная маска мужчины, которая могла принадлежать Марку Антонию. Но, несмотря на оптимизм (еще в ноябре 2006 года Захи Хавасс заявил журналистам, что "мы ищем гробницу Клеопатры. До нас еще никто никогда не вел систематических поисков захоронения последней царицы Египта"), гробница Клеопатры (как и Марка Антония) так до сих пор не найдена. Ни в окрестностях этого храма, ни в других местах. Поиски гробницы обреченных великих любовников продолжаются…

ЕГИПЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ КЛЕОПАТРЫ

После смерти Клеопатры, но достоинству оценив ее усилия, направленные против ассимиляции Египта Римом, Октавиан придумал хитроумный ход, практически превращавший египетские земли в свое личное владение. Не желая подавлять восстания и мятежи (правда, они позже все равно вспыхнули), Октавиан, по всей видимости, заявил местным жрецам и прочим оставшимся управленцам Египта, что является законным наследником трона Птолемеев. Помимо римских легионов, оккупировавших Египет, римский диктатор обладал еще одним реальным правовым аргументом — Юлий Цезарь был признан в Египте супругом Клеопатры, а он, Октавиан, был приемным сыном и наследником Цезаря.

Проблема была только в детях Клеопатры (в первую очередь Цезарионе), но, как было цинично сформулировано несколько столетий спустя: "нет человека — нет проблемы", и после казни Цезариона и отправки остальных детей Клеопатры в Рим Октавиан (при поддержке римского оружия) де-факто становился единственным законным претендентом на египетский трон. Уцелевшей после неизбежной "чистки" после смены власти в стране египетской элите пришлось смириться с этим фактом, и поэтому на стенах храмов появились имя и титул нового владыки, написанные иероглифами: "Царь Верхнего и Нижнего Египта, сын Солнца, вечно живущий Цезарь, любимый Птахом и Исидой".

Таким образом, была не уязвлена гордость египтян — они, вместо того чтобы стать, как другие проигравшие Риму государства, его данниками, вассалами, стали подданными непосредственно Октавиана, владыки Рима, т. е. подданными своего собственного царя, который одновременно был римским императором. Время правления династии Птолемеев ушло в безвозвратное прошлое…

Но при этом Октавиан, который должен был вернуться в Рим, не мог заниматься лично управлением Египтом, и поэтому он назначил своим наместником доверенное лицо — Гая Корнелия Галла (того самого, участвовавшего в захвате Клеопатры живой и невредимой с сокровищами в ее гробнице), который и занял нововведенную должность префект Египта.

При этом структура управления Египтом, введенная Октавианом, отличалась от остальных в римских провинциях — назначенный префектом Гай Корнелий Галл подчинялся только Августу и не был подотчетен перед сенатом.

Гай Корнелий Галл взяв под контроль все египетские земли и

разобравшись с недовольными, установил власть Рима. Затем он установил добрососедские отношения с царством Куш. В Египте в его честь были воздвигнуты статуи и сделаны надписи с изложением его деяний — в том числе на нильском острове Филы: "Гай Корнелий Галл, сын Гнея, римский всадник, первый префект Александрии и Египта после низложения царей Цезарем, сыном божественного. Когда отложилась Фи-ваида, он победил врага за 15 дней, в течение которых одержал победу в двух сражениях, взял пять городов: Боресу, Коптос, Керамик, Великий город Зевса, Офиессу. Захватив вождей этих мятежей, он провел войско за порог Нила; прежде до этого места не доходили вооруженные силы ни римского народа, ни царей. Покорив Фиваиду, общину, устрашавшую всех царей, дав у Фил аудиенцию послам царя эфиопов и приняв этого царя под покровительство, назначив тирана в Триаконтасхену, одну из областей Эфиопии, посвятил отеческим богам и Нилу-помощнику".

Но, несмотря на подробно описанные заслуги, через четыре года префект попал в немилость, был сослан, а его имущество конфисковали. Затем Гай Корнелий Галл, вернувшийся в Рим и привлеченный к судебной ответственности, повторил судьбу Марка Антония, покончив с собой при помощи меча.

Что еще получил сам Октавиан от захвата Египта? Ответ простой — сокровища. Причем это были не только сокровища Клеопатры, часть которых — золотая и серебряная посуда — была переплавлена и обратились в звонкую монету, которой Октавиан выплатил жалованье своим верным римским солдатам. Октавиан вывез все сокровища из дворцов, захватил царские земли и собственность Птолемеев, а также тех, кого сочли нелояльными к новой власти.

Октавиан, выигравший войну с Клеопатрой и Антонием, стал не только первым римским императором, но сказочно богатым человеком. Самым богатым в мире…

ОБРАЗ КЛЕОПАТРЫ В КИНО

Как один из самых романтических во всей человеческой истории, сюжет о последней египетской царице стал и одним из первых воплощенных в кинематографе. В 1899 году во Франции режиссером Жоржом Мельесом был снят немой черно-белый фильм "Клеопатра" с Жанной д'Альси в главной роли. Через 11 лет на французских экранах появилась уже другая "Клеопатра" — тоже немой черно-белый фильм, поставленный по пьесе Уильяма Шекспира "Антоний и Клеопатра" режиссерами Генри Андреани и Фердинанд Зекка. Главную роль в нем сыграла Мадлен Рош. Через несколько месяцев очередная "Клеопатра" вышла за океаном — режиссер Чарльз Л. Гэскилл поставил на американской земле немой черно-белый фильм с Хелен Гарднер в главной роли.

После этого сюжет о прекрасной египтянке, столь любимой властными мужчинами, стал в США популярным, и во время Первой мировой войны Гордон Эдвардс снял немой чернобелый фильм "Клеопатра". Царицу сыграла Теда Бара.

Через семнадцать лет "Клеопатра" режиссера Сесиля Б. Де Миля с Клодет Кольбер в главной роли стала номинантом на премию "Оскар". Следующая "Клеопатра" появилась уже после войны — в 1945 году режиссером и продюсером Габриелем Паскалем был поставлен цветной фильм "Цезарь и Клеопатра" по одноименной пьесе Бернарда Шоу (и последний фильм, снятый по пьесе Шоу при его жизни). Главные роли в картине сыграли Клод Рейнс и Вивьен Ли. "Цезарь и Клеопатра" был номинирован на премию "Оскар" в категории "Лучший художник-постановщик". Оказавшийся самым дорогим британским фильмом, снятым в 1940-е годы (режиссер для создания эффекта достоверности, точнее, кинематографического цвета, организовал доставку песка для съемок из Египта), картина провалилась в прокате.

Через шесть лет на экраны вышел "Антоний и Клеопатра", главную роль в котором сыграла Паулин Летс.

В 1953 году на экраны вышел фильм с громким названием — "Две ночи с Клеопатрой". Главную красавицу Древнего Востока сыграла одна из самых красивых и обольстительных женщин 1950 —1960-х годов Софи Лорен.

Какое отношение мог иметь Рональд Рейган к Клеопатре? В 1953–1962 годах в Америке шел сериал "Театр "Дженерал Электрик"" (режиссеры Хершел Догерти, Дон Медфорд, Джон Брам). В 1957 году вышел 7-й сезон и его 28-й эпизод назывался "Цезарь и Клеопатра". В роли Клеопатры — Лаура Пайпер. А вот

текст читал актер Рональд Рейган.

В 1959 году в кино появилась картина с воинственным названием — "Легионы Клеопатры". Клеопатру сыграла Линда Кристал.

В 1962 году на экраны вышла франко-итальянская историческая драма "Царица для Цезаря" (режиссеры Пьеро Пьеротти и Виктор Туржанский). В роли египетской царицы — Паскаль Пети. В течение ста минут зрители могли насладиться не только красотой Клеопатры, но и узнать о ее непростых отношениях с братом Птолемеем и влюбленным, но практичным владыкой Рима Цезарем.

В 1963 году появилась самая известная киноКлеопатра — красочный исторический фильм режиссера Джозефа Манкевича с Элизабет Тейлор и Ричардом Бёртоном в главных ролях. Клеопатра хитростью попадает в покои Цезаря, которому ее брат уже сообщил, что она погибла. Цезарь возвращает ей власть и задерживается в Египте. Сын, которого приносит Цезарю Клеопатра, признан отцом как наследник и должен стать порукой покровительства Рима над Египтом. Цезарь уезжает в Рим и через несколько лет вызывает к себе Клеопатру. Египетская царица в столице империи устраивает свой приезд с необычайной роскошью. Клеопатра вместе с сыном остается жить на вилле Цезаря. Политическим деятелям в Риме не понравилось, что Цезарь оказывает такие почести своей провинциальной фаворитке. Сложная политическая борьба закончилась покушением и смертью Цезаря. Клеопатра вынуждена поспешно и тайно покинуть Рим. Во второй части картины Антоний и Клеопатра встречаются и заключают любовный и политический союз. Ситуация совершенно не входит в планы Октавиана, и после возвращения Антония в Рим он устраивает брак по расчету между своей сестрой и Антонием. Узнав об измене своего любовника, Клеопатра отказывается платить дань империи. Пытаясь найти компромисс, Антоний возвращается к египтянке, и они встречаются на роскошном королевском корабле, на рейде Тарсуса. Их любовные отношения разгораются с новой силой, и римлянин подчиняется воле Клеопатры. Далее — гражданская война, морское сражение при Акциуме, поражение Антония и его смерть на руках у Клеопатры. Римские войска занимают город. Октавиан пытается заключить сделку с Клеопатрой и доставить ее живой в Рим, но та замечает на его пальце перстень ее сына и понимает, что Цезариона нет в живых. Клеопатра, которая не хочет доставаться как главный приз победителю Октавиану, также погибает, положив руку в корзину с ядовитой змеей.

Первый режиссер картины, Рубен Мамулян, поначалу

собирался отдать образ Клеопатры темнокожей актрисе, что вызвало множество споров, поскольку вопрос цвета кожи самой Клеопатры для ученых по-прежнему остается весьма спорным. Но по сложившейся в европейском и американском кинематографе традиции образ Клеопатры относится к представительницам белой расы. Поэтому предложение Мамуляна как слишком экзотическое (темнокожая Клеопатра совращает римских вождей, почти владык всего цивилизованного Древнего мира!) было отвергнуто. Наоборот, для контраста, чтобы подчеркнуть европейское происхождение рода царицы, ее статус и красоту, темнокожие актрисы были выбраны на роль некоторых служанок Клеопатры.

Сама Клеопатра перед зрителем предстает как образованный человек своего времени, политик, космополит, стратег, но при этом и женщина, наделенная всеми достоинствами прекрасного пола. Многомерный и сложный образ Клеопатры целенаправленно создавался руководством съемочной группы. Так, в одном из интервью популярному изданию режиссер Манкевич даже сравнил образ Клеопатры с Джоном Кеннеди.

Многие эпизоды фильма оказались, как потом заявили ученые, исторически достоверными. К тому же и отдельные реплики героев фильма были прямо заимствованы из настоящих античных источников. Например, известные последние слова героев картины в финале: "Не подобает царицам так уходить из жизни" и "Она ушла, как подобает самой прекрасной из рода божественных правителей и самой достойной из женщин".

В " Клеопатре" образца 1963 года нашли отражение события, которые относятся к известным античным легендам, в частности история с прибытием Клеопатры к Цезарю завернутой в ковре. Этот эпизод упоминается у Плутарха, только у него фигурирует не ковер, а "мешок для постели". Но при этом наиболее скандальные, с желтизной, легенды, в том числе плата жизнью за ночь любви, проведенной с Клеопатрой и т. д., регулярном убийстве ее любовников, в фильм включены не были.

Ричард Бертон (Марк Антоний) и Элизабет Тейлор (Клеопатра) в сцене на золотом корабле в фильме "Клеопатра" (1963 г.)

Производство фильма "Клеопатра" заняло более четырех лет и обошлось кинокомпании около 44 миллионов долларов, В прокате 1963 года, несмотря на полные залы и четыре полученные номинации на премию "Оскар", удалось собрать около 38 миллионов долларов, и поэтому "Клеопатра" стала нарицательным понятием, обозначающим крупный провал в шоу-бизнесе. А на показатели окупаемости картина вышла только через четыре года после выхода на экраны, когда были проданы права на телевизионный показ.

Но, несмотря на скромные финансовые показатели, фильм сделал легендарную царицу (как и саму древнеегипетскую тему) более популярной среди самых разных слоев населения Европы и Америке и — с задержкой — советских людей. Древний Египет вошел в моду прежде всего в одежде — фасон античной одежды героев "Клеопатры" оказал влияние на моду 1960-х годов, стал пользоваться успехом и "египетский" стиль макияжа. Использованные в "Клеопатре" платья породили подражания в духе античной моды, став одной из икон модной культуры всех времен.

Но одеждой влияние "Клеопатры" не ограничилось — вскоре после выхода картины на экраны компанией Revlon была

выпущена линия женских аксессуаров, навеянная использовавшимися в фильме. Известный модельер Тим Ганн, воодушевленный образом Клеопатры образца 1963 года, создал "платье Клеопатры" с длинным силуэтом, подчеркнутой талией и грудью.

ВАННЫ И АРОМАТЫ: СЕКРЕТ ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТИ КЛЕОПАТРЫ

Арти Д. Александер, этнограф и исследователь, убеждена: — Клеопатра не блистала красотой в том виде, какая являлась эталоном того времени. Но она обладала изысканным вкусом и определенным опытом управления, свойственным людям, желающим добиваться желаемой цели. Черты ее лица не были особо привлекательными, они были лишены приятной мягкости и мало походили на точеные лица египетских богинь, но особая харизма и обаяние делали ее невероятно привлекательной и желанной. И эта привлекательность поднимала ее нестандартную красоту до уровня самых прекрасных богинь Египта. Она умела окружать себя божественным ореолом тайн и ритуалов. Среди них был ритуал омовений, который, по мнению прислуживающих ей людей, был способен продлевать юность и дарить красоту. За пределами ее покоев ходили легенды о этих целебных ваннах, доверху наполненных молоком ослиц. Но, до того как молоко сливали в небольшой бассейн, его подогревали до температуры тела, и вливали немного ароматического масла. Когда Клеопатра совершала омовение, несколько служанок делами ей массаж, стимулирующий кровообращение и вместе с тем очищение и обновление кожи. Они поочередно растирали ноги от самых ступней до бедер и, переходя к ладоням рук, заканчивали массаж у самых плеч… Регулярно применяемое молоко ослиц имело свойство улучшать цвет кожи, от таких ванн она приобретала свежесть и значительно светлела. А сама царица выходила из ванны более бодрой и подтянутой, несмотря на то что жила довольно беспокойной жизнью, в которой было больше места для тревог и интриг, чем для бездумных радостей и спокойного отдыха. Все, что являлось на первый взгляд отдыхом или весельем, на самом деле было хорошо продуманным ею планом, где она была не простым участником, а организатором и главным действующим лицом. Она хорошо понимала, что для женщины, желающей добиться влияния и признания в обществе воинствующих мужчин, необходимо использовать именно свою женскую природу, а не искать силу, подобную мужской. Поэтому она сама изобретала многие рецепты красоты. Неважно, насколько они были действенны, важнее то, как о них говорили и восхищались. Так возникли легенды о том, что часть ее тайных рецептов содержала необычные ингредиенты. Например, сперму, и для этого царица якобы имела специально отобранных для

этого физически сильных и прекрасных внешне невольников. Также царица была неравнодушна к разным ароматическим притираниям и неплохо в них разбиралась. Она умела составлять собственные неповторимые ароматы из нескольких довольно простых и многим уже известных, которые ей доставляли в готовом виде. О ней говорили, что она никогда не показывалась на глаза неодетой или непричесанной. Ее глаза всегда были подведены тонкой линией, и казалось, что в любое время суток это неотъемлемая часть ее естественной красоты, натуральной, а не нарисованная чьей-то рукой.

ОСОБЕННОСТИ ЕГИПТА ВРЕМЕН КЛЕОПАТРЫ

Есть научное предположение, что в то время климат Египта не был таким жарким и сухим. Это была плодородная земля с густыми зарослями и тенистыми пальмами и с рукотворными каналами, прорезающими многочисленные поля. Нил периодически широко разливался, затопляя берега и окрестности, а уходя в прежнее русло, река оставляла богатый слой ила, которым удобряли поля. Теплый климат и обильные урожаи позволяли местным дамам носить довольно открытую и свободную одежду, больше прикрывающую нижнюю часть тела, чем верхнюю. Этот стиль одежды и темный оттенок кожи, до блеска натертой местными маслами, делал египтянок похожими на экзотические статуэтки. В отличие от многих народов юга, они любили носить разнообразные парики, украшенные бусинами и различными плетениями. А одежду большинство египтян предпочитали из довольно простых тканей, дополняя простоту своих одеяний поясами и браслетами… Мужчины и женщины одинаково проявляли интерес к косметике и подводили глаза и брови, удлиняя их к вискам, что делало взгляд более глубоким и проницательным. А царственные широкие ожерелья, покрывающие грудь и плечи, и головные уборы, которые прибавляли несколько сантиметров роста, привлекали внимание необычными и яркими изображениями змей и других принятых атрибутов власти.

И ДАЖЕ В МУЛЬТФИЛЬМАХ

Несмотря на то что большие надежды создателей "Клеопатры" 1963 года так и не оправдались, через три года на экраны вышел фильм "Я, Клеопатра и Антоний", где главная роль досталась Ставрас Парвас. В 1968 году появилась и мультипликационная Клеопатра — во французском мультипликационном фильме "Астерикс и Клеопатра", являвшемся очередной экранизацией известной серии комиксов об Астериксе и Обеликсе. Режиссерами картины стали сами создатели комиксов — писатель Рене Госинни и художник Альбер Удерзо. В фильме, чтобы доказать Цезарю, что египетский народ под ее управлением по-прежнему велик, Клеопатра обещает построить роскошный дворец за 3 месяца. Это задание она поручает своему лучшему архитектору Эдифису, обещая ему богатство в случае успеха или смерть от крокодилов в случае поражения. После долгих приключений начинается строительство, и Клеопатра хвалится Цезарю, что она почти победила, и тот посылает диверсанта на стройку. Зная о магическом зелье, Цезарь также отправляет на стройку трех наемников с целью захватить друида Гетафикса. Двоих наемников ловят Астерикс с Обеликсом; узнав у них о планах Цезаря, они успевают спасти Гетафикса. В панике Цезарь отправляет на стройку осадный отряд, который начинает рушить замок…

Озвучивала эту Клеопатру Мишлин Дэкс. В 1974 году мультфильм был удостоен немецкой премии "Золотой экран", учрежденной Национальным союзом немецких кинотеатров за успешный кинопрокат. В Советском Союзе "Астерикс и Клеопатра" с большим успехом показывался в видеосалонах и массово продавался на пиратских видеокассетах. В середине 90-х годов в России появились и лицензионные видеокассеты с этим мультфильмом в переводе Сергея Визгунова.

В сентябре 1971 года состоялась и премьера исторического телеспектакля "Антоний и Клеопатра" Уильяма Шекспира Государственного академического театра имени Евгения Вахтангова в постановке режиссеров Евгения Симонова и Леонида Пчелкина. В ролях — звезды советского театра и кино: Михаил Ульянов, Юлия Борисова, Василий Лановой, Владимир Осенев, Елена Добронравова, Нина Русланова, Екатерина Райкина, Вячеслав Дугин. В спектакле рассказывается об удивительной истории роковой любви великого римского полководца Антония и сказочной восточной красавицы Клеопатры. Апогей безрассудства любви. Царства не стоят ничего — Антоний широким жестом

бросает их к ногам любимой.

В "Антонии и Клеопатре" содержится великое разнообразие опыта. Шекспир показал соблазны мира, настоящего мира во всех его царственных обличьях, во всей его славе. Пьеса целиком и полностью посвящена истории человеческой души и последствиям человеческих поступков. Шекспир рассказывает притчи из нашей собственной жизни. А как известно, меняются только история и география. Человек, какое имя и титул ему ни дай — король Лир или царица Клеопатра, — останется человеком со всем несовершенством своей природы, особенно когда речь идет о Любви и Ненависти, Верности и Предательстве, Жадности и Бескорыстии, Трусости и Отваге.

"В спектакле Антоний в своем тягостном душевном разладе, оказавшийся между двух бездн — между Египтом и Римом, между Клеопатрой и Октавием Цезарем. Эти трое связаны в спектакле сложными отношениями притяжения и отталкивания, любви и ненависти, дружбы и вражды. А так как они втроем держат в руках судьбы народов и мира, исход борьбы приобретает значение историческое — возобладает ли пряный, изнеженный Восток, или Рим с его завоевательным пылом, или Антоний с его жаждой добра и справедливости. Ю. Борисова избирает самую жесткую трактовку своей Клеопатры — она не прощает ей ни женского эгоизма, ни любви-тактики, любви-расчета, ни потребности непрерывно утверждать свою власть над возлюбленным, ни глухоты к тревогам мира. С неистовством и одержимостью идет ее героиня к своей цели. И только потеряв Антония, ее Клеопатра теряет облик восточной причудницы и становится в простом горе, "как у тысяч женщин", достойной своей любви.

В 1974 году Клеопатра стала и главной героиней телевизионной драмы — на телеэкранах промелькнул почти трехчасовой "Антоний и Клеопатра" с Джанет Сазман в главной роли.

Затем настала пора и советской Клеопатры — в 1979 году появился телеспектакль "Цезарь и Клеопатра" по одноименной пьесе английского драматурга Б.Шоу из цикла "Три пьесы для пуритан". В образах Цезаря и Клеопатры (исполнители Иннокентий Смоктуновский и Елена Коренева) даны две нравственные позиции, в столкновении которых выясняется, что есть добро. Автором сценария и режиссером стал Александр Белинский.

В 1996 году на экраны вышла картина "Безумные ночи Клеопатры" режиссера Сезара Тодда по сценарию Рино Ди Сильвестро. В главных ролях снялись Марчелла Петрелли и Рита

Сильва. В отличие от многих исторических фильмов, которые можно отнести к разряду семейных или отчасти документальных, в этом — в избытке пиров, разврата, гнусных интриг и подлых деяний. 46-й год до н. э. Цезарь привозит египетскую царицу в Рим и оставляет ее одну. Их связь уже подошла к концу, а против самого Цезаря готовится заговор. Клеопатре снится один и тот же сон: ее бывшего любовника убивают ближайшие соратники. Верховный жрец, привезенный вместе с ней, говорит, что сны пророческие и остановить ход событий невозможно. Но царица посылает своих гонцов, уже зная, что два смертельных ранения будут нанесены Брутом. Гонцы опоздали…

В 1999 году выходит германо-американский мини-сериал (почему-то в некоторых источниках называемый фильмом) "Клеопатра" с Леонор Варела и Тимоти Далтоном. Его снял режиссер Фрэнк Роддэм, израсходовав бюджет в 30 миллионов долларов. Для съемок в Марокко и Лондоне были построены грандиозные декорации. В боевых сценах было задействовано до 1000 человек и 600 лошадей.

Мини-сериал рассказывал о роковой царице Египта и легендарной тайне ее чар. "Мужчины должны верить: что бы ты ни отдала, ему есть что еще завоевать". Двадцатилетняя Клеопатра — законная правительница Египта в изгнании, ее трон захвачен братом и сестрой. Клеопатра жаждет вернуть себе трон, Юлий Цезарь желает вернуть себе дань, которую ему перестали платить египтяне, и завоевать весь мир. Ночь, проведенная вместе, круто меняет жизнь обоих… В сериале были допущены некоторые фактические ошибки: например, главная героиня предстает то ли египетской, то ли африканской королевой, одевающейся в традиционные египетские наряды. В июне 2010 года эта "Клеопатра" была легально выпущена в России на DVD.

Самая знойная современная кино-Клеопатра появилась на экранах в 2002 году. Это был игровой ремейк мультфильма 1968 года "Астерикс и Клеопатра" и продолжение фильма "Астерикс и Обеликс против Цезаря", названный "Астерикс и Обеликс: Миссия "Клеопатра"", В комедии, снятой режиссером Аленом Шаба по мотивам комиксов Рене Госинни о галлах Астернксе и Обеликсе, сыграли Жерар Депардье (Обеликс) и Моника Беллуччи (Клеопатра). Развивая тему мультфильма, разгневанная действиями Цезаря Клеопатра отправляется на место штурма, где Обеликс, отбивая атаки римлян, швыряет в них метательные снаряды, но промахивается и попадает прямо в корабль пиратов Краснобарона; она приказывает Цезарю прекратить безобразия и возместить причиненный урон. Цезарю приходится подчиниться. Строители дальше продолжают строительство. В итоге дворец

оказывается построенным точно в срок. Цезарь признает величие египетского народа, Клеопатра сдерживает обещание и осыпает Номернабиса золотом, а также дарит Парономиксу ценные рукописи и устраивает роскошный пир, на котором голодный в течение всего фильма Обеликс наедается вволю. В фильме также много различных пародийных элементов — к примеру, когда Клеопатра говорит придворному художнику, чтобы "он хоть раз нарисовал ее анфас", она принимает ту же позу, что и Мона Лиза на картине Леонарда Да Винчи.

Картина снималась в течение 126 дней. Съемки фильма проходили на Мальте, в Марокко и во Франции. После завершения съемок прекрасные костюмы, в которых снимались главные актеры (в том числе и одежды Клеопатры), были проданы с аукциона милосердия для организации защиты детей.

В этом же году на экранах появился еще один фильм, одной из главных героинь которого является Клеопатра. В американско-германской картине "Юлий Цезарь" режиссера Ули Эдела египетскую царицу играет Самуэла Сардо. Преследуя до египетских земель Помпея, Цезарь получает в подарок его голову. Разгневанный диктатор в пылу эмоций ставит на египетский трон красавицу Клеопатру — дочь Птолемея. Саморазрушительное увлечение царицей губит политика. Вернувшись в Рим, Цезарь сталкивается с проблемой: Кальпурния разочаровывается в муже, изменившем ей. Успокоив ее речами о процветающей республике, он открыто представляет своего сына от Клеопатры — Цезариона. Тем временем в сенате зреет заговор. Обеспокоенный упадком республики, Кассий, восстановивший свое доброе имя после подчинения Цезарю, привлекает на свою сторону видных сенаторов и Брута, внушив ему опасность власти Цезаря и его наследника. Наступает 15 марта — мартовские иды по древнеримскому календарю. Цезарь получает зловещие предупреждения от своей жены и предсказателя. Ни о чем не беспокоясь, он отправляется в сенат, где ему наносят ножевые ранения бывшие друзья и товарищи.

В 2003 году на экраны выходит шведский фильм "Клеопатра", снятый режиссером Антонио Адамо с Джулией Тейлор в главной роли. В картине нет места для исторических подробностей, поскольку речь идет скорее об попытке эксплуатации очередной эротико-мистической темы. Группа археологов, членов секты, поклоняющейся Древнему Египту, работают над тем, чтобы вернуть к жизни царицу Клеопатру, известную на весь античный мир своими ненасытными сексуальными аппетитами. Как обычно и бывает в подобных картинах, она восстала из мертвых для того, чтобы показать, на что способна настоящая жрица любви и

страсти… Глядючи на такое, не выдерживают и самые стойкие ученые…

В этом же году вышел и исторический художественный фильм "Римская империя: Август", снятый режиссером Роджером Янгом по заказу итальянской телерадиокомпании RAI. Клеопатру сыграла актриса Анна Вале. В фильме рассказывается, как Марк Антоний, находящийся в это время в Египте, становится любовником Клеопатры. Он потворствует желаниям Клеопатры, настроенной враждебно к Октавиаиу. Когда Октавиаи обращается за помощью (прислать денег), Антоний не отвечает. Клеопатра, жаждущая смерти Октавиана и возвышения своего любовника, заставляет Марка Антония пойти войной против Октавиана. Марк Антоний собирает флот в 200 кораблей и высаживается со своими легионами в Брундизие, где его встречает Октавиан с армией. Армии сходятся, чтобы начать атаку. Но солдаты с обеих сторон видят в рядах противников своих братьев, друзей, родственников, соседей. Обе армий останавливают движение и отказываются воевать. Октавиан подходит к Марку Антонию, и они договариваются о мире. Для скрепления союза Марк Антоний берет в жены сестру Октавиана Октавию. Но этот союз был недолог. Вскоре Клеопатра заставляет Марка Антония бросить Октавию и жениться на ней, даже несмотря на то, что это против римских обычаев. Октавиан по совету Ливии, рискуя жизнью, в сенате вскрывает завещание Марка Антония, в котором тот отдает свое наследство Клеопатре и объявляет ее детей его единственными наследниками, тем самым совершив предательство Рима. По предложению Октавиана сенат объявляет войну Клеопатре. Происходит морское сражение, в котором участвует и Марк Антоний на стороне Клеопатры. Клеопатра проигрывает сражение и отходит под прикрытием тумана. Марк Антоний остается один с остатками своего флота, побежденный. В соответствии с обычаем он отдает свой меч Октавиану, но Октавиан сохраняет ему жизнь и отпускает домой (в Александрию). Вернувшись в Египет, Марк Антоний кончает жизнь самоубийством, упав грудью на свой меч. Увидев это, Клеопатра также оканчивает жизнь самоубийством при помощи змеиного укуса.

Затем выходит англо-американский телесериал "Рим" (2005–2007 годы), снятый режиссерами Майклом Алтедом, Алленом Култером, Аланом Полом. В роли Клеопатры снялась Линдсей Маршал. Бюджет сериала составил 100 миллионов долларов. В России его премьера состоялась в конце мая 2007 года, в ноябре 2010 года сериал был выпущен здесь на DVD. В сериале Антоний и Клеопатра после поражения кончают жизнь самоубийством.

Луций Верен забирает сына Пулло, которого все считают сыном Цезаря. Без привычной по многим фильмам кровожадности (хотя Клеопатра и говорит в последней серии, какое он чудовище) показан Октавиан, предстающий выдающейся личностью, которому пришлось не только восстанавливать единство будущей империи, но расправляться с бывшим соратником, потерявшим чувство меры.

В 2009 году вышел на экраны фильм "Цезарь и Клеопатра", поставленный по одноименной пьесе Бернарда Шоу режиссером Десом МакАнуффом.

В 2013 году успешный продюсер Лоренцо ди Бонавентура по заказу канала NBC взялся за сериал в жанре исторического фэнтези, причем главной героиней шоу должна стать легендарная царица Клеопатра. В сценарии, написанном Майклом Зейтцманом, помимо Клеопатры, Цезаря и Марка Антония героями будут античные боги, мифические монстры и волшебники. Исторические герои будут всего лишь пешками в битве богов, бессильными перед роком.

КЛЕОПАТРА Б ПРОЗЕ И СТИХАХ

Образ Клеопатры — один из самых популярных не только в истории, но и в художественной литературе, причем как в классической, так и современной, в том числе в историкоприключенческой и фантастике.

В 1603–1604 (по другой версии, в 1607-м) годах Уильям Шекспир написал трагедию "Антоний и Клеопатра" по сюжету, основанному на переводе плутарховского жизнеописания Марка Антония, выполненного Томасом Нортом с французского перевода Амио. Действие пьесы охватывает период от начала Парфянской войны до самоубийства Клеопатры. Впервые пьеса была напечатана в фолио 1623 года В пяти актах рассказывается не только о борьбе за власть над половиной мира, но и за власть над сердцем одного мужчины. Так, во втором акте персонажи обсуждают, что Октавия, сестра Октавиана, на которой предлагают жениться Антонию, не может соперничать с Клеопатрой:

…ни возрасту не иссушить ее,
Ни вычерпать привычке не дано
Ее бездонного разнообразия.
Другие женщины приесться могут,
Но насыщает чем она сильней,
Тем делает несытей…

Потерпев поражение в схватке с Октавианом, перед смертью Антоний узнает, что Клеопатра жива, и умирает со словами любви, затем Клеопатра умирает от укуса гадюки.

Новый Цезарь становится единовластным правителем Рима и велит с военными почестями похоронить Антония и Клеопатру в одной могиле.

Классик французской литературы Теофиль Готье написал рассказ "Ночь, дарованная Клеопатрой", который был впервые опубликован в ноябре — декабре 1838 года в газете "Пресс". Сюжет представляет собой вариацию на тему античного предания о любовниках египетской царицы Клеопатры, жизнью плативших за одну ночь с ней… В 1889 году на прилавках появился приключенческий роман "Клеопатра" Генри Райдера Хаггарда. Действие разворачивается в Древнем Египте во времена правления династии Птолемеев и вращается вокруг их выжившего потомка, находящегося под покровительством богини Изиды.

Повествование в тексте идет от лица царственного египтянина, наследственного жреца lap-махиса, сына великого жреца храма Сети Аменемхата. Одним из главных событий романа является возникновение заговора верховных древнеегипетских жрецов, решивших сбросить с трона ненавистную царицу Клеопатру, которая, по их мнению, отдала великий Египет во власть алчного Рима. При этом Хаггард описывает незаурядный ум и красоту Клеопатры, ее способность владеть ситуацией и людьми. Описание некоторых древнеегипетских ритуалов утрировано. Но тем не менее это один из самых популярных романов "с Клеопатрой".

В 1893 году вышел исторический роман Георга Эберса "Клеопатра" из его древнеегипетского цикла. Можно отметить, что Эбере был не только талантливым литератором, но и специалистом по египтологии, в 1865 году получившим звание доцента Йенского университета, а спустя три года ставшим профессором египтологии в Лейпцигском университете и совершившим две научные экспедиции в Египет.

В 1898 году Бернард Шоу написал одну из лучших своих пьес — "Цезарь и Клеопатра", которая была поставлена через несколько месяцев на любительской сцене Ньюкасла. В пьесе, действие которой происходит в 48–47 годах до н. э. в Египте, рассказывается о прибытии Цезаря в Египет и его вмешательстве в династический конфликт между Клеопатрой и ее братом Птолемеем XIII. Первая профессиональная постановка "Цезаря и Клеопатры" произошла в 1905 году в берлинском "Немецком театре" Макса Рейнхардта, затем последовала премьера в Нью-Йорке (осенью 1906 года). Только в сентябре 1907 года пьеса была представлена английской публике, а через год пьеса была поставлена в московском Малом театре.

В постановках пьесы участвовали такие выдающиеся актеры, как Лоуренс Оливье, Малкольм Кин, Вивьен Ли, Пегги Эшкрофт, Клод Рейнс и отечественный мастер Ростислав Плятт (в театре имени Моссовета). Пьеса была неоднократно экранизирована. В 1912 году драматург написал пролог к пьесе, фактически заменяющий авторское предисловие. В нем устами египетского бога Ра Шоу объяснял идейное назначение своей пьесы.

Юлию Цезарю, римскому полководцу, уже исполнилось 50 лет. Клеопатре, египетской царице, — 16 лет. В начале пьесы она — испуганная наивная девочка, но уже в конце пьесы становится самоуверенной жестокой царицей. Шоу в одном из писем кратко характеризует ее как "животное", воздавая при этом должное прагматику Цезарю.

Создавая свою пьесу, Шоу полемизировал с Шекспиром,

утверждая, что "Шекспировских Антония и Клеопатру совсем не приемлет истинный пуританин, а на нормального рядового гражданина они действуют как-то удручающе: Шекспир, правдиво обрисовав вначале погрязшего в разврате солдата и обыкновенную распутницу, в чьих объятиях погибают такие мужчины, затем вдруг могучей властью своей риторики и сценического пафоса придает театральную возвышенность злосчастному окончанию этой истории, внушая глупым зрителям, что его герои поступили красиво, отдав все — весь мир — за любовь. Такую фальшь не может вытерпеть никто, кроме действительно существующих антониев и Клеопатр (их можно встретить в любом кабаке), которые, разумеется, были бы рады, если бы какой-нибудь поэт преобразил их в бессмертных любовников…

В Цезаре я показываю характер, уже показанный до меня Шекспиром. Но Шекспир, так глубоко понимавший человеческую слабость, никогда не понимал, что такое человеческая сила цезаревского типа. Его Цезарь — это общепризнанная неудача; его Лир — непревзойденный шедевр… Цезарь был вне возможностей Шекспира и недоступен пониманию эпохи, у истоков которой стоял Шекспир и которая теперь быстро клонится к упадку".

Ради своей идеи строгой рациональности Цезаря Шоу даже отбросил тот исторический факт, что Клеопатра была любовницей Цезаря и родила от него сына. К тому же в конце пьесы Шоу Цезарь расстался с Клеопатрой, хотя в действительности взял ее с собой в Рим, где и был убит.

Прославленный древнеримский поэт Квинт Флакк Гораций (которому Октавиан Август однажды предложил должность своего личного секретаря) написал, что Клеопатра была женщиной "достаточно сумасшедшей, чтобы вынашивать самые фантастические надежды, будучи любимицей судьбы".

Трудно даже сосчитать количество стихотворений и поэм, посвященных Клеопатре, — среди отечественных мастеров можно назвать Пушкина ("Царица голосом и взором…", 1824 год; "Чертог сиял. Гремели хором…", 1828 год и более поздние "Египетские ночи"), Брюсова ("Я — Клеопатра, я была царица…", 1899 год; "Нет, как раб не буду распят…", 1905 год), Блока ("Открыт паноптикум печальный…", 1907 год), Ахматову ("Уже целовала Антония мертвые губы", 1940 год).

Но изменяющиеся времена и нравы породили на потребу жадной до страстей публики и новые "облики" Клеопатры. Так, по мнению популярной современной писательницы Надежды Первухиной, в классификации женских персонажей в фантастике,

существует "тип…"Королева". Ведет происхождение от Клеопатры и Мессалины. Населяет миры фэнтези, занимается придворными интригами, травит любовников и под корсажем носит толедский кинжал. Детей если и рожает, то мимоходом, тут же после родов бросаясь в водоворот дворцовых страстей".

Американская писательница Энн Скарборо, лауреат премии "Небьюла", сочинила фантастический роман "Преображенная Клеопатра", в котором капризная дамочка из будущего изменяет себя с помощью ДНК царицы Клеопатры. В 1997 году вышел исторический роман американской писательницы Маргарет Джордж "Дневники Клеопатры".

В романе Натальи Павлищевой "Последняя страсть Клеопатры" описаны переживания Клеопатры после убийства заговорщиками великого Цезаря. Она считала его главным мужчиной в своей жизни и оплакивала годами, Клеопатра была уверена, что больше неспособна полюбить. Как же она ошибалась! Впрочем, ее чувство к Марку Антонию не назовешь просто любовью — это была отчаянная, исступленная, сводящая с ума, самоубийственная страсть, которая стоила обоим не только царства, но и головы, однако ни Клеопатра, ни ее избранник не пожалели об этом даже перед смертью. Пусть они давно вышли из возраста Ромео и Джульетты (Марку Антонию было за пятьдесят, Клеопатре — под сорок, в Древнем мире это уже преклонные годы!); пусть мужчину легче завоевать, чем перевоспитать, и прекрасный любовник далеко не всегда становится примерным супругом; пусть вокруг полыхает беспощадная война, гибнут армии и флоты, рушатся царства — они предпочтут умереть вместе, чем жить в разлуке друг с другом…

Франсуаза Шандернагор в недавно вышедшем на русском языке романе "Селена. Кольцо Клеопатры" рассказывает историю юной Селены, дочери Клеопатры и Марка Антония, оказавшейся во власти врагов. Беззащитная девушка очутилась в чужой ненавистной стране. Только жажда мести придавала ей сил. Она сумела завоевать доверие Октавии, сестры императора, выучить язык и обычаи своих недругов. Красота и кажущаяся покорность девушки привлекли внимание принца Мавритании. Селена понимала: только так можно обрести свободу и власть. На прощание Октавия подарила девушке перстень ее матери, могущественной Клеопатры! Получив перстень, Селена считает, что сумеет отомстить недругам и вернуть славу своему роду.

Клеопатра является и персонажем комиксов. Так, в серии комиксов издательства Top Cow Productions Witchblade ("Клинок ведьм"), выпускаемой с 1995 года (авторы идеи — редакторы Марк Сильвестри и Дэвид Воль, тексты Брайан Хейберлин),

рассказывается о приключениях детектива полиции Нью-Йорка Сары Пеццини, которая становится владельцем Клинка ведьм, принадлежавшего в свое время Клеопатре. Этот артефакт внеземного происхождения — одно из 13 великих орудий вселенской борьбы Света и Тьмы. Он обладает мужским разумом и подчиняется только женщине Неактивированный Клинок ведьм выглядит как драгоценность, однако, когда хозяйка артефакта вступает с ним в духовный контакт, он превращается в своеобразный доспех, обволакивающий тело. Доспех способен "отращивать" мечи, щиты, крылья, может стрелять сгустками энергии, а также излечивать раны, даже смертельные. Комикс несколько раз был экранизирован, и в том числе по его мотивам даже снят аниме-сериал.

ЛЮБИТЬ И ВЛАСТВОВАТЬ

Психолог и писательница Карина Сарсенова так объясняет феномен неизменной популярности Клеопатры:

— Личность человека — это целостность, составленная из противоборствующих, проистекающих одна из другой, и, как ни парадоксально, взаимодополняющих друг друга частей. Их борьба порождает внутренние конфликты, динамика которых является залогом существования и развития человека. Потребность создавать и разрушать — две главные движущие психические силы. Они отражены в потребности любить и властвовать. Любовь, то есть безусловное принятие своей и чужой отличности, противостоит властности с ее превозношением собственного и подавлением другого "я". Именно такой конфликт ярчайшим образом воплощен в образе Клеопатры, могущественной правительницы, использующей данную ей очаровывающую силу во имя себя и своих владений. Проявляя к ней интерес, подпадая под власть ее исторически вечной харизмы, мы получаем возможность отождествить с ее образом свое неосознаваемое "я" и так ослабить его постоянное конфликтное напряжение. Конечно, это отождествление бессознательно. Но, как известно, все самые мощные психические процессы протекают как раз в областях психики, скрытых от нашего сознательного восприятия. В Клеопатре необычайно насыщенно проявились все противодействующие стороны человеческой психики. Она одинаково интересна мужчинам и женщинам из-за следующего внутреннего конфликта, терзающего каждую личность: сражения Анимы и Анимуса, женской и мужской составляющей психологического конгломерата. Опять-таки властность и бескомпромиссность, агрессия и мужественность, в большей степени присущие мужчинам, вкупе с беспрецедентной психологической выраженностью ее женского начала, дают каждому возможность бессознательно идентифицировать и инвентаризировать собственное соотношение женственности и мужественности. Без сомнения, Клеопатра, обладающая высочайшей жизненной энергией, характерной для сексуальности нимфоманического типа, имела соответственно развитое представление о себе — эго. Сильное эго неизбежно продуцирует активную нарциссическую позицию личности, в случае Клеопатры конструктивной направленности. Сильное эго образует конфликтное поле между потребительской и альтруистической, ограничивающей и познающей структурами личности. Эти противостояния присущи абсолютно каждому человеку нашей

эпохи. Их актуальность заявляет о себе интересом к историческим персоналиям схожего с Клеопатрой типа. Отождествление с кумиром приводит к усилению принадлежащего личности эго, обостряя протекающие в нем процессы. Гротескность эгоцентрического "я" выводит на поверхность сознания скрытые в его глубинах темные и светлые нюансы конкретной человеческой специфичности. И данный интерес необычайно полезен. Любое более или менее бессознательное соотнесение себя с конкретным образом стимулирует, интенсифицирует скрытые в нас психологические тяжбы, меняя степень проявленности определяющих их личностных особенностей и, следовательно, изменяя условия жизни человека. Оказываясь в ситуации измененной внутренней и внешней среды, человек вынужден принять эти перемены и следовать за ними по пути личностной эволюции. Необыкновенно неоднозначная и многогранная личность Клеопатры схожа с психологическими аспектами любого человека, одновременно противопоставляясь ему своей уникальной яркостью. Каждый из нас может найти в ней себя, прочувствовав свои созидающие и разрушающие силы. Каждый из нас на ее примере уполномочен познать и осознать себя, выйти за границы бессознательной психической деятельности и подняться на новую высоту духовного "я". Личность Клеопатры подводит нас к той самой границе между бездуховностью и духовностью, бессознательным и осознанным, временным и вечным, перейдя которую мы сможем уверенно подняться над устаревшими представлениями о себе и выйти за пределы нашего эго. И пока мы не перейдем эту границу, образ великой властительницы будет волновать наши сердца и души. Ведь она является своеобразным учителем для всех, кто хочет принять такой урок: в основе психики ты такой же, как и я, и, осознав себя, можешь стать гораздо лучше и эффективнее и пройти намного дальше, чем я.

КЛЕОПАТРА В БАЛЕТЕ И МУЗЫКЕ

В 1900 году по заказу Дирекции императорских театров известный композитор Антон Аренский написал свой единственный балет — "Египетские ночи". Первоначально балет должны были поставить в Петергофе в связи с приездом в Россию персидского шаха, но так и не был поставлен. Литературным источником сценария послужила новелла известного французского поэта и писателя Теофиля Готье "Ночь, дарованная Клеопатрой".

В 1907 году хореограф Михаил Фокин решил поставить балет Аренского, воспользовавшись старым сценарием. Премьера состоялась 8 (но старому стилю) марта 1908 года в Мариинском театре. Во многих газетных публикациях того времени была допущена ошибка — в рецензиях критиков на премьеру "Египетских ночей" были ссылки на одноименный текст А.С. Пушкина, хотя на самом деле в основу сюжета была положена новелла Готье, отличающаяся от версии солнца русской поэзии. Первый раз балет был поставлен с благотворительной целью, поэтому использовались сборные декорации и костюмы, и лишь через несколько месяцев появились декорации и костюмы, сделанные специально для него.

В 1909 году Сергей Дягилев включил "Египетские ночи" в программу "Русских сезонов", переделав сценарий и музыкальную партитуру, которая превратилась в антологию русской музыки из-за включений в нее отрывков разных композиторов. Кроме того, для привлечения западной публики "Египетские ночи" были переименованы в "Клеопатру". При этом необходимо подчеркнуть, что особенность хореографии Фокина состояла в том, что он стилизовал позы, запечатленные на египетских фресках. Все это было совершенно необычно для балетной сцены. Один из критиков писал, что "это нарушение всех традиций доброго старого времени, это "переоценка ценностей", отрицание выворотности ног, классической техники, нарушение "канона", Это эволюция, новое слово, интереснейшая по заданию экскурсия в область археологической иконографии и этнографической пляски". Роль самой Клеопатры была поручена Иде Рубинштейн, роль Береники, которая в парижском варианте получила имя Таор, исполняла Анна Павлова, а Амуна — сам Фокин.

Успех, выпавший на долю "Клеопатры", превзошел даже успех выступлений самого Федора Шаляпина. Так, Александр Бенуа в статье " Русские спектакли в Париже" писал об ажиотаже вокруг "Клеопатры", о том, как очаровали публику таланты дягилевской

труппы, несмотря на полное неправдоподобие с исторической точки зрения сценария: "Ничего подобного тому, что разыгрывалось, быть не могло. Никогда египетские "помещики" не ухаживали за служанками храма и не пускали в цариц стрел с любовными записками, никогда супруги фараона не предавались любовным ласкам на паперти храма, никогда не отравляли минутных фаворитов на глазах у всякого сброда, пришедшего их чествовать…"

При этом наибольшее внимание вызывала сама "египетская царица" — Ида Рубинштейн, которая, по словам того же Бенуа, не слишком скромничала, "раздевалась при всем честном народе и затем предавалась любовному экстазу; причем лишь в самый острый момент услужливые придворные дамы задергивали занавеску перед ложем, подчеркивая этим еще большую рискованность момента, Кульминационным пунктом спектакля являлась не только сцена с Клеопатрой, сколько вакханалия, вызывавшая каждый раз такой энтузиазм, что оркестр прекращал играть и артисты в течение нескольких минут не могли продолжить действие". Затем началась Первая мировая война, в России произошли две революции, и только спустя одиннадцать лет балет на основе хореографии Фокина возобновился Александром Чекрыгиным на сцене Мариинского театра. Через три года появилась новая постановка — Александра Чекрыгина и Федора Лопухова.

В 1962 году "Египетские ночи" с Аллой Шелест в главной роли были поставлены в Кировском театре в редакции Константина Сергеева, и спустя 26 лет была снята и телеверсия этого балета, что позже использовалось для новой постановки (вернее будет сказать — возрождения). В юбилейный год "Русских сезонов" (2009) в Римской опере поставили свою "Клеопатру" с артистами Мариинского театра. Режиссер-постановщик телеверсии балета "Египетские ночи" — Евгения Попова. В рати Клеопатры — Алтынай Асылмуратова.

В апреле 2013 года на сцене Михайловского театра состоялась мировая премьера балета "Клеопатра — Ида Рубинштейн" Андриса Лиепы, который задумал этот балет как продолжение проекта "Русские сезоны XXI века", который, с одной стороны, возрождает нетленные шедевры "Русских сезонов" Сергея Дягилева. Балет создавался специально для Илзе Лиепы, которая исполняет обе заглавные партии — Клеопатры и Иды Рубинштейн.

11 декабря 2013 года на Новой сцене Большого театра России состоялся "Бенефис Илзе Лиепа". Впервые в Москве был представлен поставленный прославленным хореографом

Патриком де Бана специально для Илзе балет "Клеопатра — Ида Рубинштейн", премьера которого состоялась в Париже минувшим летом. В нем отображена творческая судьба удивительной актрисы, которая, не будучи профессиональной танцовщицей, блистала на парижской сцене во время легендарных "Русских сезонов" Дягилева.

16 октября 1966 года в Нью-Йорке в Метрополитен-опера состоялось торжественное открытие нового оперного зала, совпавшее с мировой премьерой новой оперы известного американского композитора Сэмюэля Барбера — "Антоний и Клеопатра".

В 2003 году была создана музыкальная драма Алексея Владимирова "Правило Клеопатры" по мотивам романа Генри Райдера Хаггарда "Клеопатра". Сюжет по сравнению с книгой претерпел сильные изменения — по словам А. Владимирова, исполнившего главную вокальную партию в демо-версии: "Я расскажу вам историю… о великой царице, чье истинное лицо скрыли придворные летописцы. Кто-то потребует доказательств. Но кто о них узнает после того, как над мифом поработает пропаганда?"

На этот раз заговорщики-жрецы уговаривают убить мешающую им Клеопатру простого парня, но, увидев царицу, герой влюбляется в нее. Но вскоре сталкивается с ее коварством — она готова на все, чтобы подавить мятеж и не потерять власть.

В 2010 году композитор Александр Журбин и Жанна Жердер создали на основе прославленной пьесы Бернарда Шоу "Цезарь и Клеопатра" одноименный мюзикл с Герардом Васильевым в главной роли.

В 2009 году музыканты рок-метал группы Kataklysm, взявшись за проект Ex Deo, выпустили свой дебютный альбом Romulus, концепцию которого можно охарактеризовать фразой: так мог звучать древнеримский военный оркестр с электрогитарами. По мнению музыкальных критиков, "мелодия открывающей песни надолго застревает в памяти — эпично и возвышенно, подобно античной трагедии. Также стоит отметить атмосферные гитарные соло, через которые передается дух той эпохи. Лирика охватывает соответствующие стороны жизни Древнего Рима — воинскую доблесть, походы и завоевания, славу и честь, судьбу гладиатора. Все с хорошей долей пафоса… Музыканты поют про Цезаря, рассказывают историю поражения Марка и Клеопатры от Октавиана в Египте, а также красивую легенду о Ромуле и Рэме — легендарных основателях Вечного города…". В пафосном, эпическом и динамичном альбоме тема роковой любви и власти Клеопатры вполне уместна.

КЛЕОПАТРА: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Прошли тысячелетия, пал великий Рим, обратились в прах великие царства. Что же, помимо многочисленных легенд и немногих уцелевших памятников того времени, осталось от Клеопатры? Чем в XXI веке оказалось увековечено имя этой царицы и роковой женщины?

По-прежнему в Египте миллионам туристам из разных стран рассказывают многочисленные легенды о Клеопатре, ее волшебной красоте и тех чудесных снадобьях, при помощи которых она сохраняла ее долгие годы, "приворожив" самых могущественных мужчин всего мира — Цезаря и Антония. Клеопатра, желая сохранить свою красоту, тоже порой употребляла уксусный напиток с растворенным в нем жемчугом. По уверениям древнеегипетских врачевателей, жемчуг дарил долголетие, чистоту, непорочность, верность, сексуальную чувственность. Сохранял беременность, давал рассудительность, мудрость, богатство, заботу друзей и близких. Он останавливал кровотечения, успокаивал боль, болезни печени и желудка, малокровие, печали и бессонницу. Значит, не случайно именно в честь Клеопатры назвали многочисленные салоны красоты, а также дорогие отели.

В многочисленных преданиях говорилось о том, что Клеопатра никогда не пьянела благодаря тому, что на пирах носила чудесное кольцо с аметистом, которое обладало способностью изгонять винные пары из головы того, кто его носит. Позже это кольцо неоднократно упоминалось в различных источниках, а уже в наше время стало основой для сюжета историкоприключенческого романа.

Прославленный античный медик, хирург и философ Гален, живший в III веке, в молодости отправился в Великую медицинскую школу Александрии, где изучил различные медицинские традиции, затем использовал рецепт Клеопатры для лечения облысения. Но мнению ученых, не исключена вероятность того, что это был тот самый рецепт, который она специально составила для Цезаря, скрывающего свою плешивую макушку под лавровым венком правителя. В качестве лечения Клеопатра советовала следующее: "Истолочь красную серу с мышьяком и смешать со смолой дуба. Положить смесь на тряпицу и прикладывать, предварительно хорошенько намылив лысое место". По всей видимости, сей рецепт неоднократно применялся и в более поздние столетия.

Кроме того, в России, Европе и Америке регулярно проводят

различные женские тренинги ("101 рецепт Клеопатры", "Секреты Клеопатры", "Экзотические ласки Клеопатры", "Тайны страсти великой египтянки"), на которых присутствующим обещают открыть секрет обольщения мужчин, которым якобы владела Клеопатра. Помимо эротических секретов Клеопатре приписывается прекрасное знание мужской психологии и создание чарующей романтической атмосферы, способной поразить даже самое циничное сердце военачальника и политика.

Среди предметов, называемых именем Клеопатры, можно встретить разнообразные чаи ("Ароматы Клеопатры"), в том числе и для похудения, искусственные парики (среди прочих — и рыжие), белье (как нижнее, так и постельное), матрасы и ванны, люстры и изысканные и не очень бра, а также всевозможные украшения. Среди них не последнее место занимает столь ценимый любителями экзотики и потаенных смыслов золотой (чаще позолоченный) египетский браслет времен Клеопатры в форме двух змей, свернувшихся кольцом, являющихся символами защиты и обновления. Существуют также гадания Клеопатры, часть из которых "должна помочь" женщинам найти достойного суженого.

Не обошлось и без папирусов с ее изображением и ассортимента всевозможных сувениров (статуэтки, пирамиды), многие из которых являются простенькими копиями старинных предметов. Но большинство приобретателей подобных вещей и не подозревают, что эти безделушки копируют не эпоху Клеопатры (чей род восходил вовсе не к легендарным фараонам, а всего лишь к одному из расчетливых сподвижников Александра Македонского), а более ранние времена. Тем самым, когда на египетской земле процветал культ таинственных богов с головами животных и птиц, расширялись города для мертвых и никто не оспаривал божественное происхождение фараонов.

Другая, так и неисчерпанная, тема, связанная с Клеопатрой, — это мифические сокровища, которые якобы легендарная египетская царица повелела спрятать перед своей смертью, не желая, чтобы они достались жадным римлянам. Доверчивым туристам на египетской земле могут предложить не только древние "сувениры" и уникальные "артефакты", обладающие "магическими свойствами", когда-то принадлежащие "самой Клеопатре", но и даже карты, где в укромном месте (прямо как в приключенческих романах) спрятаны до "лучших времен" ее сокровища. Для менее наивных, но все равно азартных и жаждущих любой ценой разбогатеть есть способ проверить свою удачу на игровом автомате Cleopatra Treasures ("Сокровища Клеопатры"). Есть и бесплатная онлайн-игра с таким же

названием. В ней нашлось место самой Клеопатре, таинственным знакам, священным животным и отважным и мудрым игрокам.

В стратегии Rise & Fall: Civilizations at War, разработанной Midway Games, можно примерить на себя известного исторического деятеля, в том числе Александра Македонского и Клеопатры. Среди наиболее удачных — именно морские сражения. Не обошлось и без настольных игр, названных в честь Клеопатры.

Имя Клеопатры в честь самой прославленной царицы выбрали в качестве "творческого псевдонима" экзотические танцовщицы, тоже сводящие с ума мужчин, и эротические салоны.

Многие spa-центры предлагают оздоровительные ванны "по рецепту Клеопатры". А неподалеку от Сива, самого изолированного оазиса Египта, расположенного в 550 километрах от Каира, расположен храм Умм-Убейда, а дальше находятся те самые прославленные "ванны Клеопатры" — круглый бассейн с каменным дном. Как уверяют местные жители и многочисленные путеводители на большинстве европейских языках, именно здесь Клеопатра и принимала свои целебные ванны. Они питаются от горячего источника, температура воды в ваннах + 29 градусов.

Среди предметов, владение которыми в различных источниках приписывается Клеопатре, упоминаются и магические, в том числе способные превращать обычные, простые (неблагородные) металлы в золото. Этим объясняется то, что, по многочисленным преданиям, расточительство Клеопатры не знало границ, а при этом ее богатство казалось всем неисчерпаемым.

Поэтому некоторые средневековые европейские алхимики верили, что царица владела не чем иным, как философским камнем, который давал ей возможность не только омолаживаться, но и совершать чудесные превращения. По одной из более поздних легенд эпохи Возрождения, так называемый философский камень, принадлежащий Клеопатре, после ее смерти был найден в тайнике ее дворца доверенными слугами Октавиана и тайно доставлен в Рим. Таким образом, когда-то являвшийся одним из атрибутов земных богов — фараонов — тот самый философский камень оказался в Европе, где пропал в V веке после прихода в Рим варваров. А еще ранее найденные римлянами секретные записи царицы Клеопатры и Октавиана были уничтожены, поэтому эта красочная гипотеза, кроме слухов и невнятных ссылок, не имеет никаких реальных доказательств.

Среди множества слухов о тайнах и пропавших "аксессуарах" Клеопатры некоторые связаны с посещением Египта известными мистиками (весной 1904 года — Алистером Кроули, который, как

он сам утверждает, общался с собственным трансцендентным двойником) и представителями оккультных спецслужб (сотрудниками гиммлеровского "Аненербе", сопровождавшими войска генерал-фельдмаршала Эрвина Роммеля во время Африканской кампании 1941–1943 годов". Английский главнокомандующий силами Среднего Востока фельдмаршал Клод Окинлек летом 1941 года издал следующий уникальный приказ, не имеющий аналогов: "Всем командирам и начальникам штабов. От Главнокомандующего: "Существует реальная опасность, что наш друг Роммель станет для наших солдат колдуном или пугалом… Даже если бы он был сверхчеловеком, было бы крайне нежелательно, чтобы наши солдаты уверовали в его сверхъестественную мощь. Я хочу, чтобы вы всеми возможными способами развеяли представление, что Роммель является чем-то большим, чем обычный германский генерал…"".

Документальных подтверждений того, что кем-то из них велись поиски каких-либо артефактов, связанных с Клеопатрой, не появилось, но в конспирологической карте мира, столь любимой миллионами людей, причудливо увязывающей века и цивилизации, при желании можно найти путеводную нить между Клеопатрой и чародеем Мерелином, добавив попутно в сей романтически-мудреный узор катаров, трубадуров, алхимиков и крестоносцев, не забыв и об индийских махараджах и мудрецах. Кто может утверждать, что, хотя сын Клеопатры Цезарион и не отплыл в Индию, туда все же не были отправлены некие доверенные люди, снабженные, разумеется, "тайными папирусами" и "настоящими артефактами"? Достаточно вспомнить тот факт, что в конце XIX — начале XX века, когда было модно вызывать духов великих людей и спрашивать у них о так и неразгаданных тайнах, одним из самых "вызываемых" женских духов была Клеопатра. Попутно ее спрашивали и о великом Цезаре, и о пороках Марка Антония, и, конечно, просили поделиться секретами красоты и "привораживания" мужчин. При этом почему-то, как гласят воспоминания, никто практически не интересовался ее отношениями с другим известным историческим персонажем — Иродом Великим, предавшим Клеопатру.

Кроме того, есть еще одно специфическое явление, связанное с Клеопатрой: некоторые из тех наших современников, кто не только верит в реинкарнацию (перевоплощение душ), но рассказывает о своих прошлых жизнях (в большинстве случаев вспомнив их под гипнозом), считают, что именно он (она) в прошлом и был(а) той самой легендарной египетской царицей. При этом они вполне могут рассказать достаточно связно ее

историю и даже с увлечением описать некоторые детали ее жизни.

В подобных случаях проверка рассказов о тех самых вспомнившихся былых жизнях начинается с поиска исторического соответствия. Раз вспомнил (вспомнила), то если уж не тот давний язык, то хотя бы какие-то детали можешь описать. Но именно в случаях с людьми (в основном женщинами, но был и мужчина!), считавшими, что они вспомнили свою прежнюю жизнь, в которой были той самой Клеопатрой VII, оказалось, что описываемые ими детали представляют пересказ или даже вольную фантазию эпизодов, сюжетов, диалогов или постановочных сцен из кино- и телефильмов, посвященных Клеопатре, Цезарю, Марку Антонию и Октавиану, ставшему Августом. При этом нужно подчеркнуть, что в большинстве случаев дело не в каком-то мошенничестве (за очень редким исключением вспоминатели своих прошлых жизней никакой финансовой выгоды не получали, разве что повышенное, да и не всегда благосклонное, внимание СМИ и общества), а скорее в самовнушении и самообмане. Они искренне верили, что вспомнили тот или иной древний эпизод, и реально изумлялись, когда им показывали "исходник" — видео из фильма. Реже — эпизод из романа. Данные из научно-популярных книг почему-то такой "вспоминательной реакции" не вызывали.

Почему же эти люди считали, что они "были" именно Клеопатрами? Древний Египет благодаря кинофильмам стал одним из самых популярных эпох для наших современников.

Красочные одеяния, грозные армии, роковые красавицы и несимпатичные злодеи — слава и величие для настоящих героев. И царица, которую выбрали по очереди два самых великих мужчины. Женщина, часы обладания которой, как гласит легенда, стоили жизни. Понятно, что подобное запоминается и потом "всплывает", люди сами не помнят, как это им "попало" в голову. Таким образом, обрывки подлинных исторических событий, связанных с Клеопатрой и "подсмотренных" на экране, могут оказаться вшитыми в ткань человеческого воображения и породить такие "перерожденческие" иллюзии. Тем более что многие предметы из нашей современности носят имя египетской царицы.

Но в современном мире есть и те, кто считает, что они постигли все тайны Клеопатры, и в том числе загадку бегства ее флота в морском сражении при Акции, приведшую к разгрому армии Марка Антония. "Дело в том", что Антоний и Клеопатра были представителями мудрой инопланетной цивилизации, прибывшими на Землю, чтобы спасти ее уникальные древние

культуры, в том числе и египетскую, от варваров и милитаристического технократического Рима. В течение нескольких лет Клеопатра и Антоний успешно противостояли попыткам римской администрации ввести в Египте новые порядки, сохраняя египетскую самобытность под видом восточных чудачеств, но так не могло продолжаться десятилетиями, и в конце концов произошел конфликт и пришельцы не решились по этическим причинам разгромить римские войска, убивая землян и развернув на планете масштабную войну. Эта фантастическая гипотеза "объясняет" не только все странности в истории Клеопатры, но попутно "уделяет внимание" всевозможным загадкам Древнего Египта (высокотехнологичным стройматериалам пирамид, иероглифам Дендеры). Разновидностью этой гипотезы является та, в которой Клеопатра прибыла в Древний Египет не из другой цивилизации, а из другого времени, и поэтому ее (из-за технических устройств, личных способностей и т. д.) могли воспринимать по-разному.

Облик Клеопатры, "используемый" в наше время, противоречив. Достаточно привести пример, что в честь Клеопатры назван проект по мониторингу загрязнения Средиземного моря, что не очень-то согласуется с тем, что в честь ее названа и популярная марка сигарет на Ближнем Востоке.

КЛЕОПАТРЫ НАД НАМИ

Но есть и далекая неземная Клеопатра, которая в виде крупного астероида главного пояса вращается вокруг Солнца. Открытый 10 апреля 1880 года австрийским астрономом Иоганном Пализой в Венской обсерватории астероид 216 был венскими астрономами назван в честь Клеопатры. Астероид, находящийся от Земли на расстоянии 170 миллионов километров, достигает 217 километров в длину и состоит из железоникелевого сплава.

Кроме того, на карте Венеры увековечены не только богини Деметра, Хатшепсут, но и Клеопатра. Впрочем, на этой планете "встречаются" только женщины — по соглашению мирового астрономического сообщества вся венерианская топонимика тоже состоит из женских имен. И только одно единственное исключение — горы Максвелла: поскольку это название было дано им раньше, чем вступило в силу "женское правило".

Но самое главное то, что египетско-римская империя, о которой мечтала Клеопатра, вскоре после ее смерти стала реальностью, — правда, ее правители вели свой род от Октавиана, внучатого племянника Цезаря, а не от его сына Цезариона, — определившей весь облик современной цивилизации.